

9(47)13
B-51

Р. Ю. Виппер

Иван Грозный

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
при СГУ
III отд. Истфак

Пр.68

289159

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕЛЬФИН“

1922

9(47)13

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1957

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стран
1. Шестнадцатый век	1
2. После короля Ивана III	14
3. Огни в Европе	20
4. Колебания Европы	24
5. Дипломатия Грозного	34
6. Иван IV и Стефан Батория	38
7. Посмертный суд над Грозным	38

1 Шестнадцатый век.

С той поры, как татары разгромили Суздальскую и Киевскую Русь (1237—1239), а франко-итальянские крестоносцы потеряли Иерусалим (1244), Азия не переставала высылать новые и новые массы кочевников на Европу. Никогда разбойничьи набеги так не давили на промышленные и земледельческие страны Запада, как в конце XV и начале XVI в., когда пал христианский Константинополь, когда турецкие и татарские наездники подступали к Вене и Москве. Никогда в такой мере религия не служила знаком культурного разделения в то время как среди кочевников от Оби до Атлантического океана, от Оки и Дуная до Индийских вод безраздельно царил вера Мохамеда, христианство было задвинуто в тесный северо-западный угол Европы, сохраняя лишь слабые остатки наследства античного мира.

1.

Новые лагеря, крепости и замки кочевников глубоко врезались в области земледельцев и садоводов восточной Европы. Еще дальше заходили вооруженные караваны султана собиравшие для него дань, его подручные и подданные, вожди вольных дружин, татарские ханы и мурзы, хвалявшие добычу в виде припасов, предметов роскоши и изредка живого товара — убогих в пелену людей.

Сам он достиг зыбкой цели неустойчивых азиатских завоевателей, сел в золотоверхом Царьграде, наследником Римского Кесаря, водрузил на св. Софии вместо креста полумесяц. Опираясь на большое постоянное войско, силу, о которой тогда и мечтать не могло ни одно европейское правительство, он был бесспорно самым могущественным, возможным, единственным императором мира. В качестве жертв этого халифа, т. е. первосвященника и покровителя верующих, его чтили далекие окраины Сибири, Туркестана, Счастливейшей Аравии, африканского Туниса; есть любопытные известия, относящиеся к ирландцам Грэйнон, что их варды и поволж-

Сами купцы прибегали к высокой помощи султана, жалующаясь на жестокость людей, которые в Астрахани затрудняют богоугодные прогулки к Махамедову гробу. В письме к французскому королю Сулейман II (1520—66) называет себя царем царей, князем светов, раздавателем корои мира, тенем Бога в обеих странах света, властителем Черного и Белого моря, Азии и Европы; в это время у турок считалось в подчинении 30 королевств и 8000 милл. берега.

Особенно тяжелый урон терпели европейцы в торговле с богатшими странами Востока, доставлявшими пряности, шелк, сабионуау кость. Утвердившись на берегах Леванта, турки отняли у генуэзцев и венецианцев их старые торговые стоянки в Крыму, на Кипре и Родосе, наполнили Средиземное море корсарями и заородили прямой доступ к Персии, Аравии, Индии и Китаю. Захватив в 1517 г. Египет, султан Селим обрезал последнюю нить, которая связывала Венецию с Востоком. Внесредоведские товары поднимались до цен баснословных, а золото из Европы уходило в руки счастливых извозчиков, сидевших у ворот азиатской торговли.

Кочевая Азия точно стеснула европейцев на узкой территории и заставила их сжаться в своей внутренней жизни. В XV веке обедневшая лишенная золота Европа раздирается междоусобиями не имея выхода наружу, народы грабят друг друга. С окончанием Столетней войны между Англией и Францией, поразительно бесплодной для обеих сторон, восставшие наемники, неспособные приняться за мирную работу, продолжают вести между, раздробленную борьбу, истребляют свои силы в гражданских спорах: такковы подвиги армянской и „живоцеров“ во Франции, такова бесконечная усобица, которая в Англии носит имя войны Алой и Белой Розы. В землях приальпийских и прикарпатских свирепствуют войны: гусситские, чешские табариты, прообраз запорожского казачества, одороны и сильные молодцы, не желавшие заниматься правильным трудом, опустошают земли свои и чужие, прожигивают запасы, выколовшим искусством и трудолюбием остального населения, бросая дом и родных, они предпочитают жить товарищескими семьями бессемейных кочевников.

II.

С начала 1500 г. европейцы начинают как бы нащупывать пути и средства, чтобы вырваться из тяжелых тисков, в которые христианский мир был затиснут на двести с лишком лет азиатскими завоевателями. Шестнадцатый век — время крупных открытий, необыкновенного расцвета европейской предприимчивости, начало нового расширения Европы.

Народы крайнего запада ищут морские обходные пути к дальнему Востоку. У каждой нации вырабатывается свои

специальность в этих фискалах. Добиваясь кратчайшего пути португальцы отбивают Африку и вперёд выстраивают складчину Индии. Испанцы, последовавшие за кругосветной флотилией итальянского вельютежа Колумба, встречали на своей новой материк в зарываются в сладочные заводы золота Новой Индии. Англичане, принявшись за свои концы, дружно и стремясь к путям оригинальным, бродят по север, чтобы обогнуть Европу и Азию с конда, противодействующего замыслу португальцев. В середине XV и XVI веков увеличивается количество испанцев искателей для открытия стран, земель, в островов, государств и владений неизвестных в доконе морские пути не посещаемых". Первым же известным этого общества явилось путешествие Магелана, который в 1519 г. был выслан в Белое море, попал в Москву и завёл привалящие сношения с московским государством: англичане открыли для себя новую Америку.

Путешествия англичан отинули и русские земли и востановит открытий. В Англии заметили скоро, что Москва, близко своего непосредственного значения в торговле, может служить транзитом к Средней Азии, что по Северной Двине, по Волге и Каспийскому морю можно добиваться до Туркестана и Бухары, а так и до самой Индии. Та же идея сумаспутного переезда через восточную Европу охватывает изображение старых руководителей торгового движения, венцианцев, генуэзцев, немецких гевандтов, отгесинских блаженствительных конкурентами, избравшими своей стайкой бурный океан. Генуэзцы добиваются у Василия III права на проезд по Волге и Каспийскому морю в Индию. Ганзейские купцы пытаются оживить свое бывшее влияние на Балтийском море и подают руку Москве через Ливонию.

Европа высылает накатывающую в ней беспоконную волну, своих самых непоседливых сынов, пароватых, отчаянно смелых, но неспособных к такой сосредоточивающей работе, пока — для золота и редких товаров, бесценных, искусных ювелиров, отчаянных изобретателей, выдумщиков, выдумщиков португальцы Алонсо де Амбружес, испанцы Бартоломеу Диас, голландцы Дрейк и Роберт. За ними следом идут предприниматели другой роли, промышленники и банкиры старой Европы, французские юнгарды и английские финансы, Смиты, Вандерверы, Фуггеры, а в качестве кредиторов и посредников восточной торговли, итальянцы, правительственные депутаты, дома Гамбургские на разработку новых объектов восточной Америки, Венета, Фурреры отправляют в Испанию все доброту руды для примерения в американских серебряных рудниках.

В это время, как и в другие эпохи, увеличивается капиталистическими предприятиями, постепенно христианская Европа входит в борьбу со степниками и расширяет беспредельно свои сумаспутные действия. Падение титанской государственности, облекая

земли когда-то цветущего, потом совершенно опустевшего края Киевской Руси, червоземную полосу по Днестру и Днепру. Московское государство, образовавшееся между Волгой и Окой, быстро охватывает среднее и нижнее Поволжье, подчиняет себе южные племена обширных южных равнин, продвигает вперед за Окой полосу земледельческих поселений, а в то же время устремляется к морям. При Иване IV закоренные Поволжья и северной степи казаки, а также великорусские промышляющие торговцы и воители переходят за Камень (Уральский урочище) и основывают русскую Сибирь.

Как в Польше, так и в Москве эпоха расширения выдвинула замечательных политиков: двух Сигизмундов, I и II, и двух Иванов, III и IV. Ивану Грозному, современнику Елизаветы английской, Филиппа II испанского и Вильгельма Оранского, приходится решить всевозможные административные и международные задачи: бороться на юге с войсками православных европейских держав, но в сложной обстановке: талантами дипломата и организатора он, в отличие от всех на протяжении Смуты и в Смуту, поддерживает Сибирь, не уступая Невшатаю и Корее. Те и другие принадлежали к расе смелых завоевателей, устремившихся на добычу металлов, на установление неизвестных стран, на борьбу с инородцами за новые колонии.

Оба порыва европейцев к расширению — завоевание заморских обочин Индии и сухопутная борьба с турко-татарскими степняками, сопровождаемая усиленной разработкой громадных пустырей, — как нельзя более тесно связаны между собой. Приморские народы, пускавшиеся по Атлантическому и Индийскому океанам, добираются непосредственно до редкостных товаров, пряностей, слоновой кости, фарфора, шелка, золота и серебра. Ссылаясь на большое европейском рынке они закладывают себе более рискованную обстановку, поднимают цены на все товары и вынуждают менять других наций значащих менее выгодное географическое положение; в то же время их предприятия стимулируют и торговый оборот областей средней и восточной Европы. Пруссия, Ливония, Австрия, Восточная Польша, Литва, Новгородская и Московская Русь доставляют Англии, Франции, Нидерландам, Испании хлеб, кожаные сапоги, зерно, патоку, селитру, мед, воск, которых не хватает прибрежеским странам.

На западной Европе, обращенной к океану, образовался новый торговый перевалочный пункт Антверпен: сюда сходилось сырье восточного подножья фламандской, французской и английской промышленности и сырье восточной Европы. Насколько велика была для восточно-европейцев притягательная сила города, расположенного у выхода широкой многоколной Шельды в открытое море, можно судить

по условиям договора, заключенного Грозным со Швецией в 1562 г., и право шведских торговцев беспрепятственно ходить через Москву в Индию и Китай, московским купцам вредоносный провоз через Швецию в Испанию, Францию, Англию, Любек и Антроп* (т. е. Антверпен)

III.

В XVI в. борьба со степью и степными разбоями в Усть-Ипатье со стороны. В 1528—31 г. в Салимане Бекетовичем захвачены Бессергия и осажден Вена. Обратно в 1552—53 г. Иван IV покоряет Поволжье. За свою очередь за эту великую победу христианско-земледельческого государства мусульманский мир отвечает в 1565—71 г. с походом турок из Астрахань и сожжением крымскими татарами Москвы.

В трудных почти непрерывных войнах с кочевниками восточно-европейские государства переживают многие черты устройства противника, и как раз те черты, которые император перенял, когда он появился впервые на европейской территории. Прежде всего они пользуются живой силой старинного врага. На московскую службу, начиная со середины XV в., переходит множество степных князей со своими свитами; правительство привлекает их богатыми подарками, включает их в аристократию своего двора, награждает поместьями и образует из новообращенных военную границу. При этом стараются сохранить военный пыл конных отрядов, отвлекаемых от их родной стихии и в действительности мусульманской войнотеку на обширной окраине степей. Складывается добротная система организации, основанной Пашею Петровско-Салтаном, основанная на контрасте, мусульманская служба здесь возникла из такого приспособления к военному порядку, сложившемуся в степных равнинах Азии.

Служащие этой военной организации в течение XV и XVI вв. были обязаны жить вблизи султана и приводить с собой определенное количество всадников, смотря по разнице доходности имения. Московское правительство, может быть, вернее всех других воспроизвело турецкую систему, когда требовало, чтобы воинов с военной границы вытаскивали кони, лошади и оружие*, когда верстало земель "ловиянов", т. е. помещичьих сиваев по достигшему для предостережения и по мере наступления их на военную службу.

При громадной разнотности фронта от Альби чуть не до Алтай, при невозможности устроить сплошную оборонку в виде стены или вала, христианско-земледельческим государствам приходилось строить укрепленные городки, замки и остроги по всей линии, открытой для нападений. Война с кочевниками часто сводилась главным образом к защите кре-

ностей, и обороне от осаждавшего войск, а отсюда возникла необходимость иметь хорошую артиллерию. Шестнадцатый век выделяется своими изобретениями в области огнестрельного оружия. Рядом с тяжелой артиллерийской пушкой, появляется легкий пистол, а с ним вместе создается новый род войск — огневых стрелков.

В казанском и Астраханском походах Ивана IV (1552—56) пехотные артиллеристы «стрельцы», пока немногие числом, образуют, однако, важную силу. В завоевании Сибири Ермаком (1582—1584) артиллерия сыграла решающую роль против многочисленных инородцев, незнакомых с огнестрельным оружием. Осады и взятия крепостей — штурм Бельграда (1521 г.) и осада Бены (1531) турками, взятие Казаня Иваном IV (1552), двукратное падение Полоцка, переходившего из рук Литвы к Москве (1563) и обратно (1579), яростные атаки русских на Ревель в течение Ливонской войны (1558—1578), осада Баторием Пскова (1681) — составляют характерные и знаменитые эпизоды военной истории того времени. Одно из самых эффектных событий — подкоп под городские стены, осуществленный артиллерией — решил в 1552 г. участь Казани.

IV.

Можно было ожидать, что в борьбе со старым врагом один общий интерес объединит все восточные государства. Однако, между ними возникало больше трений и соперничества, чем налаживались союзы и соглашения. Дания, Пруссия, Ливония, Польша, Австрия, Венгрия, Москва через Новгород и Нарву стремятся урвать свою долю в золотой добыче, прибывавшей из Индии и Америки. Чуть ли не главной целью внешней политики становится приобретение торговых монополий и преимуществ, захват морских портов и выгодных проливов.

И политические государства восточной Европы представлялись своеобразные пары, которые то сближались, то расходились. Австрия сближалась и соперничала с Венгрией, Польша с Литвой, Литва с Москвой. Постепенно сближались и эти группы династических отношений. Принимая германского императорского дома в качестве династических родственников престола, польско-литовские Мечишлы вступили в союз венгерской и австрийской династии в круг владения австрийских Габсбургов. Московская царь, считавший себя законным властителем «земли Руской», оставляя свою юрисдикцию в Литве, которая обладала доминионными русскими землями. В свою очередь эти приемысли вступили в товарищество Москвы с Польшей и вместе с князем польско-литовской династии с другим претендентом польского королевства, австрийскими Габсбургами, и этот союз далее

открывал пути в Москву интернациональной политике римской папской курии.

Сложный клубок международных отношений опутал сетью европейские государства в XVI в. Можно сказать, что во времена падения Константинополя в 1453 г. дипломатия становится в Европе искусством по преимуществу. Правительства выбирают для отправки в миссии к чужим дворам людей особенно бывалых, обладавших различными техническими сведениями: от них требовали подробных известий не только о планах и намерениях высших сфер двора, при котором они были аккредитованы, но и о внутренней политике, делах, делах и нравах народонаселения, о богатстве и производстве, о борьбе партий.

Усиленный слух об умениях дипломатов создавал особую школу и язуку. Послы и агенты при миссиях в XVI в. часто выдающиеся бытописатели, географы, этнографы, историки, публицисты, психофизиологи-наблюдатели. Таковы Герберштейн и Флетчер, сочинения которых рисуют обстоятельную картину московского государства в начале и в конце XVI века.

Так как на Западе это была эпоха гуманизма, увлечения образцами античного мира, усиленного изучения греко-римских авторов, естественно встретить в литературе путешественников и описаний блестящий классицизм. Преклонение перед греко-римской древностью привнесло в Москву при дворе Ивана IV мы истрелили, а также привнесло от легендарного Прута, брата императора Августа.

Перед новым политическим миром Европы западноевропейскому правительству приходилось разбираться не только в военно-административных гаданиях, но также в политическом и дипломатическом искусстве. Грозный царь, в то время как в Европе усилилось стремление поддерживать связь с европейскими державами, в то же время усилилось стремление к своим оригинальным способам доказательства. Они, правда, ориентировались скорее старой школы "византийского письма", не знали еще языка светской рационалистической мысли, но обладали и западной утонченностью и западным искусством. Они, правда, не знали еще языка светской рационалистической мысли, но обладали и западной утонченностью и западным искусством.

Расширение Европы в обе стороны, за океан и вглубь степей, вооружение больших конных масс, усиленное торжество соперничества европейских государств отражается глубокими переживаниями в общественном и политическом быту. Здесь

ним, однако, придется высказаться против одного укоре- нения шегося предрассудка.

Принято считать, что с наступлением нового времени рост капитализма, развитие денежного хозяйства выдвигает торгово-промышленную буржуазию и то время, как феодально-рыцарское землевладельческое сословие отступает на второй план. Но дело в том, что к XVI веку такая характеристика решительно неприменима. Напротив, купеческие и судовла- дельческие союзы терпят целый ряд крупных неудач, исходу почти везде подлём, самоуверенная деятельность воеителей-землевладельцев, вплоть приращение как будто косного и малоподвижного рыцаря и энергичного и расчетливого хозяина сельской экономики.

Ф. Кнапп, исследователь судеб крестьянства в Пруссии, заметил как-то, что прусские юнкеры XVI в впервые почув- ствовали в своей крови лихорадку предпринимательства. То же самое можно было бы сказать о дворянах Дании, Швеции, Ливонии, Польши, Литвы, Венгрии, Чехии. До XVI в рыцарь жил большей частью допотопными мелкими средстами в роде судебных штрафов с местного населения, пошлин, сборов за помол, неподвижных аренд с крестьян. Теперь новая торговая политика, выгоды сбыта за границу произведений земледелия и скотоводства и их продажи приморским стра- нам дали ему неожиданный толчок. Владельцы имений не могли не прозреть, какой в их руках великолепный капитал они принимают сами хозяйничать, вместо сдачи в аренду увеличивать господскую запашку, округлять имения, разраба- тывать пустыри. Слагается фигура помещика, каким его знает Новое время.

Отстраняя посредников в виде городских торговцев, выталкивая с рынка конкурентов крестьян, принимаются бароны и рыцари сами за торговлю сельско-хозяйственными продуктами. Далеко вперед по отношению нарушает старые городские привилегии, отнимает у бюргеров суды, охоту, сады и скотину, заводит прямые сношения с иностранными владель- цами земель, строит собственные корабли, на которых пытается вывозить перепененные товары за границу. Еще не давно бывший чуждым хозяином на земле был крестьянин, неда- вно бывший холопом. Теперь он делает холостым веком крест- ным, а в семье помещика, в управлении решительно заби- рает помещик; разбивая рамки обычного права, объявляя экономическую войну своему старому сотруднику, крестьянину, рыцари-хозяева принимают систематически теснить его, отбирают у него всеми способами землю; пользуясь своим научным перевесом, искусно применив полученные в универ- ситетах ухищрения римского права, они идут безпошадными шагами к захвату монополии на земельную собственность.

чтобы свести крестьян на положение зависимых арендаторов и бесправных наемников. Экономическая борьба нередко прямо переходит в войну классов: помещики со своими слугами вторгаются в хутора мелких деревенских владельцев, скупают их дворы, сажают своих холопов на места вольных крестьян.

Но особенно утесняют они крестьянскую массу системой. Опять нам приходится возражать здесь против заблуждения укорежившегося предрассудка. Мы не представляем себе ни создание варварских Средних веков, оставшееся в виде дощадного наследия Новому времени. Напротив, мы утверждаем, что те формы, которые дошли до XIX в., и которые мы знаем за крепостное право, беспощадное, суровое, требовательное, изнурительное, принадлежат исключительно Новому времени.

Средние века знали барщины и оброки, знали пошщины и поборы рыцаря, опиравшиеся на старые местные обычаи и исторические традиции. Крестьянину много простора и самостоятельности. Другое дело крепостное право, вступившее в жизнь именно в XVI в. в силу государственного диктата. Введенное систематическими мерами дворянских парламентов, оно уничтожило вовсе свободу передвижения сельских рабочих, заставило всех жителей деревень работать в узко отграниченных территориях, а главное, крайне повысило трудовую повинность. Суд «железа и напоящего» крепостного права в этом смысле и в отношении к крестьянину, в качестве террористического орудия произвел то же, что и самые злые формы машинно-индустриального строя XIX века. Как и новейшее время тэйлоризм — последнее слово закрепощения труда на службе некоего фабричного производства, подготавливаемого все болше и болше марксовой конкурентной, так точно и крепостное деревенское право вводилось в XVI веке под давлением международной политики, которая представляла поле все возрастающего спора за привозное золото.

Введение крепостного права в прибалтийских странах, в Польше, Чехо-моравии, Венгрии — великий успех преуспевающего дворянства, которое лавит на государственную власть, творит и помыкает диком в свою пользу. Еще дальше идут его победы: в этих странах оно образует рыцарские и шляхетские республики, сводит монархию на призрачную роль и как раз это — страны наибольшего процветания крепостного права. Далее идут Франция, Померания и Лифляндия, последние две — ввиду слабости власти повелевающей прозекторием чужих государей.

VI.

Дворянство в XVI веке переживает свой золотой век: эпоху подъема и превозной первой деятельности. Оно со-

2. Наследство Ивана III

Из всех восточно-европейских народов наибольшее искусство и энергию в борьбе со степью проявили великороссы, организованные в Московскую державу. Здесь, кажется, сама трудность задачи, необычайно опасное положение на угловой юго-восточной окраине, создало великодушную школу

I.

В непрерывной борьбе с Азией и в постоянном соприкосновении с азиатством, Москва естественно проникалась бытом и понятиями Востока. Правда, московские цари любили ссылаться на римских и византийских императоров, на Августа и Константина, но и их придворном быту, в их управлении не было той респуббликанской дилеммы, которые звали себя знать и в языческом Риме, и в христианской Византии. Московские самодержавие походило гораздо более на восточный халифат, на тогдашнюю Турцию. Сравнение с мусульманским востоком постоянно напрашивалось и русским и западным наблюдателям. Иван Пересветов, подавивший проекты и записки Ивану IV об уничтожении аристократии и введении неограниченного правления, ссылается на порядок Махмета-султана, считая их почти недостижимым образцом.

Турки вообще оказывали чарующее действие на Москву. Не даром московское общество было так восприимчиво к турецкой моде. Не успел Стоглавый собор высказаться против введения «лафей» (шапочек) безбожного Махмета*, как уже автору «Беседы Валаамских чудотворцев» придется стыдить русских людей за ношение шляпок и портов (т. е. полного костюма) турецких, а выписанный в Москву византийский патриот Максим Грек с сокрушением пишет на родину своим друзьям, что скоро москвичи, подражая магометам и туркам. Эти увлечения восточным одеянием связаны с резкими переменами в быту. Запрещая новый головной убор, Стоглав упоминает, что в Москве появились сужавый христианству обычай «халаты и черкочы и шапки».

Иностранцы видели в соседстве Москвы с Турцией явное основание для нападков на русские порядки. Французский либеральный писатель времен опричщины Грозного пишет, что во всех государствах существуют учреждения для охраны закона, для защиты народа от тирании, «кроме Московии и Турции, которые должны почитать не государственными, но соединениями разбойников». На ту же тему охотно любят говорить и английские наблюдатели, Горсей и Флетчер. Для них система московского управления сводится к произвольным капризным действиям, граничащим нередко с самодурством и не встречающим соприкосновения в европейском обществе, которое такого управления стоит.

Не случайно Москва XV и XVI вв. конулась в отражанию Турции: в нем чувствовалась потребность в Востоку старинному, сказывалась длинная цепь исторических преданий. Османская Порта была только последним повторением того устройства, которое принесли в себя завоеватели из Средней Азии, а это устройство имело за собой многовековой опыт. Военные громады, управленческие государственные порядки в роде Чингисхана и Тимура, держимали такому покоряемым ими культурным государствам и арталлерию с осадным искусством китайцев, и торговые уставы старинных вавилонских царей, и государственную систему с дорожной системой древнеперсидских Ахеменидов.

Между прочим, устройство дорог и ямской службы служившей наблюдению за краями не только замечательна, а также пересылке грамот и процессу почтой. Сказано, что Москва была державу во много европейских государств того времени. Быстрота сообщения в Московии была замечательна. Средства изумительны иностранцы. Герберштейн передает, что его служитель проехал из Новгорода в Москву 500 верст в 72 часа, имея возможность ехать без остановки при своем лошадей; когда он требовал 12 лошадей, ямщик привозил ему тридцать и еще больше. Превосходство своей почтой этого деспотического дружка. Иван III в завоевании также требует сохранения и почтовых станций и почт в тех дорогах, которые были завлажены при нем. В начале Ливонской войны Иван Грозный распорядился еще великодушливой армянской оффициальной почтой, и об этом с удивлением рассказывают иберийская галерея Иван Грозный в Ливонии дипломатической миссии, только эти прибывшей из Москвы у царя в Ливонии под Ревелем и Ригой армян, которые в 5 дней доставляют сообщения в Москву, так что двор Московский уведомлен обо всем, что происходит у Балтики и Скандинавии и на землях Западной Европы.

В Москве XV—XVI вв. еще отражает еще одна черта государственной культуры, многовековой прием древне-восточной культуры. Подоснованной на ассирийском и пер-

силским, московские строители имеют обыкновение подготавливать завятие новой территории постройкой грандиозной крепости на краю границы или даже на самой вражеской земле. Так Иван III в 1492 г. выстроил Ивангород — крепость Нарва, подготавливая завоевание Финляндии, к которому приступил его внук, Грозный, 60 лет спустя. Преемники Ивана III таким же образом подвигаются к Казани. Василий III строит Васильсурск, Иван IV — Свияжск. Имея в виду покорение западно-европейского края, московские воеводы в 1535 г. строят другой Ивангород на Себеже, а в 1536 г. — Залочье и Велиж, в 1537 г. при заключении перемирия с Литвою эти крепости, в качестве построенных из чужой земли, были уступлены, потом отнявши у Литвы Полоцкий край. Грозный возобновляет опять принадлежавшие раньше русским укрепления.

Из факта этой планомерной постройки видно, что проекты завоеваний разрабатывались при московском дворе задолго до кампаний и, без сомнения, с картой в руках (в одной из бумаг дипломатической переписки с Данией упоминается „козамография“).

Придворные обычаи, династическая политика все нас переносит в Азию. Знаменитое местничество, счеты родовитых семей в дворцовых церемониях и военных назначениях, как убедительно показал Ф. И. Леонтич, прямо идет из родового быта кочевников также, как оттуда идет обычай „обелять“ от повинностей и налогов родство и близких властителю людей, и в первую голову духовенство, причем в Москву переходит и азиатское слово „тархан“, т. е. вольноотпущенный для обозначения привилегированных слоев общества.

Наконец, обычай Востока напоминает суровый порядок, который московские правители провели внутри своей династии. В Москве не допускалось ничего подобного на домашний совет влиятельных князей: после ряда убогих столкновений установилась безусловная власть представителя старшей линии, а все другие отпрыски династии, в том числе родные братья великого князя, сошли на положенные обыкновенных придворных чинов. Беспощадно истребляли правящие государи своих ближайших родственников, чтобы устранить соперников себе и своему потомству. При Иване III заточение только что коронованного внука Дмитрия и потом его загадочная смерть, при Василии III казнь его родного брата Авддея Старшского, при Иване IV смерть двоюродного брата Паллакира Андреевича напоминают худшие страницы придворной истории восточных султанств. Невольно напрашивается думать, что и царевич Дмитрий, погибший в 1591 году при весьма странных обстоятельствах, стал жертвой не „шварного“ Барбаса, как этого хотелось врагам династии Го-

дуновым, и как это привилось позднейшим Фролостуртам и „малого“ Федора Ивановича, который вовсе не намерен был сделаться наследным царем династии, а наоборот, предпринял для укрепления своей власти устранить своего младшего брата, и притом избавиться от него во время одной охоты, но не успел составить политической партии.

II.

Азиатское влияние перешло в Москву со старшей классической школой, доставшейся великорусским вассалам Золотой Орды в византийской ученой оправе. Духовенство, чуждое ли не единственно образованный класс на Руси, питалось литературой Византии и устраивало свою жизнь и жизнь пастыря своей согласно византийскому законодательству. Преклонение пред авторитетом последнего было необычайно. В 1581 г. во время суда над постриженным в монахи князем-ученым Вассианом Патрикеевым митрополит Даниил, находивший газиную вину подсудимого в произвольном обращении с Кормчей книгой, г. о. „византийским церковным судебником, произнес многозначительные слова: „а из той книги никто не мог изменить или поколебать что-либо, начиная от седьмого собора до крещения Руси, и въ нашей землѣ та книга болѣе 500 лѣтъ, сохраняеть церквы и спасаетъ христианъ и до нынѣшняго царя и великаго князя Василія Ивановича не была ни отъ кого поколебана“.

Выступая в качестве идеального советника верховной власти, подготавливая правительству своих учеников для писемоводства и консультации, духовенство служило проводником юридических идей и административной мудрости Византии. Церковный судебник (Новозакон, Кормчая), в котором заключалось и без того много гражданских законов, был окружен в библиотеках ученых неурядки подбором самых разнообразных светских уставов и законодательных актов, вышедших из разных времен Византии от IV до XV века. Это тут только не было! С Кормчей вместе перешли сюда еще судебник Константина Великого, постановления Юстиниана, между ними его законы о земледельцах и др. Эклогу императора Льва Исавра и Константина Копронима, законы Льва Философа, Прохирон Василия Македонянина (понынеший даже обруселое название „градского закона“), новеллы царей Исака, Алексея и Мануила Комнина. Это был громадный и очень удобный справочник, служивший в то же время вдохновителем идей для законодательства.

Византийское законодательство изучали необычайно тщательно, дорожили каждой буквой, вникли в частности текста с истинной филологической остротой и приличив-

стью. Вот пример Вассиан, защитник аскетической теории нестяжательности духовенства, усердно ищет в греческом подлиннике доказательства несовместимости монашеского быта с богатством и крупным землевладением; он пересмотривает параграфы законов с величайшим вниманием, как понимать оригинальные греческие слова *agros* и *probatioron*, которые по русски переводятся „земли“? — После основательной проверки он приходит к тому заключению, что их надо толковать не в смысле вотчины, населенной крестьянами, а в смысле небольшого участка земли, обрабатываемого монахами.

Со второй половины XV в. в Москве заметно особенно усиленное изучение византийских судебныхников, летописных сводов, исторических хроник и богословских сочинений. Мысль о том, что в Европе переживает, подобно западной Европе, Возрождение. Но в то время, как на западе достигаются высателями более равной классической эпохи, на Руси остаются верны своим старым средневековым византийским учителям. В одном своде восточные и западные гуманисты, в высокой степени знакомые с греческими учениями, и которых падает как бы желтой Голландской обильно. Дривать Искри. Между тем как в Италии глубоким почетом окружены Писсарриоло и Гемиста Плетона в качестве знатоков древнегреческой литературы, в Москву выписывают с Афона Максима Грека, который за время пребывания в Руси (1518—50) становится направителем ученых интересов и средоточием живых философских и богословских споров.

В правительственной практике Ивана III невозможно не видеть сильного влияния византийских образцов и примеров, сведения о которых прошли через ученую среду. Только из кругов образованных юристов могла выйти идея объединения действующих законов в виде систематического судебногоника, только хорошо вышколенная группа законоведов способна была редактировать такой свод; и только вдохновляясь идеями византийского законодательства, могли они прийти к той мысли, что лучшее царствование должно иметь свой судебник. А московские судебники великокняжеский 1497 г. и царский 1550 г. действительно на него ориентированы, следовало ожидать, что они были бы в состоянии сделать вварварство, неожиданное восторжество культурной работы, отчетливой, ясной и продуманной. Герберштейн в описании Московии, отправивши в посольство в 1549 г. выказал нужным привести выдержки из судебногоника Ивана III, он забывает упомянуть, что в это время на северо-востоке, в Германии, ни впрочем где-либо на западе не было ничего подобного, судьи и присяжные суд тяжестями запутанных беспорядочных и частых приваших подожжений разных предметов, которые они стремились вварварство свести, и объединить своими универси-

тетскими воспоминаниями из области изучения римского права.

Особенно поразительным казалось московское судопроизводство и в частности у которых суд, построенный на прецедентах, на старых решениях, хранящихся в архивах, требовал громадной памяти от судей и адвокатов и состоял благодаря этому обширный класс профессиональных кодителей. Это первый из описанных Московию англичан, Чамберс одобряет русское судопроизводство в том отношении, что здесь нет юристов, которые бы вела процессы на суде, каждый сам правит свое дело и подает челобитные и ответы письменно, противны английскому судопроизводению.

И не только идея объединенного свода судебных законов, но и самый дух римского права, проникающая византийские кодексы, оказал свое воздействие на московских законодателей, а через них и на другие круги читающего общества. Конечно, оттуда, из римской юриспруденции заимствована и идея естественного права, которую каждый из публицистов XVI в. выражает на свой манер. Курбский, стараясь защитить права боярина на отъезд, говорит о непохвальном обращении царя, который «сделал русскую землю, сиречь свободное естество человеческое яко в адова твердыню». Пересветов особенно горячо требует истребления рабства и в предоставлении всем людям свободы видит осуществление «правды», которая в его глазах бесспорно выше «вры» (догматических положений). У него извальный гвардари, «кортанк которити он вбранил Матвею салтана, освобождая кабалных и обращая их в свою гвардию, творит Божью волю, то, что Бог любит, утешает Бога сердечной радостью. Пересветов рассказывает даже что-то в роде Чаустовой легенды, как дьявол искушил Адама после падения из рая, взявши с него запись и забравши его в неволю, как Бог сожалел над человеком, вывел его из ада и издревле чуждый, кто пытается вновь взять с яковой записи, то забалит их, служит дьяволу. Наконец, еретик-рационалист Матвей Башкин считает рабство противным христианскому учению, которое в свою очередь в его глазах совпадает с разумом.

III

Без сомнения, московским правителям много помогло сознание. За них была наличность яркого, желательного центра, культурного своеобразия, доминанты Москвы. Но эта была живучесть князю. Наконец, непосредственную поддержку им оказывала некая яркая личность — членария страны, думовский. Но эта же личность, как и все другие

вообще нет удачи. Однако не бывает удачи без умения приспособляться к счастливым условиям, т. е. без великого политического искусства.

Московские правители сумели использовать все выгоды своего положения. Трудно найти другую государственную систему, которая бы в такой мере овладела человеческим материалом для определенной цели. Никто из европейских государств XVI в. не был способен на военную мобилизацию такого размаха, как Иван IV в начале Ливонской войны, когда двинуты были к Балтийскому побережью конные массы с Волги, из полайских степей и даже с Терека. А его искусство в прудовании многообразными инородцами, его умение подчинить себе такие несходные общественные силы, как демократическое крестьянство Севера и посаженное на южной и западной окраине военно-служилое сословие!

Уверенность приемов, необычайное упорство в преследовании целей поражает особенно в иностранных сношениях. Тут все казалось ясно и давно определено: и теория власти и титулы, и привязания, и привычка вести переговоры с иностранцами, и сознание достоинства государства, подкрепляемое историческими и богословскими ссылками. Без всякого колебания, московское правительство заявляет свое право на господство над всею Русью: Киев, Смоленск, Полоцк остаются отчиной московских правителей, отлично сохраняющих в памяти свое происхождение от Мономаха. При помощи летописей, постоянно извлекаемых из государственного архива, они устанавливают твердо и неоспоримо, что Дерпт — русский город Юрков, выстроенный в XI в. Ярославом, носившим христианское имя Юрия.

Современный нам западный церковный историк, рассказывая о необычайно обстоятельном кавазе, который был дан Иваном III русским послам, отправленным к папе в 1494 г., делает такое приращение: «ничего не желая представлять случая, эти москвиты изучали все затрагивавшие их дело необычайно обстоятельно, рассматривали всегда со всей возможной точностью и критикой, принимая в твердо установленные предельные пределы слов критический анализ, искали отчетливых целей, постановки и исполнения, были особенно внимательны в установлении своего достоинства и достоинства своих».

Нельзя не отметить, к чему привели эти слова, до чего привели в смысле дипломатии. На всем протяжении своего труда, охватывающего около 150 лет дипломатических сношений Рима с Москвою, ему приходится в различных подразделениях изображать один и тот же составивший, развивавшийся между двумя соперниками, с постепенно увеличивавшимся успехом, который принято считать паритетом. Московское государство выдвигается к римскому престолу в очень важных для него дипломатических условиях, добивается

заступничество папы при этом он вызывает у папы сильнейшую надежду на подписание Москвы русскому аграрному Святой престол не одно раз поддается на соблазнительный план унии с Шестинкой, надеясь в свите очередью ослепит „москвитина“ блестящей короной, он неизменно терпит поразительно восторженную холодность Москвитин, глумительскую насмешку, который не нуждается ни в какой внешней авторитете. Культурнейшая часть Европы оказывается побежденной „дикарями“.

Но, может быть, и нам следует подумать эту самым упрощенную и поверхностную мысль о культурной глубине русских XV—XVI вв.? Ответить в том смысле, что не могут быть названы неразвитыми цивилизации в политике. И как раз эти века выставили в лице Ивана III (род. 1440, ум. 1505) и Ивана IV (род. 1530, ум. 1584) двух величайших организаторов и вождей крупнейшей державы своего времени.

IV.

Если на протяжении русской истории кто заслужил имена Великого, так это Иван III. Те формы управления, которые мы встречаем в Москве XVI в., устройство высших совещательных органов, приказы, раздача поместий и определение порядка службы, система налогов, судопроизводство, теория власти, обряд венчания, даже титул царя все восходит к нему. Иван III—родоначальник, устроитель, изобретатель учреждений, церемониала, обстановка власти, остро пронырливый, перемчивый, тактичный и гибкий, Иван III не пренебрегает мелочами, все он умеет поставить на службу увеличения государственной идеи. Выдавая замуж свою дочь великому князю литовскому, он вменяет ей в строжайшую обязанность соблюдать православие, а для ее свиты выдает изобильный наряд, как будто себя в церковь и на дворце, ведь он собирается предельно загранично достояние московской державы!

Иван III превращается в крупнейшего международного политика, в дипломата, лично победившего с князем стрелецким так Баст с паром, как брат с германскими императорами, с Венгрией, Турцией, Данией, Францией, Пруссией, Польшей, Литвой. Но великому московскому двору, с полем балтийским господством не может быть конца всему миру, а только перемирие, так как великая сила и приближенно владеет русскими князьями „отчасти инопольского государства“, от которой он никогда не может отказаться. Ливония не является самостоятельной страной, с ее правительством не может быть переговоров, как война между равными силами. Иван III великий царь не удостоивает сноситься лично, это— величайший пограничный, пограничный с шведскими Иван-

68/1582

более добродетельные отношения к Дании, Турции и папе, дру-
жественные связи с которыми представляли для восточно-
русского государства важное значение.

Москва сблизилась с Данией, в результате своего устре-
мления к Балтике. Уже в войне, которую вел Иван III за
Ливонию, ясно выразилось желание закончить дело, начатое
покорением Новгорода в 1478 г.: отстранить ганзейское ку-
печество, державшее в своих руках всю торговлю с русскими
землями и открыть непосредственный обмен с западом.
Из государств, прилегающих к Балтийскому морю, Польша
и Швеция были прямыми соперниками Москвы. С отпавшей
Данией, напротив, можно было поладить, а ее союз был
особенно важен в виду того, что она помещалась у противо-
положного Руси узкого конца моря. В XV и XVI вв. Дания
обладала южной оконечностью скандинавского полуострова,
Скандией, и являлась настоящим государством проливов (Зунд
и Фух Велдтов), одолев после долгой борьбы Ганзу, она зани-
мала со всех кораблей, выходивших из Балтийского моря,
пошлину, составлявшую крупную часть ее бюджета и всегда
держала в своих руках возможность закрыть главный про-
лив, Зунд, "морские ворота", как его называет московская
дипломатия.

Иван III хорошо понял важность сближения с Данией:
заключив в 1493 г. договор с датским королем, он следом за
этим дипломатическим актом, закрыл и разгромил ганзейский
двор в Новгороде, видимо рассчитывая скоро добиться прямого
доступа к торговле с Западом. Интересно, что тогда уже
появилась первая брава московского государя с датской

дипломатической переписка московского двора с Данией,
сохранявшаяся в Копенгагенском архиве, в высокой мере
любопытна. Она показывает, прежде всего, большую твердость,
уверенность и тщательность московской внешней полити-
ки. Так, царь, обличив датский договор о исключительно абсо-
лютистском своем против Швеции и Польши в 1516 г.,
тут московский двор выработывает тщательно все условия
будущих согласований с датскими действиями, определяет
привилегии датский король Христиан II собиравшийся в это время
отправиться шведскую королю и следовательно сделаться со-
седом московского государства), устанавливается относительно
привилегий, свободного обращения "гостей", купцов и
других деловых людей, выдачи должников и преступников.

Новый западный союзник обращается в Москве с боль-
шим вниманием. Датское правительство находило нужным
обучать своих агентов, отправляемых в Москву, русскому
языку, и в дипломатических notes есть просьба найти им
учителя среди духовенства, в отрывной грамоте назван
и преподаватель, предначиненный для датчон — доктор

Милана? На просьбу датского правительства отпустить в Данию жену посла, взятую им в Москве замуж, последовал отказ. В своем ответе ведомство иностранных дел отразило себе высказаться в том высокомерно-поучающем тоне, который вообще брала на себя Москва в сношениях с малыми государствами; вместе с тем, отсылая иронично-презрительным своим культурным превосходством к культуру Московии — объект сношения в истинных при человеческой личности. «Что у нас во весть весть в наших государствах того обычая нет, что иметь неволью свободных людей являти, не токмо наших государств, но иных земель людей, которые во наших государствах; а та жонка наших государств, и наша та жонка своему человеку Сидору во неволью отпустити не пригоже».

Большое дипломатическое искусство проявил Иван III в попытках сближения с Турцией. Здесь существовали исторические грани, создававшие не малые трудности. Православная Москва считала себя наследницей низвергнутой турками Византии. Западные властители для того, чтобы приобщить московскую помощь против Турали, готовы были горжественно призвать права великого князя на Константинополь. Восторженные греки, мечтавшие о возрождении Византии, и их московские ученики сложили знаменитую теорию о Москве третьем Риме. Казалось бы, между Турцией и Москвой поднимаются непреодолимые преграды. Но однако Москве нужна была богословская опора Афонских монастырей, находившихся в подданстве Турции. Сближали Османскую порту с Москвой и торговые интересы. Когда турки завладели Крымом и вытеснили оттуда генуэзцев, им очень важно было завести прямой обмен с Москвою; в свою очередь, великий князь был заинтересован в том, чтобы найти поддержку против крымского хана у его верховного государя, султана турецкого.

Судьба нашей и восточной империи Иван III — император — видел в падении Константинополя. Василий III идет по пути, намеченному отцом: в 1512 г. в Царград к турецкому султану Салманшаху (Селиму II) едет московский посол с грамотами «в любовь». В 1516 г. русское посольство заключит во Фессалонии договор с турецким султаном азиатского Махмудом Греком. Византизм Зенала и особенно еще опаснее овладевает собой инакомыслием увлечен, московская дипломатия людей крестовного похода против неверных.

И еще раз ошибались они, когда думали, что можно сблизить московского великого князя предложением ему кароны от имени вечной римской империи. Однако именно тем, что Москва поддерживала при западных дворах эти предложения, удавалось завести дружбу с непримиримыми противниками Турции, Рима и Австрии. Сила в австрий-

связи Габсбургами был нужен против Польши, а в лице царя московское правительство очень ясно усмотрело угрозу на случай важных осложнений с западными католическими державами. В конце правления Ивана III папа Александр Борджа хлопотает о примирении польско-литовского государства с Москвой; при этом он делает попытку склонить Ивана III к союзу с другими монархами для изгнания турок из Европы. Ради переговоров в Рим едут московские послы: грек Димитрий Ралев и Митрофан Карачаров. Это, впрочем, не первые русские дипломатические агенты в Италии. Уже в 1474 г. там видели Толбузина, который получил поручение от царя в Венеции художников, ремесленников, приборостроителей, оружейных мастеров.

Русские дипломаты в Италии поражали всех своей требовательностью в вопросах этикета: они никогда и ни за что не соглашались уступить кому-либо первое место в придворных церемониях, на приемах и в церкви. Если они не получали гарантии, что им будет предоставлено первое место, они предпочитали вовсе не являться на прием; а если, прибывши в церковь, находили на лучшем месте впереди себя послов других держав, немедленно уезжали.

Это поведение русских послов за границей рисует нам целую картину. Конечно, они руководились очень точной и разумной инструкцией, полученной в Москве, и здесь мы опять узнаем Ивана III, с его настойчивой заботой о сохранении достоинства московской державы.

V.

Немыслимо себе представить ведение сложной иностранной политики без особого состава опытных людей, из которых правительство могло набирать уполномоченных для отправки миссионеров и специалистов для ведения переговоров с представителями иностранных государств. Старые дружинники, из среды которых стояли бояре, получившие образование в странах западной Европы, откуда и приходили знания о политическом устройстве государств западно-европейского характера, русские университеты, заведываемые королевскими учителями.

Позднее состав правительства при Иване III. В XVI в. возникли особые учреждения — канцелярии для обслуживания дипломатии. Сербские брестеры или в том же отношении нейтральные военно-административное управление, которое в Москве называлось Разрядом или Бекетом Разрядом, в которое иностранцы прибывали и обменивались с властью государственной канцелярии.

В Москве старались поддерживать ритм повседневной государственной жизни подробными и точными протоколами Государя сопровождает в поход рядовой дьяк из своей канцелярии. Он держит в своих руках список служебных мест, распределение должностей и снаряжений, опись награды и ведет дневник государева похода. Есть основания думать, что в московском Разряде составлялись также официальные летописи государственных происшествий.

Как все это напоминает практику древнеперсидского государства! Великому царю, по описанию греков, сопутствует в походах часть канцелярии, которая озабочена историографией предприятия и бухгалтерским его протоколированием.

Для поддержания авторитетности самостоятельности московской бюрократии очень характерно то обстоятельство, что московские государи поручили дьякам Разряда составить подробные генеалогические списки своего собственного княжеского рода с присоединением родословных подчиненных князей, а также выдающегося боярства, находившегося на их службе. Этот государственный родословец, по мнению Н. Лихачева, составлен при Иване IV в 1555 г., но относится на изыскания, сделанные в начале 20-х годов, и составляет результат сложной и старательной архивной работы, которая обязана была связать происхождение русских князей с историей римских цесарей.

В таких документах учено-бюрократического творчества много крепкой уверенности в себе и сознания собственного достоинства. Московский двор, московское державное управление выработало очень своеобразные приемы, приобрело выразительный, самостоятельный облик и очень дорожило своим и церемониальными торжественными формами.

VI

Характерно выражалась самостоятельность московской державы в ее религиозной политике. Московские государи умели находить спокойное равновесие в традиционных международных вопросах: дружить с Турцией и поддерживать интересы и подчиненных ей греков, не расчуживаясь в расовом отношении крестовый поход папу и отклонять войну с западом населения Москвы в туши. Там большое мастерство проявлялось в дипломатии, что выразилось в сношениях по ираклийским вопросам с римским папой и трудностями вступил Каледанский папа, который в 1472 г. посланником царю Соловья Галаволог, собирався везти в Москву, прелестнейший антиквариат, который, выйдя из Москвы, не успев поспеть дружить берегами из Москвы, и в соборной церкви, великому князю приходило наблюдать.

Большую осторожность нельзя было прибавить ни ее формулами, ни ее школой, из которой выходили образливые иконошники, ни ее нравственной поддержкой: ведь никто иной, как представители церкви изготовили теорию божественности власти и божественности того, были подновлены ее.

При Иване III остро ставятся те самые вопросы, которые одновременно на Западе решала реформация: переход церковных и особенно монастырских имущества в руки государства, независимость церкви от светской власти, свободное толкование основ религиозной истины. Образуется дворянство, осыпаны и заводских старцев, жескими немонашескими каношиков и протестантов иконы и начала церковным разложениям.

Иван III стоял очень близко к протестантскому решению вопроса о церковных имуществах на манер Англии или Швейцарии. На соборе 1547 г., когда защитники монастырской землевладения выдвинули чуткую реакцию, он позволил, скорее сказать, поручил ижевитскому князю партии нестяжателей, Нилу Сорскому, сказать горячую речь против мирских богатств церкви. Однако правительство удержалось от разрыва с могущественным консервативным направлением. Оно понимало, что заводские, протестанты противников литературными и ораторскими талантами совсем не были политическими: они могли сулить в будущем только мирный анархизм, раздробление по сектам, разброд мысли. Иван III ограничился тем, что не давал сторовников «бедной церкви» в обиду юфенским иконошникам, удаляя в лице нестяжателей и юфенских притязаний, могущественный консервативный элемент. И тем же духе действовали его преемники: при Василии III митрополитом московским становится не протестантский, сыноний в юфенском Варлаам, но консервативный Лавра, ревностный ученик Иосифа Волоцкого; при Иване IV опять обостряется острый вопрос о монастырских имуществах, становится неумолимой отмена монастырских привилегий.

Сохраняя нейтральное положение между партиями в церковных спорах, московский двор пришел к религиозной терпимости, тем более естественной, что это была некая, когда на Западе разорвали, местный, богословский спор, итал за догматическую, идеологическую группу иконошников были либеральными гражданскими прав, итал правительству усердно занимались религиозным сыском, и катла процветала иконошники.

Недаром новгородский ученый архиепископ Геласий жаловался на похищение, оказываемое при дворе Ивана III еретикам так наз. жидовствующего илправления, недаром, бывая в преследованиям, он стыдил московское правительство достойным примером испанского короля Фердинанда

Католического 1479—1516), очистившего страну от лжеучений. И недаром про Иоанн III рассказывали, что, уже склонившись на уговоры консервативной партии, он ночью опять призвал в себе главу непримиримых, Иосифа Волоцкого, и еще раз, как бы мучимый совестью, спрашивал его: „можно ли грѣха казнить еретиков смертью?“

Эту черту спокойной сдержанности и догматическая разногласиях завещал Иоанн III своим преемникам. При Иоанне IV рационализм и мистицизм представителей греко-православного Возрождения привел к усилению, которое революционным передовые протестантские идеи привнесла в Россию через Матвея Блаженина, завсегдатая Артемия, ученика Максима Грека, Феофосия Косого. Несмотря на осуждение Блаженина собором 1571 г., правительство нашло достаточным показать его сочувствие Другого колодушны, Феофосия Иоанн IV, после недолгого заточения, послал в 1573 г. в Константинополь, чтобы вести переговоры об испрошении у патриарха утвердительной грамоты в царском сане.

Сравнивая Грозного с Филиппом II испанским (род. 1527 г.) и с современными французскими королями, К. С. Меньшиков справедливо замечает, что московский царь, в отличие от западных собратьев, не признавал религиозных отступлений равносильными политическим возмущениям. Поэтому совершенно искренно звучит замечание Иоанна Грозного в письме к императору Максимилиану II относительно Варфоломеевской резни 1572 г.: „Ты, братъ нашъ, дражайшій скорбишь и кровопролитии, что у французскаго короля въ это королевствѣ въскольце тысячъ перебито мѣдетъ съ трудными младенцами: христанскимиъ государямъ пригоже скорбѣть, что такое безчеловѣчье французскій король надъ столькимъ народомъ учинилъ, и столько крови безъ ума пролилъ“. Эти слова написаны в то самое время, как Филипп II посылал горькое поздравление Карлу IX.

VII

Важнейшее по своей дипломатии, гибкое и искусное и религиозных установлениях, московское правительство не менее гордится своей традиционной политикой, своим умением умиротворять Англию, бороться с католическими, эту самую традиционную политику, которая в Англии в следствие монархического устройства, своимъ же усилия монархии и, утратившей свою свободу, выдвинула, рестроила в конце государственной организации.

В Польше XV в. был момент, когда, казалось, король извлекет выгоду из вражды между высшим слоем военного класса, паначи и массой мелкого шляхетства. Для того, чтобы установить в стране сильную монархическую власть, король

Король IV Честинский обладал всеми нужными качествами: силой личности, политическою и волевою и энергией. Его искусство, однако, сорвалось на невозможности управиться с тремя нациями, поляками, литовцами и русскими, и на отсутствии у правительства одного притягательного и объединяющего центра. При созыве шлолчения, при собирании чрезвычайного налога, король вынужден был входить в соглашения с отдельными областями; прежде чем составить войско, приходилось договариваться в каждой области с особой шляхетской корпорацией. В критический момент, когда армия надо было направить на внешнего врага, шляхта, созидавшая себя большой самостоятельной силой, брала королевскую ставку приступом и добивалась привилегий, т. е. закрепляла за собою новые права, освобождаясь от старых обязанностей.

Уступки шляхетским требованиям привели и в конце концов к тому, что государство вынуждено было обратиться к старой системе, внутри которой распоряжались почти независимые крупные и мелкие землевладельцы. Вне шляхты никто не пользовался гражданскими правами, государство не имело финансов, потому что привилегия не могло собирать налоги помимо громадской системы опроса на сеймах и сеймиках. Оно не могло собирать и войска, потому что шляхта избегала себе свободу от обязательной службы. Оно вообще не имело средств проводить какие-либо реформы. В Польше и во всем ей подданной Литве король превратился как бы в президента коллегии возможных советников. Важный сейм, состоявший из наковрады и посольской (шляхетской) избы, составлял блестящий парад, на котором развешивались золотая половина дворянства. Он так же как король, был лишь представительной силой. Его делопроизводство, его зависимость от областных сеймиков, исключала возможность складывать общие решения, и все проекты реформ неизбежно разбивались об эту ветурную преграду.

Кризис феодальной организации феодальной шляхетской республики в приходе Сигизмунда I (1506) и в начале правления Басколя III и в начале царствования Ивана IV. Могла ли шляхетская политическая система, которая, вопреки формальным замышлению, вступила в исторический процесс, избежать потерпев полную неудачу и своим истощением вынудить корольское правительство государственной реформы и провести общегосударственную военную реформу шляхты. Также как Сигизмунд, он потребовал проведения реформы и созыву всеобщего шлолчения, но господствующее положение было в конце испорчено предвещающими примерами шлолчения созыва, которые превращались всегда и тогда за полноты. В 1548 г. попытка короля минерализации шляхетского шлолчения.

ное для борьбы с Валахией, шляхетское ополчение разошлось по домам, предлагая принять реформу и выгнав свое пребывание в лагере «петушиной войной». В то же самое царствование шляхта закрепила знание своих обязанностей законами, которые заставили ее монополизировать владения и обеспечить ей в лице крестьян постоянных рабочих, вводя подчиненных ее суду и управлению.

Очень важно познать эти обстоятельства, чтобы оценить по достоинству значение в Европе либеральной монархии вроде князя Курюмова. Известно, тем не менее, забыть, что московскому правительству приходилось удерживать тем же самым мудрым классовым материалом под обаянием вычужденным достигнутым *авантюром Габриэлем*. Между тем как в соседнем государстве закреплялась могущественная аристократия, в Москве уничтожалась возможность ее возникновения. Присоединяя удельные княжества, московский великий князь отнимал, подчинившихся городами почву под ногами, заставляя их переезжать в Москву, превращая их в наместников областей и корпусных командиров своей армии. Они вступали в ряды старых слуг, растворялись в их среде, смешивались с обыкновенными придворными. На московской службе они взаимно ослабляли друг друга счетом мест; занятые обереганием родовой чести прогнанные представители других классов, княжеские и старобоярские роды были лишены всякой сплоченности перед лицом верховной власти.

VII

Тот удивительный тактический маневр, который оставил в руках западных войск обширный земельный фонд и позволил сосредоточить войсковые формирования на таком расстоянии и к любому фронту, удерживая их все время в строгом повиновении, был возможен только в системе. Западу эта форма идеала, но она достигнута там только блестящим занятием, как, например, в англо-американском государстве Вильгельмом Вашингтоном, стран которого истерично любят изображать в виде «демократических республик». В Московской державе мы увидим нечто совсем другое.

Известная система «Полов» служившая исключительно правителям многократными войнами дворянскими армиями создавалась в то самое время, когда военный строй в польско-литовском государстве только начал совсем разлагаться. Интересно видеть, как в Москве замечательные учреждения, подобно выводу из Франции, и как они функционируют совершенно иным содержанием, подчиняясь общему строению власти. В Польше и Литве шляхта каждой области составляла самостоятельное общество, имевшее свою партию

ментское собрание, сеймик, который посылал в общегосударственный сейм депутатов, связывая их решения местной корпорацией. В Московском государстве тоже составились уездные собрания служилых людей, но они выражали не автономию, не интересы местных дворянских обществ, а отвечали требованиям государства, образуя круговую поруку при распределении повинностей.

При Иване III в Москве ясно обозначаются оба вида собраний, из которых составился польский и литовский сеймы. В 1471 г., по случаю столкновения с Новгородской республикой, великий князь послал „по всеи епископскии земли своим и по князем и по бояре своим и по воеводам и всеи воин своим“. Это собрание вместо воинства „выставило на дело“ вместе с государем, разбит отти войском из Новгородки. Во время переговоров Ивана III с Литвой, в Москву приходил грамота „отъ всеих князей и воеводъ-рады братьямъ и приятельмъ явшаишю князюмъ и воеводъ-радъ великаго князя Ивана Васильевича“. Великий князь принимает эти обозначения для себя за честь и велит выписать боярам своим трюмкие титулы воевод на манер литовских.

В первом случае перед нами действительно на те лагерные собрания вооруженной шляхты, которые составлялись перед походами Казимира IV на теутоонских рыцарей, и которые как раз послужили началом соединения представителей шляхетства и польской избе, или нижней палаты сейма. Во втором случае паны-рада Литвы, или верхняя палата сейма, сами признали бояр-советников великого князя московского своими братьями, т. е. похожим на них учреждением. И одвако земский собор, предшественником которого было собрание епископов, князей, бояр и всех воинов 1471 г., в боярская дума, которая обрзтилась в постоянное совещание при государе по важнейшим политическим делам, не составили ограничения верховной власти. Земский собор сложился по почину и усмотрению правительства, разбирая вопросы, которые ему предлагались, составлялся на лиц по назначению двора; он представлял большой смотр новобранцев и бюрократического кадра, которыми располагало правительство, опрос настроений в его среде.

Последовательно и настойчиво старались правительство провести принципиальный характер службы помещикам, отбить всякие мысли о привилегиях. Помещик не только должен находиться в готовности и выступанию в поход, чтобы „битися до смерти с татарскими или итменскими людьми, и паша войнота“. По всем присоединенным землям территории часть шляхты в Москве помещикам высылалась по окрестности, а часть — в свои уезды, местных дворянских людей для перемещения в середине или на другом краю. Правительство должно установить среди помещиков духу законности

касты, непрерывно оно втягивало в состав служилого класса инородцев „поповичей и прочих благородств“, но выражением Курбского, означавшем владение шехского звания со старинными заслужившими и выданными фамильными именами.

Много значило то обстоятельство, что московские правители не отказались ни на минуту от мысли о том, помимо обычных рабских земель военно-служилого людем, выдавались денежные оклады, особенно когда дело шло о крупном походе. Такие обильные бюджетные выдачи были не по силе ни одному из государств XVI в. Почти не веришь глазам, читая в дипломатической переписке Василия III с датским королем, что Москва платила датчанам „пшениц“, и для какой цели — чтобы на эту субсидию министр прусского ордена мог нанять солдат в войне с Польшей, общей врагой Дании и Москвы. Таким образом, мы видим Москву XVI в. в той самой роли, которую берет на себя Англия в отношении материальных государств в XVIII и XIX вв.

Богатства Москвы впечатали иностранцев. Приехавшие англичане в этот век, до открытия Америки, до Колумба, описывают Москву и раде какого-то сказочного американского Пьеру. За царским обедом (в XVI в.) „все столы были тер-вированы сосудами из чистого драгоценного золота: миски, кувшины, блюда, соусники, кубки, бесчисленное множество всяких кружек, из которых многие были уставаны драгоценными камнями“. В другой раз гою же ямкою, в присутствии царя „обедали 600 иностранцев в 120 рублей, а все было поставлено золотая посуда, и прочие драгоценности, и много было уменити, ставили оны, и все было, как бы злато, столы, и шафры, заложеными золотом и серебряной инкрудой, между прочими предметами 12 серебряных багетов, на крышке этих багетов было много всяких украшений“. Об удивительном блеске царской сокровищницы не успевают рассказать и знаменитый английский путешественник в Среднюю Азию, Давидсон. Изображая обстановку окруженного города, он упоминает о целом сооружении из золота в 2 аршина длины с вычеканенными на крышке багетными и драгоценными словами.

В то время, как в собственном государстве государство шло к дроблению, заграничные предприятия становились на землю, и это острое предпринимательство широко и уверенно проводило порядок усвоения капитала за службу, порядок, порождавший своим присосоединением удивительные требования, своей беспощадной дисциплиной. Поместный порядок вступает в жизнь при Иване III и так же постепенно, и в такой же неслыханности, в смысле концентрации документов государственного управления. Иностранцы приезжали в боярские области будущей Новгородской республики, „двояземель“, где принадлежали особые права: владеть, судить

гною посаженным помещикам, обязанным конной службой, быстро московский правитель распространяет порядок, примененный к завоеванной земле, на вотчинников своей старой территории, подчиняя их той же повинности, какую несли старинные им помещики.

Получается впечатление, как будто организатор обладал готовыми уставами, чем то в роде твердо выработанного образца. Правда, важное значение, как мы уже видели, имел пример Турции. Но перед нами нечто большее, чем простое подражание, явно сказывается влияние определенного законодательства, которое изучали московские строители военно-земельного порядка.

В русской науке уже давно высказана была догадка (Н. Невольным), что раздача поместий заимствована у Византии, тем более, что и слово „поместье“ есть буквальный перевод греческого *iorion*, обозначающего временное условное владение, участок, доходы с которого служат жалованьем до тех пор, пока владелец несет обязанности службы. В развитии этой мысли хочется сказать еще больше: московские заповеди, без сомнения, читали, перечитывали очень внимательно, и византийских сводах эпохи ис^торически и македонских императоров, уставы устроения стратиотов, т. е. конновладельцев, несших службу пограничной стражи и поселяемых гарнизонами в покоренных областях.

3. Окно в Европу.

Все мастерство, все величие Ивана III, как организатора московской державы, выступает ярко после его смерти, когда при незначительном его преемнике, во время малолетства его внука, правительственная школа, созданная им, действует как бы сама собою, силою заложенного в ней разум, не имея призванных вождей и руководителей.

I.

При Василии III Москва привлекает усиленное внимание западных держав. Император и римский папа наперерыв стараются завладеть великим князем московского королевской короной: один рассчитывает подвигнуть русских на крестовый поход против турок и в то же время строить планы раздела польско-литовско-венгерского государства между Австрией и Москвой, другой хлопочет о включении Москвы в церковную унию под верховенством Рима. В планы о воссоединении церкви папа искусно втягивает новых союзников Москвы, приобретенных Иваном III, Данию и Прусский духовно-рыцарский орден. Датский король очень увлечен этой идеей: в 1512 г. он убеждает Василия III отпраздновать своего представителя в Рим на Латеранский собор, созванный папою для укрепления авторитета святого престола.

Запад посылал в Москву людей разных образцов талантов. Вот Генрих Штаут, немец, фантазер в политике и географии, мечтавший о восстановлении торговых сношений своего родного города с дальним востоком через Каспий, Москву, Балтику и Данию; вот Герберштейн, ученый гуманист, сумевший добраться до самых интересных исторических и церковных памятников таинственного восточного царства, ознакомиться с летописями, с судебными и даже с религиозной литературой московского общества.

Несколько упрямых людей в каменистом стекле в тесноте выразились и искусно обставленные предания московской цивилизации. Великий князь с благодарностью принимал подлинную культуру папы при заключении перемирий с Литвою, не

забывали никогда своей великой просьбы присылать ему архиепископов, писателей, знающих в рукояго и метафизического дела, художества, оружейника, прачей; но по возрасту, который более всего замечает в западно-европейские правительства — церковном солижении, отвечал неизменно сухо и холодно: московский двор останется верен православию и не желает входить ни в какие переговоры по этому поводу. Прусскому послу Шомбергу в 1517 году московское ведомство иностранных дел заметило с едкой иронией, что он напрасно так старается о чужой деле настаивая на церковной унии, посол рискует повредить интересам своего же ордена, если цари увидит, что московский государь склонен войти в соглашение с католиками, то побудит его помириться с Польшей, взром Пруссии.

Время малолетства Ивана IV — критический момент для московского самодержавия, которое Герберштейну показалось властью, не имеющей себе равной на свете. Если монархия в Москве спаслась от крушения, не потеряла удерва от „вельмож“ на манер Польши, то все это волею бога обязана была едине своей могущественной поддержке, епархии Черрарли с какою-то необычною гордостью ринулись в политическую борьбу: князя Шуйские, повидимому, рассчитывавшие вытеснить правящий дом Калиты, встретили резкий отпор духовенства; и короткий срок трех лет им пришлось свергнуть одного за другим двух митрополитов, Давида и Иоасафа. Но в результате церковники одержали победу: начинается митрополитство знаменитого Макария, вышедшего из школы Ивана III (Макарий род. в 1482 г.). Под его влиянием Иван IV объявлен в 1547 г. совершеннолетним, но вместе с тем поставлен под опеку священника Сильвестра, которая еще на шесть лет (1547—53 г.) оставляет в тени неоперившегося, нерасправившего свои гениальные дарования и свои порочные склонности будущего Григория.

Десятилетие 1542—53 г. можно с известным основанием назвать эпохой церковной реформы. Все реформы, все вопросы практической жизни обуславливают направление от высшего духовного авторитета, и этот процесс осуществляется сильнее, чем когда-либо раньше. Ученый и ясный умеренный, но глубоким консервативный Макарий созывает один за другим духовные соборы, преемствуя в нем с необычайным мужеством и тактом царские указы и указы. На соборах 1543 и 1545 г. г. он действует правитель целого ряда заботливой святыни объединение церковной старины в одно великое национальное дело, в то время как под его руководством готовится громадная богословско-космологическая энциклопедия. Четверть Минеев, престолюбит в 1551 г. Стоглавый собор, который многими чертами на одновременный с ним Триентский, который ссска

В картинах власти заметен определенный социальный уклон, и вообще правительство любит оттенять свой демократизм, свое внимание к простому люду к низшим слоям народа.

Таков основной тон уставных грамот 40—50-х годов, предоставляющих местному населению право выбирать судебную и финансовую администрацию. Необыкновенно выразительны уже самые обращения к обществу, в грамоте Б. Черской, например, „великий князь Иванъ Васильевичъ всея Русии“, после подробного перечисления всех разрядов от „князей и дѣтей боярскихъ“, до „крестьянъ псарей, переветвиловъ, разболыновъ, бобровниковъ и оброчниковъ“, как бы собирает всех в одно целое и еще раз с особым ударением повторяет ко всемъ безъ исключения (т. е. без исключений), чей кто ни буди. Характерно и содержание грамоты, входя в интересы и нужды местного населения, жаловавшегося на произвол присылаемых из центра судей и следователей, правительство предлагает двум главным классам общества, детям боярским и крестьянам, чтобы они „межь себя свѣстись все за одного“ выбрали голов, оно считает такое общее собрание вполне естественным и несколько не сомневается в возможности их согласного действия.

По уставным грамотам видно также, что централизованная правительственная канцелярия составляла текст бумаги из выражений челобитной, поданной заинтересованным местным обществом. Следовательно, высшая власть поощряла заявление общественного мнения, выслушивала советы частных людей и приспособлялась к ним.

В современной Иаину IV практике западноевропейских государств едва ли можно найти что-нибудь хотя отдаленно похожее на открытые, смелые, широко-народные призывы к населению, едва ли считать неудавшимся попыткой датского короля Кристиана II вробить стѣну дворянских привилегий и облегчить положение крепостных, повстанцев, запуганных и восставших, и публицистикой „вельмож“.

Очень правдоподобно, что в эпоху управления Сильвестра относится проект реформы, носящий заголовок „Слово къ благохотившимъ царемъ“. Автор проекта — последовательный народник. Он требует от государя равного отношения ко всем подданным, „разсмотря же ко благополучию все ѣмъ, сушь и мѣрѣ, имъ, не едними вельможами еже о управленіи пецися“. Он говорит еще резко: „вельможи бо суть потребни, но ни отъ коня же своихъ трудовъ дозвольствуются. Въ началъ же всего потребни суть ротцы (т. е. крестьяне). Отъ ихъ бо трудовъ есть мѣбъ, отъ сегоже всехъ богатыхъ главизна“. Тяжело положение земледельцев, которые не имеют отдыха, взимают от поборов, ямской и других повинностей, безпрестани различные изъ подъявляютъ.

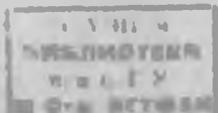
Необходимо снять с крестьян налоги и довольствоваться для казны доходами с государственных земель. Далее пусть крестьяне кормят своим трудом служилых людей, бояр, воевод и воинов, причем им должны быть отведены большие участки „ратаевъ полные жребии“. В особенности следует скинуть с крестьян денежные сборы, так как „ратаеве мучили серебра ради, еже въ црскую взирается власть и дается им раздаяние вельможамъ и воинамъ въ Златствѣ, а те нужда ради“.

У автора „Слова“ есть свои определенные взгляды и на устройство военно-служилых людей. Он как бы мысленно продолжает и заостряет действующую систему быта помещиков. Работу крестьян он ограничивает доставлением средств существования помещикам, в свою очередь, помещики, лишаясь права собирать с крестьян „серебро“, устраниваются от хозяйства в деревне и обязуются жить в городе, чтобы лучше выполнять свои обязанности. Проект видит в них только государственных чиновников, но не владельцев доходных участков, и даже не управляющих работами крестьян.

Почти нет сомнения, что автор „Слова“ принадлежал к церковным кругам и работал по византийским источникам. Он выдает свою школу прежде всего изложением нового способа межевания земли в виде обмера большими и четырехгранными поприщами. Мы узнаем в них знаменитые квадраты античных римских землемеров, перешедшие по наследству в Византию. Дальше он обнаруживает знакомство именно с наиболее демократическими законами византийских императоров, которые не раз брались защищать крестьянство против захватов со стороны крупных владений, принимая на себя роль охранителей „бедных и трудящихся“. Автор „Слова“ поэтому смело обращается к монарху, ожидая от него также защиты мелкого трудящегося люда.

Как непохож весь склад мысли русского законоблуда на юридическое сознание любого публициста из среды польско-литовской шляхты! Там дворяне считали себя прежде всего распорядителями и владельцами работами крестьян, служба в их глазах составляла лишь дополнительное дело, зависящее от свободного согласия „вольного вилхитича“. Автор московского проекта готов видеть „вольный вилхитич“ только владением своей земли и участком государственной собственности, не желая ничуть служить ее государству. Подобно тому, что и там, и здесь публицисты кричали в закученным римлянам юридическое право, но владыки страны бегут отсюда, что ей придется в государственном отношении. Давали римляне и в их числе весьма плохую, исполненную либерализма, для обоснования самота права владения, жалко доводят понятие земельной собственности, выработанное римскими юристами лишь республикой. Монархисты и парламентарии Московской Руси

289159

отыскивают подходящие для себя формы и доказательства в законах поздней византийской империи.

И содержание и самый стиль „Слова къ благохотнѣимъ царямъ“ очень характерны для своей эпохи: из них видна мера того народничества, которое допускалось правительством, и которое оно охотно слышало от общества. Притом автор „Слова“ вовсе не одинок со своим демократизмом. На Синодальном соборе один из высших иерархов, Киевский митрополит Иосиф поднимает голос в пользу крестьян, предлагая освободить их от тяжелых „положняческих“ денег, предназначенных на выкуп пленных в Крыму, и перенести уплату на средства богатых епископов и монастырей.

III.

Первая большая победа Ивана IV, ваяние Казани, вполне подготовлена настойчивой и искусной политикой правительства эпохи опеки. Полоду 1552 г. предшествует постройка крепости Свияжска в виде форпоста и непосредственной угрозы Казани. У царя в распоряжении великолепная артиллерия, если верить Курбскому, 150 больших орудий. Крепостные стены Казани пали: благодаря мастерству служивших у него иностранных техников. Но самое главное: с конца 40-х годов царь занят усилением военных кадр и совершенным развитием великой военно-поместной системы, созданной Иваном III.

С таким тактом, действуя в своем привычном уравновешенном духе, отбирает правящая власть состав государственного полка: окружая особу царя группой наиболее преданных ему лиц. В 1550 г. после большого смотра была отделена тысяча „пожѣнниковъ дѣтей боярскихъ лучшихъ слугъ“ из провинции, а именно военных как княжеского, боярского, так и простого боярского происхождения. В составленном списке обнаружены все достоинства московского правительства. Исторический источник у историков. Цели приняты во внимание старые историки, даже отцы. Среди „тысячи“ сто детей испытанных воевод, сыновья воеводкой несчастливой Оршанской битвы 1514 года, встречаются имена синодальца Успенского собора: кула по повелению государя записывали на вечное поминовение войны „христіанство“ и убиенныя по благочестию за святыи церкви и за православное христіанство“.

В доходе тысячники составляли штаб и гвардию войска, всегда они должны были быть готовы на посылки, т. е. исполнять различные поручения, чтобы иметь непосредственно под руками и наилучше вознаградить этот отборный состав административный, царь поместил всех, кто не смел подмосковных владениями в ближайших окрестностях столицы. Высшая власть не забыла потом своих обещаний на должностях вое-

вод, наместников, послов мы встречаем в последующие годы все те имена, которые были записаны в 1550 г. в Троицком списке.

Петр Иванович IV завершается начатое Иваном III предприятие землеладельцев, вотчинников наравне с помещиками, а подвижные поземленно служащее воиство. Монарх собирается взять в свое распоряжение все земли, для того войтеаями, образить их всех в государственных земников. С этой целью Иван IV предлагает Стоглавному собору в 1551 году привести в известность размеры вотчинных и помещичьих владений, сколько в нем числится земель, и затем произвести вновь помещичью развертку так, чтобы каждая получила по достоинству. Далее — завести вотчинные книги для записи в них всех изменений, происходящих во владении вотчинными землями, а также для описи вотчин, сколько в них пашенной земли, лесов, всяких угодий; царь выражает намерение отписывать различные угодия для поместий в определенных соотношениях, чтобы хозяйство окунало службу; прибыль с помещья должна принадлежать пользователю; однако, он не свободен в распоряжении землей и, если он зануствует пожалованное имение, царь грозит ему опалой. Наконец, собору объявлено, что царь решил послать писцов описать и измерить все государство.

Эти торжественно-властные заявления перейдут историка в далекую старину, ко времени блестящих римских императоров, владевших громадными имениями, состоявших десятками тысяч ветеранов на строго вымеренные участки земли, поручавших ученым землемерам производить подробную опись недвижимости, инвентари и ценностей. Основательница и, следовательно, разветтки, тем самым приемом государственного хозяйства, руководила и восточными государями. В землях, описанных в дореволюционные годы в частностях, находится в числе вопросов, представляемых Стоглавну. Царь предлагает проект устройства вдовних боярынь. Здесь все предусмотрено как быть, если воина убитого боярина обидел и может быть казнен или быть, если у него вырастает ребенок, если обидел на призывах получить, каковы обязанности, каковы права и льготы детей вдовних боярынь. Писцов также обязаны в том, чтобы земля не уходила от службы, но вместе с тем страдать воинам, служащим боярина, обеспечивая пропитание его семье.

Параграф 6 вдовних боярынь удивительно напоминает статью о вдовних старинного юридического памятника, именно Судебника Халхуровича, где предусмотрено и для помещья, отбывшего воина убитого, если у него на руках воспитанный сын, и где обязанности по долгу воспитательницы будущего служивого воина, или «инелоросла», сопоставлены с обязанностями московской терьянщины.

341
СВЯТЫН

Занятое развитием подвижности и гибкости армии, состоявшей из помещиков, правительство в то же время озабочено охраной рядового воинства от притеснений со стороны крупных землевладельцев, т. е. командиров, и опирает на волюнтаризм вавилонских царей и византийских императоров, которые опекали своих солдат-крестьян от "волн-мол".

В этом смысле мы видим в летописи год 1556 года одну очень характерную меру, при чем приходится только сожалеть, что до нас не дошла первоначальная текст указа. Мы видим, что в правительственном кругу обратили внимание на злоупотребления в среде служивых людей, а именно в том, как они завладели обширными землями и в то же время сократили свои служебные полномочия так, что произошла полная несоответствие между службой и вознаграждением за нее в виде земли и жалования. Поэтому решено произвести объем земель и уравнять поместья, привести службу в соответствие с вознаграждением в должном, который прежде был получаться при этом, разделив равномерно.

Трудно выявить существо реформы 1556 г. по выражениям летописей видно, что она носила весьма решительный характер. Нам поражают самостоятельное коммунистические выражения, которые применяет летописец: вот звучит, как социальное понятие мог себе позволить московский государь!

Об этом удивительном для иностранцев устройстве служивых службой землевладельцев повествуется в наивном восторгом как раз около времени указа 1556 г. Чинсар, первый из иностранцев давший описание московских нравов:

„Пусть подумают, как легко здесь найти поместье или землю, и как много здесь людей обременены спорядиться на искую войну во владения государя. В этой стране нет собственников, но каждый обязан идти по требованию государя, солдат или работник со всеми необходимыми принадлежностями“. Чинсар рассказывает даже, что если человек умрет без мужских потомков, имени старика если доносят об убогости и неспособности помещика в военной службе, в таком установили правильность полевных, войсковых отбирается у него, за исключением малой доли на прокармливание вечно в его жена. „И он не может жаловаться на это и если он скажет, что ничего не имеет, и что есть у него, то в руке Бога в Государя, но не может он сказать, как обязанности поворота конюхины, когда имеет это право во власти Бога и людей“. Говорит, что для людей солдатов и вальном строе и послуживших, эти что всякий отдал во волю и распоряжения Государя иными, которых по чинам и вознаграждая всю службу“.

Вдохновляясь все больше и больше своим предметом, Чинсар, поварихому, монархист и консерватор по убеждениям, делает столь ценное признание общественности своим со-

отечественников. „О если бы эти дерзкие бунтовщики со-
держались в таком же подчинении, чтобы они научились
своим обязанностям по отношению к королям. Русские не
могут сказать, как говорят денлацы в Англии я найду коро-
леве человека служить вместо себя или проживать с друзьями
дома, если есть достаточно денег. Нет, это невозможно в
здешней стране, русские должны отдавать всякие чужобитные
о приняты их на службу и чем чаще кто посылается в войны,
тем в больши милости у государя он себя считает“.

После такой характеристики Чанслор выводит общий за-
ключение: „если бы русские знали свою силу, никто не мог
бы бороться с ними, а от их соседей сохранились бы только
ней-какне остатки“.

IV.

Завоевание Казани и последовавшее затем покорение По-
волжья создало в мусульманском мире впечатление могуче-
ственного волшебства. Безалось, нет более преграды, ко-
торую бы не одолела сила Москвы, и нет конца ее продви-
жению. Следом за взятием Астрахани в 1554 г. московские
воеводы быстро доходят до Кавказа и ставят крепости на
Терек. Одно время власть московского правительства про-
стиралась и на часть Закавказья, если судить по тому, что
в 1567 году по ходатайству Дженкинсона, исследователя
каспско-азиатских путей, англичанам было разрешено бес-
пошлинно торговать в Казани, Астрахани, Нарве и Дерпте,
Булгарии и Шемахе.

В Москве как будто слышется призв покорить и с Крымом:
одна экспедиция, переправившись через Днепр, нападает на
крымских татар с литовской территории, другая пытается
пробиться через Периколский перевал. Собирая впечатления
этих грозных для степного мира лет, московский посланник
у ногая, Мальцев, доносит, что около Астрахани „все тре-
пещет дая государя, единого подданного, страдая бесур-
мянство и антиреть“.

Понятно, что в самой Москве покорение Казани воспри-
нималось как событие несомненной важности. Западноевро-
пейский историк (Жан-Батист) подмечает еще „азиатской
целью“ интриголога Мазарини, сравнившего Царя IV при
его победоносном возвращении 1555 г. с Александром Маке-
донским, Дмитрием Донским, Владимиром Святославичем и Константи-
ном Великим. Но эти сравнения не кажутся справедливыми
церковник лишь во слове выражая событие падения гроз-
ного оплота дружинной разбойничьей орды, благодаря ко-
торому московский царь освобождается от близкого нависшего
над ним врага и впервые шаг в восточном направлении берет
христианской культуры и государственности.

Между прочим интересно, что московская дипломатия издекала из покорения Казани и Астрахани новый довод для оправдания перед западными державами царского титула. После брака Ивана III с греческой царицей в 1472 г. в Москве любили настаивать на перенесении титула из Византии. В переговорах с Литвой в 1558 г. решено было изменить теорию: говорить сначала о царском звании Владимира Святого, который не именовался царем, потом сослаться на титул и права Мономаха и, наконец, настаивать на том, что по взятии царства Казанского Иван IV сам стал царем.

Не дожидаясь окончания южных походов, Иван IV в 1558 г. начинает новую войну — за обладание Ливонией. Войну, которая становится делом его жизни, восточником его крайних увлечений, а под конец и трагедией его царствования. В то же самое время он решительно расходится с большинством своих старых советников, с составом опекавшего его фактического регентства. Открывается ирланде самостоятельная политика Грозного, сложная и широко раскинутая, где дипломат и стратег ставят непомерные и беспощадные требования стране.

V.

В какой мере Ливонская война вытекает из самостоятельного замысла и воли Ивана IV? — В знаменитом первом письме к Курбскому, писанном в 1564 г., Грозный несколько раз обращается к вопросу о ливонцах и противниках великой борьбы. Видно, что западная война составляла самый существенный пункт разногласия между Сильвестром, большинством избранной рады, с одной стороны, и молодым царем, развалившимся в бой, — с другой. Но трудно понять, в чем собственно заключалось расхождение.

Нельзя сказать, чтобы замысел первоначальный, среди которой вырос Иван IV, была чужда мысль об усиленном сближении с Европой. Ведь именно правительство его отчаянных лет поручило гавноверцу Шинкелю набрать в Германии и Франции в Москву целый корпус всякого рода гехинцов, ирланде, шотландцев, артиллерийского дела, востанке специалистов. Не забыты были в планы Ивана III присоединиться к московской территории Ливонии. Еще в 1551 г. дипломатический представитель в Германии, составил для императора Ферда V меморандум, в котором умоляло спасти от „великой и страшной мучки московита исполненного мажда захватить Ливонию и приобрести господство на Балтийском море, что неминуемо повлечет за собой подчинение ему всех окружающих стран Литвы, Польши и Швеции“. Интересно, что протестантская Ливония тогда была соединиться с католическим императором против общей религиозной опасности, грозившей с Востока. Лифляндия

бойте, как бы „в Москву не устремились, под знамя рязанцев, ливонцев, военных и техников, самые отчаянные сектанты и еретические общины в роде духоборов, перекрещенцев и т. п., что доставит возможность московскому царю овладеть христианский мир и наполнить его кровью и слезами“. Он не замечает, что в этих словах заключен революционный комплимент революции, угрожающей московской агропатриархальному славянскому строению.

Война за обладание Ливонией подготовлялась задолго до 1558 г., как с дипломатической, так и со стратегической стороны. Обеспокоенные угрожающим положением, которое заняла Москва, ливонцы отправляют одно посольство за другим для заключения прочного мира. Но московский двор ограничивается допущением лишь кратких перемирий. В 1550 г. перемирие было заключено на 5 лет. Когда в 1554 г. снова в Москве появилось посольство и стало просить мира на 50 лет, окольничий Адашев и дьяк Михайлов потребовали приходящейся Москве дани с Ливонии и уплаты недоимок за старые годы. Напрасно изумленные послы ссылались на исконную независимость своей страны. Им показали грамоту, заключенную Москвой с магистром Плеттенбергом в начале XVI в., гласящую в смысле вассального подчинения Ливонии. Они услышали от Адашева весьма определенную историческую справку: „удивительно, какъ это вы не хотите знать, что ваши предки пришли въ Ливонію изъ за моря, вторгнувшись на отчину великихъ князей русскихъ, за что много крови проливалось; не желая видѣть разлитія крови христіанской, предки государя исполнили вѣдѣцамъ жить въ занятой вами странѣ, но съ условіемъ, чтобы они платили дань великимъ князьямъ; они обѣщаніе свое нарушили, дань не платили; такъ теперь должны заплатить все недоимки“.

Те же послы, направляясь в царской столице, заметили на дороге изморозочную подготовку к войне: на расстоянии каждых четырех или пяти миль они видели великие отстроенные яские дворы с громадными помещениями для конюшен; еще более их поразили цепи обозов сарей, нагруженных хлебом и свинцом, которые тянулись к западной границе.

Это было за 4 года до начала войны. Правительство Сильвестра, Адашева и Курбского явно стремилось к крупной по размерам кампании. В чем же разнилось Иван IV со своими советниками? — Сам он жаждет не та, что его советники, а так удерживали от военного вмешательства и этим создали множество ненужных жертв. Не хочет ли он сказать, что в случае более раннего выступления Москвы можно было предупредить раздел ордынских земель между Польшей и Швецией и успеть захватить врасплох наиболее важные приморские города, Ригу и Ревель, которые и составляли ключ к обладанию Ливонией?

Какие же однако, были основания для правительства Сильвестра затягивать дело, если все-таки конечная цель у него состояла в присоединении Ливонии? Грозный пишет, как противники обвиняли его в опустошении Лифляндии, он как бы оправдывается в ведении войны с христианскими государствами, Ливонским орденом и Литвой. Не значит ли это, что церковники не отказались от идеи унии с западно-христианским миром, что они были под известным обаянием объединительной политики римского престола, надеялись на успех своего дипломатического похода против Ливонии, и что напротив светски настроенному уму Ивана IV эти соображения были чужды?

Во всяком случае его темперамент, его порывчатость и самоуверенность очень хорошо заметили и учли на Западе. В приведенном уже нами докладе ливонского посла от 1551 г. говорится: «ныне правящий московит — человек молодой и потому особенно расположенный к войне и кровопролитию». Но в 1551 г. двадцатилетний Иван IV не решился выдвинуться на пол. арену. Тем же году спустя он чувствовал себя вполне свободным и без колебания начал огромное по своему размаху и по своим последствиям предприятие. Иван Грозный имел на своей стороне только одного из участников правящей группы, дьяка Висковатого, руководителя иностранной политики, управителя в 1549 г. Посольским приказом.

VI.

Открывая трудную и сложную борьбу за выход к Балтийскому морю, Иван IV возобновлял планы своего великого деда: не даром в письме к Курбскому он постоянно упоминает ижежио замысли деда и только раз мимоходом называет отца. Прежде всего он хотел устранить посредничество ганзейцев и ввести прямую торговлю с европейскими странами с этой точки зрения его более всего занимала береговая полоса Восточной Прибалтики: Ревель, Гангута, Рига. Но в Москве он уступал и другим важным экономическим доводам: торговля и промышленный край, принадлежность выхода на страны германцев и скандинавов, торговля с этими странами, уже Иван III в войне с литовцами гнал его из западной части Европы, из Ревеля, из Вильны, из Смоленска и из Псковщины, поэтому выход на море и в слободы Мухоморова.

В Москве торговля шла только с юртами от скандинавов и германцев. Восточнее от них находились селы Литвы и этой страны, чем в восточную сторону. Не даром для благоприятства ливонской торговли были даны русские жалованья: Ревель, знаменитый Курбо-Городок, Вильна, Гангута, Маршбург, Аренбург, Псков, Смоленск, Вильно, Гродно.

у Курбского переводится *Белым Камнем*, *Нейгауз* превращается в *Нестеродки*. *Мисола* и *мема* переделывались на русский лад: *Тольсбург* в *Толльбор*, *Зесвеген* в *Чествин*, *Розиттен* в *Резиду*, *Лудзен* в *Луки*.

Крупнейшая из всех войн, веденных русскими, Ливонская война — вместе с тем важное событие общеевропейской истории. Ливония была одной из частей распалющейся германской империи и со своими могущественными епископами, крупным и мелким рыцарством, независимыми городами, призрачным и недовольным крестьянством представляла малое подобие Германии. Такие старые феодальные слабо сплоченные тела неминуемо должны были стать жертвою завоевательных задач государств новых, опирающихся на господство одной главной национальности.

Окружающие Ливонию державы были своеобразно заинтересованы в приобретении юговосточного побережья Балтики. (Польша, одинаково с Москвою, нуждалась в выходах к морю для прямых сношений с Западом, для сбыта туда сырья и подвоза оттуда фабрикатов. Два скандинавских государства, Швеция и Дания, собственно не имели непосредственных торговых интересов в Балтийском море. Они скорее выступали приравненными выходя к манер рыцарей, подстерегавших купеческие корабли на переправах и в горных проходах.) Выгоды собирания даней с морской торговли были так велики, что между двумя скандинавскими государствами из-за Балтики кипела жестокая борьба: особенно обострилась она в семилетней Северной войне 1563 г. (т. е. совпадавшей с первым периодом Ливонской войны Грозного).

Судьба Ливонии в высокой мере занимала Германию. Ганзейский союз, старая держава, низверженная в конце XV в., пытался вернуть себе торговое положение на востоке и со смиранными чувствами страха и изумления смотрел на поднимающееся могущество Москвы. Интересно наблюдать, как в Германии жеманно опереться на Москву, использовать ее, грубую физическую силу и обдаренность, овладеть на ее счет как в то же время отдельное место разпадающейся империи былого неведомой, таинственной восточной торговли.

Главная победительница Гизмы, Англия, вторглась в Балтийское море вслед за отступающими ганзейцами. Пробивши в 1553 г. путь в Москву через Белое море, англичане обеспечивая себе монополию северной торговли в Московском государстве. Не довольствуясь этим, они поставили целью овладеть местными породами восточной империи. С привлечением на господствующую роль выступила она в 1558 г. в завоевательной Иллонг IV Нарве. Между прочим, англичане стали возить свой сырокожусу мануфактуру, выходя с рынка таппейден, торговавших фламандскими сукнами. Это

втягивало в сложную борьбу за Балтийскую торговлю еще одну великую державу, Испанию, в обладании которой находилась Фландрия и ее индустрия. Два соперника Англия и Испания, борьба которых в западных водах Европы занимает собой XVI в., нашли себе еще одно поле столкновений в Ливонии.

Московская дипломатия, не имея в числе претендентов на Ливонию настоящих союзников, старалась извлечь выгоду из столкновения соперников за обладание Балтийским морем. Издавна стремилась Москва к сближению с Данией против Швеции; Ивану IV оставалось только возобновить предания политики своего деда, уже в 1493 г. заключившего с Данией договор о разделе орденских владений в Ливонии. Добрые отношения с воинственным предприимчивым, хорошо вооруженным государством пролинов считались восточно важными, что в 1502—3 г. в Копенгаген ездил лучший дипломат Москвы, дядя Искковатый, повидимому специалист по датским делам.

VI

Первая кампания 1558 г. создала на западе впечатление необыкновенного могущества и силы натиска восточно-европейской державы.

В числе разных отзывов об успехах Московского царя в начале Ливонской войны есть письмо к Кальшину французского протестанта Юбера Лангэ, проживавшего в саксонском Виттенберге, документ, может быть, неизвестный русским историкам. В августе 1558 г. Кальшин узнает от своего корреспондента, что „Московитский государь опустошил почти всю Ливонию и взял города Нарву и Дарбат (т. е. Дерпт). Говорят, что совсем недавно он занял Ревель (характерно, как преувеличение русских побед!), большой приморский город с очень удобной и безопасной гаванью. В Ливонии снаряжается флот из средств саксонских городов для помощи опустошенной Ливонии. На это большое войско, как приговление легкой добычи Моску, который собирает до 80 или 100 тысяч воинов. Король польский останется праздным зрителем этой трагедии; но Москва выбьет из него эту лею, если займет Ливонию, потому что Литва, Пруссия и Самогития граничат с нею. Да и не похоже чтобы властитель Московитский успокоился: ему двадцать восемь лет, он с малого возраста упражнялся в оружии и по натуре очень свиреп, причем его воинственность еще усилилась благодаря ряду удачных войн с татарами, которых он, говорят, побил до 300 или 400 сот тысяч. Он постоянно возит за собой трех пленных царей, между ними того, у которого он вырвал Казань. В недавнее время он жестоко навал на шведского

короля, который только ценой денег смог купить себе мир. Если суждено какой-либо державе в Европе расти, так именно этой (si ullus principatus in Europa crescere debet, ille erit)."

Ополчения и наемники Ливонии не могли сопротивляться огромным по тому времени конным армиям, которые каждый год бросал с Новгородской окраины Иван IV. Ставились все слабые стороны устройства страны: роль сословий, разобщенность городов, подавление сельского населения. В Ливонии очень скоро разыгралось событие, названное великим крестьянскую войну 1524 г. в Германии, крестьяне подвигались в тылу у рижанства, сражаясь с русскими, их деревень был придан в Ревель депутат, предлагавший жителям идти вместе против двора Московского императора. Представитель приходил к жителям, предлагая им идти вместе против двора Московского императора. Представитель приходил к жителям, предлагая им идти вместе против двора Московского императора. Представитель приходил к жителям, предлагая им идти вместе против двора Московского императора.

Укрепленные города и замки, обилием которых славилась Ливония, не могли устоять против московской артиллерии. В 1558 г. Нарва вынуждена была просить перемарши из за каюнады, а в посольстве к великому магистру ордена германе извещали, что не в силах более выносить стрельбу. Курбский рассказывает о жестоком обстреле Дерпта "огненными кулями и каменными", который и заставил город сдать. В 1560 г. боярин Морозов в несколько часов разбивает стены знаменитой крепости Мариенбурга. Уже в первый год войны русские взяли до 20 крепостей. В Эстляндии они подходили к Ревелю: воевода Петр Иванович Шуйский самоуверенно требовал у магистратов Ревеля и Риги сдачи, грозя в противном случае разорением.

Еще больше, может быть, чем победы русского оружия, европейцев должна была порадовать уверенность в настоящей и восточной соперничестве великого города Ревеля с Нарвой, которой прежде никогда не позволяли вступить в торговый союз Галы и быть посредницей в вывозе на запад русских товаров, кожи, мехов, воска, льна, конопля, поташа. Пока Ревель не давался царю, он искал помощи привлечь на свою сторону торговые поселения Нарвы. Город освобожден от военного владычества и силу жалованной грамоты царские купцы получили право беспрепятственной торговли по всему московскому государству, а также право беспрепятственно сношения с Германией. Ближним к Нарве деревням московский воевода доставил зерна для посева, дал быков и лошадей. Нарва явно выиграла от присоединения к Москве; город стал быстро обстраиваться.

В тоже время царь энергично ведет дело обрусения завоеванных областей восточной Мизонии, прилегающей к Чудскому озеру: в новой, немецкой Украине раздавались поместья детям боярским; в Нарве и других городах стали видны русские церкви.

На съезде имперских депутатов Германии в 1560 г. Альбрехт Мекленбургский, вилления которого были объявлены в непосредственной опасности от московского нашествия тревожно доносил, что «многие морские торговые строения флота на Балтийском море в Нарве бы превращает в развалины, а приближенные городу Любеку, в военные корабли и передает управление ими испанским, английским и немецким командирам. Докладчик предлагает настоять перед нидерландским и английским правительствами, чтобы они перестали доставлять оружие, провиант и другие товары другим всего христианского мира». Германская империя должна оказать помощь своей старой колонии и не дать утвердиться в ней восточному государю. Выслушав внимательно эту жалобу, съезд постановил обратиться к Москве с торжественным посольством, к которому привлечь Польшку, Данию и Англию, предложить восточной державе вечный мир и остановить ее завоевания.

Германский император и рейхстаг очень волновались по поводу успехов московского царя и принимали одну за другой меры запрета торговли с Москвой через Нарву, в особенности преследуя провоз туда оружия. Однако, сторонником Москвы и свободной торговли на Балтийском море считали Любек. На конгрессе князей 1564 г. в Ростове, созванном императором для примирения Дании и Швеции, Любек сообщил, что Московский царь, как и все остальные государи, желает пользоваться свободой торговых сношений с западными государствами, при необыкновенной способности и восприимчивости русских царь скоро достигнет своей цели, сегодня у него 2 корабля, через год их станет 10, потом 20, 40, 60 и т. д. То же самое со слов Любека повторяет в следующем 1566 году князь Московия, Август Саксонский он предупреждает императора, какая грозная морская сила растет на востоке, русские быстро заводят флот, набирают отовсюду шкиперов; когда московиты усовершенствуются в морском деле, с ними уже не будет возможности справиться.

VIII

Несмотря на крупные военные успехи, одержанные в 1558—60 г. г., Иван IV был еще очень далек от главной своей цели. В Нарве он видел первый этап к овладению морскими путями, он тянулся к Ревелю и Риге, чтобы иметь

более близкие подступы к западным странам. Но сильный натиск Москвы ускорил подготовившееся уже распадение ордена. Раздел его земель между Данией, Швецией и Польшей составил для московской политики событие крайне невыгодное. Вместо одного слабого противника на сцену появились несколько сильных претензентов; из них можно было столкнуться только с более отдаленной Данией, занявшей о. Эланд. Шведы, завладевшие Ревелем, и протки, утвердившиеся на устье Двины и Риге, образовали неодолимое препятствие для выхода Москвы к морю.

Уже в первый год после раздела Ливонии (1561) почувствовалась трудность борьбы с новыми врагами. Москва не могла выставить хорошо вооруженной пехоты, и литовцы нанесли войскам Ивана IV несколько поражений, между прочим Курбский был разбит при Певеле. Неудачи вызвали у царя недоверие к воеводам, и вместо его личного выступления в походе 1563 г.

Царю самозванцы составяял, повидному, оригинальное изобретение самого Ивана IV. Сосредоточенное под Можайском 30-ти тысячное войско двинулось под верховной командой царя на Полоцк. Грозный прежде всего имел в виду нанести решительный удар врагу на его собственной территории, чтобы заставить его отступить из Ливонии: важнейшая крепость на Двине, Полоцк стоял на линии сношений Литвы с Ливонией; город и сам по себе имел значение по своей торговой связи с Ригой, как выход для всей югозападной Руси.

Взятие Полоцка — олицетворение успеха Московской тяжелой артиллерии. Необычайно доволный приобретением русской земли, Иван IV писал хитрополиту, исполнилось пророчество русского утопика, чудотворца Петра хитрополца о городе Могарь, что выдут руки его на земли хитрополца. Богъ иже създальшу землю, выдуть на насъ иже създальшу, хитрополцу наму, городъ Полоцк, въ руки намы данъ. И оному хитрополцу царь в Москву послал Полоцкую грамоту, велея хитрополцу такое свидетельство, как его грамота велея датию Могарь.

Грозный имел право гордиться своей победой. В отношении военной операции все обстояло, вероятно, и фактически действительно точно и отчетливо, оправдывая намерения организаторов; падение военного предосторожия сглаживалось и умиротворяло войско покоренного края. Однако, данный Полоцком посылкам в 1563 г., начинается со строгих и обстоятельных дознаний царь для страны города от пожаров, у местных жителей отбираются все оружие, сами они под давлением бояр-железья, допускаясь в город только в большие праздники, по ночам выгоняются сами по очереди в дальние окрестности города с фонарями. Городские жители платят поочередно

и приносят ключи первому воеводе; по всем дорогам должны быть выставлены сторожевые отряды. Подозрительных людей велено незамедлительно высылать окружным путем через Псков и Новгород в Москву. При всем том наказ требует, чтобы воеводы творили суд скорый, правый и внимательный по местным обычаям; всех до последнего человека призывать, чтобы приходили бесстрашно, и только того, кто два раза не послушает, приводить силой, узнавать у жителей о прежних податях, оброках и г.-п.

Все это никак нельзя назвать варварством, но это далеко и от тогдашней западно-европейской манеры безразличного отношения к быту завоеванного края. Это — азиатско-старинная уверенная система просвещенной восточной монархии.

4. Колебания судьбы.

В шестидесятых годах Иван IV был на вершине могущества. Он владел выходом к морю и восточной половиной Ливонии, обеспечив себе торговую и военную дорогу по Западной Двине. Высоко стоит его военно-организационная слава и популярность. Но за этим подъемом московской военной монархии следует жестокий удар. Сигизмунду II удается поднять против Грозного старого врага Москвы, крымского хана. В 1571 г. степной вихрь налетел на Великокоросню, угрожая вместе с пожаром Москвы испепелить всю державу.

I.

За успехом, одержанным под личным командованием царя, последовали в начале 1564 г. неудачи его воевод. Грозный выработал широкий план наступления на юбрь Литвы. Завоеватель Дярпта, Шуйский должен был двинуться из Полоцка, Серебряные-Оболенские из Вязьмы и, соединившись вместе, идти на Минск и Новогрудок. Но Шуйский шел „оплошась небережно“, доспехи везли в саях. На него внезапно напали у Витебска Радзивил и разбил его при Уле, другой отряд потерял поражение при Оряе.

Далее произошло событие, не важное по своему стратегическому значению, но необыкновенно впечатлительное в политическом смысле: измена Курбского, которому царь еще в 1562 г., когда князь был главнокомандующим в Ливонии, безгранично доверял.

Только если мы дадим себе отчет в необычайно остром впечатлении, которое в Москве оставили эти военные и политические несчастия, будет понятен правительственный кризис 1564 г., казнь, выезд Грозного из столицы в Александровскую слободу, опала боярству, выделение окричавшим, как особому корпусу избранными всенным, которому востраженнейший до последней степени царь готов был поручить себя в державу среди гнетущейся всюду измены.

Русская история обладает в виде переписки Грозного с Курбским истоником совершенно исключительного инче-

реса, дающим возможность судить о настроении главных действующих лиц наиболее драматичного момента эпохи: «внять приходится сказать, что в современной западно-европейской литературе нет ничего подобного! А между тем, как своеобразно отразились вкус гуманистического века в этой словесной перестрелке вышедшей правящей особы с изменником в родной стране, в этом рыцарски задорном состязании царя и бывшего его слуги, которые бьются на равных условиях, стараясь перецуглять друг друга ученостью и диалектическим мастерством.

В ответном письме Курбскому сказался весь Грозный: умный, талантливый, человек кипучей энергии, но без чувства меры. Какие отчеканенные выражения о власти, какая ясность политической мысли, какая умеренность в своем монархическом призывании: и как все это беспорядочно загромажено ненужными историческими ссылками, кучей бесполезных имен царей и императоров: сколько лишнего, сколько повторений, какой избыток бранных эпитетов, неправдоподобных обвинений!

Перед нами встает во весь рост могучая фигура повелителя народов. Пример других государей, ограниченных во власти и по воле умеренных, на который ссылается противник, неубедителен для Грозного: «ти все царства своими не владѣють, како имъ повладѣть работные ихъ, тако и владѣють в российское самодержество изначала сами владѣють всеми царства, а не бояре и чельможи».

Самодержеи носит в себе закон власти, высшую мудрость, безграничное право суда над подданными. «Како же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ?» И повсегда наремъ подобаетъ обзрѣтисъ имъ быти овогда кротчайшимъ, овогда же яркимъ; ко благомъ убо милость и кротость, къ злымъ же ярость и мучение; аще ли же сего не имѣя, ибѣсть царь, царь бо ибѣсть бояръ и дѣржа, благомъ же злымъ, конешни ли бо не боится власти?— благотвори, аще ли злое творити— бойся; не бо тужи не и, не имѣть до, имѣть злодѣла, в похвалу же добродѣлю».

Впервые в этом письме в Курбскому упоминается давно забытое и, может быть, никому не известное дело: так как изложение против власти совета с Сивилестром во главе, ограничивающей царскую власть. «Понеже бо еста вина усмь дѣломъ занемъ, чинѣнныи указанниа понеже съпаномъ положиста советъ, дабы ихъ становимъ быти государь, а чи бы съ паномъ владѣти». К этому блестящему вопросу Грозный постепенно возвращается; видно, что это самострое очень раздраило под влиянием сурового перковника. В годы вынужденного бездействия и подчиненности у него сложилась целая теория власти и осуждение господства саншеников. Как странная идиотская, неизбежно несущего государству гибель,

потому что „попы — невѣжи“, т. е. несведущи в государственных делах. „И сели супротивно разуму и совѣсть прокаженна, еже невѣжу вступити отъ Бога данному царю воцаритися? Нигдѣ же бо обрѣщещи иже не разоригтися Царству, еже отъ поповъ владому“.

Теория обставлена множеством исторических примеров. Самый недавний — падение Византии, ослабшей под влиянием церкви. В истории Израиля счастливы те времена, когда духовная и светская власть были разделены, бедствия немедленно наступили „егда Илия жрецъ взи на ся священство и Царство“. Распадение римской империи результат того, что в одном лице соединились двѣ власти. Вывод ясен: „не подобеть священникомъ царства творити“.

Мысли, высказанные в письме, глубоко облуманы и выстраданы. Споспобный и восприимчивый ученик Макария, Иван IV незаметно покорился воздействию духовенства, благодарный тем, кто освободил его от засилья Шуйских. Но в той самой литературе, в которую его посвятили учителя, он нашел полемику против теократии и доказательства в пользу „самодержавства“, мощной и передовой светской власти; увлекшая его новая теория постепенно слиялась с нарастающим чувством своего великого жизненного назначения, с раздражением против тех, кто связал его по рукам и ногам, кто не давал его таланту найти себе приложение. Развитие ума и воли Грозного вообще запоздало и замедлилось: тем сильнее, тем увереннее выражает он потом свои новые убеждения.

И никогда он не находит равновесия, спокойной середины: чувства переливаются через край, страсть бьет пену, „кротость“ обращается в безграничное слепое доверие, „ярость“ — в бешеную злобу. Он не просто отставляет Сильвестра и Адашела, а желает им зла и гибели, он не ограничивается обвинением их в превышении власти, в раздании царских сокровищ, а приписывает им „бѣсовские“ умыслы.

Такой Грозный во всем не только в преследовании умалителей царской власти, изменников и нерадивых, но и в своих фантазиях, в своих бурных потехах, в ктре с монастырским обычаем, наконец в шутовском пародировании самой царской власти.

II

Нельзя забывать, что опричнина была не только взрывом мести против действительных и мнимых изменников, не только жестом ужаса и отчаяния у царя, перед которым открылась вдруг бездна неверности со стороны лучших, казалось, слуг. Это была также попытка реформы, вызванная опытом новой труднейшей работы.

При завоевании Поволжья московские конные армии вели бои с воинством себе подобными и руководились стратегией и тактикой весьма простыми. Совсем другое дело — войны западные, где приходилось встречаться со сложным военным искусством командиров иземных европейских обученных отрядами московские войска получали значительный террат поражение в сражениях. Дефицит маневры недостатком была дисциплина и сплоченности: армия не представляла однородно устроенного тактического целого. Сильно давали себя чувствовать остатки самостоятельности удельных князей. Многие из них по-прежнему строили свои дворы, творили суд, собирали на себя пошати, раздавали зависимым от них как бы частным служителям дворян поместья. К царскому ополчению они примывали с отрядами своих холопов, воинов или испомещенных на своей земле, или, как сказали бы в Англии этого времени, своих ливрейных людей. Не даром Иосиф Волоцкий в начале XVI в. называет московского властелина „всех Русн государям государем“.

Наглядно и резко, в виде измены родине, сказались эти остатки удельности, или феодализма в переходе Курбского к Литве, причем он увел с собою ближних особенно тесно с ним связанных боярских детей и слуг. Не так заметно, но не менее предне отражались на военных порядках другие черты удельной старины. Платный слой родовой аристократии, теснившейся к должностям, мешал государю выдвигать способных и талантливых людей высшего звания. Быть может также, некоторые старые соратники Ивана IV, показавшие много рвення и храбрости в походах восточных, неохотно служили в новой войне, как будто не желая понимать ее смысла. Прежде чем изменить своему отечеству, Курбский обнаружил небрежность и неисполнительность. Вероятно, не раз оказывалось, что диктуемые из центра планы не выполняются на месте, и притом без достаточных оснований.

Проводя в 1550—6 г. г. реформы усовершенствования военно-поместной системы, правительство и в этой области, как и других, допускало значительные и вредные в число поселенцев привлекает талантливые по таланту и горячности пришедших публициста, который подписывался Иваном Перемышльским и предлагал преобразование войска в связи с усилением самодержавия.

Перемышль представляет себя служивым человеком литовско-русского происхождения, побывавшим на иностранной службе, венгерской, польской, волошской, и прибравшим по своей воле службу в Москве. С ударением в гонимую ссылается он на свою бедность, на то, что выбился из неизвестности: он приравнивает себя тем „воинникамъ в убогомъ образѣ“, которые приходили к Августу, Кесарю и к великому Александру и давали этим государям мудрые советы.

Очень своеобразно соединяет Пересветов возмещение монархической власти и защиту интересов мелких служащих людей, к которому себя причисляет он ненавидит вышней аристократический слой, хочет полного уравнивания всех служилых людей, возможности свободного развития талантов в среде простых шляхтичей. Такой простор равному дворянству может открыть только монархическая власть, в своем интересе монархии нужен демократический порядок для усовершенствования военного строя, для создания гибкого, быстрого энергичного непобедимого воинства. У Пересветова эти идеи слитаются в общий политический завет: царь должен бояться всего, любить свое войско. Не умея управлять, вельможи хотят отстранить царя от забот об армии, разлучить его с нею, сделать правителем одних гражданских дел. Царю не следует поддаваться на такие изменнические замыслы: все это спасение и преданное войско.

Государство, по мнению Пересветова, необходимо преобразовать в духе строжайшего военного порядка. Правление должно быть грозным, юстиция краткой и суровой на манер военных судов. Реформа представляется Пересветову прежде всего в виде уничтожения частной службы у вельмож: государь привлечет лучших из подчиненных вельможам военных в свой отборный корпус; затем он должен править неограниченно и беспощадно наказывать всякое сопротивление.

Интересно преклонение западно русского шляхтича перед строем Турции. Заметим, что Махмет-салтан, которого образцовые порядки рекомендует Пересветов, — вовсе не романтическая, а вполне реальная личность Магомета II (1451—81), захоронителя Константинополя. Ему, несчастливому и неверцу, противопоставляется побежденный им православно-христианский царь Константин, допустивший своеволие вельмож и пренебрегший своим войском. Изображение разумной, грозной, справедливой военной монархии, заведенной мусульманином, Пересветов заканчивает: восторженной похвалой, в которой есть оттенок религиозной терпимости гуманистического века: «турецкий царь Махмет-салтанъ великую прелесть и свое царство воевать и поплеменики, да сердечную радость богу воздавать, да кь той бы правды да вѣра христианская, ино бы съ нимъ ангели бесѣдовали».

Слишком шляхтич, публикует как будто заводитесь под сильнейшим отрицательным впечатлением опыта, сделанного польско-литовским дворянством. Он совсем не очарован польностями тамошней шляхты, напротив считает подчинение этого класса суровой государственной дисциплине условием национальной силы.

III.

Сличая советы Пересветова с учреждением, которое носит название опричнины, мы должны признать сильнейшее воздействие публициста на реформатора.

Заметим, что между проектами и исполнением их лежит немалый промежуток времени. Пересветов пишет свою челобитную еще до взятия Казани; он имеет в виду только борьбу со степью и совсем не знает Балтийской войны. Тем более любопытно данное им освещение политической обстановки момента. Ведь, когда он высказывается на ильмом, стремящимся отклонить государя от сближения с войском, вообще отстранить его от деятельной роли, он разумеет ничто иное, как окружающую Ивана IV с 1547 г. тесную думу, которая в эпоху Стоглава и казанского похода обладала неограниченным авторитетом.

Эта дума, с Сильвестром и Адашевым во главе, пользуется у историков, главным образом, благодаря свидетельству Курбского, хорошей славою; упадку ее влияния обычно приписывают начало порочной жестокости и диких капризов Ивана IV. Но, может быть, при этом слишком много внимания уделяли вопросам личной столкновений и обид и слишком мало политической стороне дела. А между тем стоило бы заметить, что Курбский очень характерно называет тесную думу, в которой он и сам участвовал, „избранной радой“. Ни в кого другого этого названия не встречаем, а русский эмигрант, выходящий, принимает его же даром: у него паря глазами высший совет, ограничивающий власть польского короля, „паны радэ“. Представитель старинного княжеского рода, родня литовских и польских панов, естественно увлекается примером олигархии у западного соседа. Называя именем этой верхней палаты аристократической республики тесную думу при московском царе, Курбский только подтверждает правильность жалоб Ивана IV на то, что советники отстраняли его от дела, „снимали его власть“, приводили „вн. противоблаже“ бояр, раздавали самовольно чины и земли а. т. п. Пересветов, главный враг высшей аристократии, дает неожиданное объяснение деятельности избранной рады очень рано, в конце жалобной записки Ивана IV и своим слетником, он предлагает царю резко сломить их господство, опираясь на массу рядового высшего дворянства.

Пересветов, удивительно предвосхитил идею „привязного“ управления, понятие о самодержавии и, может быть, его надо признать одним из самых дальновидных и последующей политики Ивана IV. Вспомогательным и заметным делом первого лет опричнины с 1564 г. был разгром княжеских гнезд, распускание дворовых слуг и особых армий, состоявших из частной службе боярских удельных вассалов: царь обещал

опричников, т. е. людей новой службы с неизвестными дотоле именами на места родовых вотчин князей Ярославских, Белозерских, Ростовских, Суздальских, Владимирских, Черниговских и др., оторвав самих князей от почвы их старинного владения и насильственно переселив их на совершенно новые места, где у них не было ни корней, ни связей.

Без сомнения, Иван IV по своей необузданной натуре был слишком малодушен и страстен и борьбу со своими старинными доверенными советниками, но это не основание думать, что и опричнина и не было ничего более, кроме типичного ожесточения, а следовательно, что Грозный вел войну с призраками.

В переписке с Курбским, Грозный очень картинно изображает, как Сильвестр, главное лицо правительственного кружка, подбирал себе угодников, т. е. составлял около себя партию, собираясь свести царя на роль простого украшения. В переговорах с Литвой он бросает любопытное обвинение против самого Курбского: будто бы тот имел притязание называться «отцомъ Ярославскимъ» и хотел «на Ярославль государити». Конечно, это выражено слишком драматично и звучит неправдоподобно. Но нам следует помнить, что до 1564 г. еще живы были многие княжеские гнезда, и что у крупных «вельмож» существовало понятие о праве отъезда. После примера, поставленного Курбским, князья и бояре бояр отбирать княжеское обещание о невыезде за границу. Следовательно, они не подчинились новому понятию о государстве, они продолжали считать себя государями, в них еще сидели предрассудки удельных владетелей.

Самолюбие Курбского было вполне удовлетворено, когда, участвуя в высшем правительственном совете, он встречал подчинение московского царя воле своей и своих товарищей. Но раз это положение обратилось, он нашел возможным только один выход — удалиться от государства. Его советники Сильвестр и митрополиты, князья и бояре, боялись, что Курбский, удаляясь, подчинится своему отечеству, и поэтому, как потерпевши на том, и раньше не удались, покинув свою страну и объявляя себя повелеваемыми в Священной Римской империи и как бы государями. Конница Курбского, пришедшая в родственный французского короля, перешедший в 1521 г., вследствие личной обиды, к германскому императору Карлу V и принявший команду над войсками, сражавшимися против его отчества, курфюрст Мориц Саксонский, в 1543 г., верный слуга того же Карла V, изменивший в 1552 г. императору в пользу французско-польские западные параллели к Курбскому. Москва и не осталась и вперед не пошла в этом смысле сравнительно с европейскими государствами.

Оппозиционеру и мещанину Иван Грозный с искусством дематога приспособляет народическое направление и здесь сходится с идеалами Пересветовым и автором „Слова к бляхоткающим царем“, из которых каждый на свой манер советует держать вельмож и строгости и доверять больше работе крестьян и службе воинов низшего звания. И своих грамотах, приславших из Александровской слободы и Москву в январе 1565 г. Грозный со свойственной ему манерой крайнего преувеличения, разделил подданных на коалиш и оен и распределил между двумя сторонами гнев и милость: боярам, воеводам, приказным он объявил опалу за расхищения, неправильно захваченное богатство, притеснения крестьян и нерадивую службу, духовенству за то, что оно покрывало их, тостям же, купцам и всему православному христианству города Москвы он писал, чтобы они себе никакого сомнения не держали, гнева на них и опалы никакой нет.

Необходимо обратить внимание на одну характерную частности, в которой Пересветов соотносится с настроением Царя IV. Перечисляя различные проступки вельмож перед монархом, публицист называет их „чародьями и ересниками, которые у царя счастье отнимают и мудрость царскую“. Ужас здесь брошен страшный для того времени: никогда, может быть, так не распространялась вера в колдовство, и приворотные и изводящие зелья, никогда так не свирепствовали колдовские процессы и на западе, и в Москве. Грозный, во всем склонный к крайностям, поддавался по преимуществу страху колдовских чар и злодейского волшебства. Вызвать у него подозрение в чародейских козлях со стороны близких к нему людей значило дать против них необычайно опасное оружие. Курбский рассказывает, что в 1566 г. Сильвестра и Адашева осудили, не выслушав их оправданий, потому что признали в них колдеев и чарошников. Он же передает, что в Москве казнили женщину инокской добродетели и аскетического образа жизни, потому что ее необлагодетельные душевные качества являлись в ней козломаркой, крадущим способную известить царя своими злодеяниями.

В объяснение характеристики Грозного все его казни сводятся к колдовству и приводятся безразлично в доказательство его свирепости и полубезумного состояния. А между тем следовало бы различать политические и колдовские процессы. В первом случае мы имеем дело с крайностями распаленного гнева и истигельности, но в то же время с мотивами рационального характера. Во втором с чем-то стихийным, безумным, где одержимый был совершенно способен управлять своей волей, но где он разделял суеверие со своими современниками. Очень интересно знать, что бы стал делать сам Курбский на месте Грозного, ведь он целиком разделяет

меру в колдовские воздействия: порчу, врага царя, его поворот к жестокостям он приписывает силе чар, которыми расплатился его „длин“ советники, сменившие „добрых“.

IX.

Если смотреть на опричнину 1564 г. как на меру военно-организационного характера, она составляет продолжение реформы 1550 г. Тогда были опричены кругом Москвы 1000 человек высшей службы; также и теперь Грозный выбирает себе „князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых тысячу голов“, но испомещает их в замосковских уездах: гладком, востромском, суздальском, в торговле злочина. Преобразователь пошел, однако, гораздо дальше в развитии военной техники. Очень интересно сравнить советы Пересветова с практическим осуществлением военной реформы.

Автор челобитных настаивает на образовании отборного корпуса из двадцати тысяч „князьков храбрых с огненной стрельбой, гораздо учивенного,“ он имеет в виду трудную героическую борьбу с крымцами на юге Пересветов мечтает при этом о каком то неутомимо воинственном государе, живущем душа в душу со своей армией, и не даром вдохновляется фигурой Магомета II. Современная ему Турция выставила в лице Сулимана II (1520—66) еще раз такого же беспокойного завоевателя. К этой роли, однако, по идее подходил Иван IV.

Правда, Курбский говорит о нем в Сказаниях по поводу Казанского похода 1552 г.: „сам Царь, возревнував ревностью, качал против врагов ополчаться, своему главою, и собирати себя воинство милое и храбрѣйшее, и не похотяше покою наслаждаться, въ прекрасныхъ палатахъ затворясь пребывати (яко есть шибѣйшимъ западнымъ Царемъ обычай: все и нѣлая ночи истребляти, мѣло карты сѣдѣше и надѣ прочими бесовскими бреднями)“. Но тот же Курбский рассказывает, что после взятия Казани царь не посауждался „мудрыхъ и разумныхъ“ советников и не остался на зиму в покоренном городе, чтобы закрепить завоевания в уездах в Москву. В конце концов он, вероятно, несомненно становился во главе армии, как это особенно видно было в 1571 году, когда, уклонившись от комбинации, он дал смелости крымскому хану подступить к Москве и сжег ее. Однако, во всех случаях, когда ему приходилось руководить военными действиями, т. е. помимо Казанской кампании при взятии Полоцка, два раза в Ливонии, в 1571 и в 1577 г. г., войско бьется хорошо и оправдывает предшествующие неудачи.

Не имея натуры предводителя, Иван IV обладал техническими талантами, обнаруживал глазомер и изобретательность в инженерном и строительном деле, широкий и прак-

личный взгляд в вопросах военной организации. Дарования организаторские особенно видны на реформах, начатых в 1564 г. Разделение земли и людей на опричнину и земщину, как выяснил С. Ф. Платонов, было произведено по очень обдуманному плану. В земской половине остались старые сословные порядки и прежние счета службы; в опричнину царь отбирал пригодные ему элементы, не считаясь с родовитостью, с магничеством, с классовыми предрассудками и притязаниями, свободно перемещая людей в чинах и соображаясь только с их военной пригодностью, их талантом и заслугой. Шаг за шагом он выделял и себе личное, чисто военное управление центральной группой земель, заняв важнейшие государственные должности, которые были за границей. Земщину оставлял на окраинные области, где она продолжала служить как бы под надзором центрального военного управления.

Разделение служилых и торговых людей на опричнину и земщину вовсе не привнесло в русскую государственную жизнь: это были только рамки, в которых постоянно менялось содержание. Сам Грозный выразил смысл своей реформы в следующих словах иронической челобитной, которую он подал подставному царю Симеону Бекбулатовичу: „людишек перебрать, бояръ и дворянъ и дѣтей боярскихъ и дворянъхъ, людишекъ“. Действительно, он совершал как бы непрерывный пересмотр всего служилого класса и его владений, перемещая и перетасовывая отдельных его представителей, создавал новое их распределение и опять мечтал его без конца.

Иван IV лишь довел до полного развития те начала военной монархии, которые наметились во времена его деда. Главные учреждения военной державы, поместная система, войска из борьбы со степью. С середины XVI в. сильнейшим побудителем к ее расширению становится западная война. Грозный, не будучи военной тактикой, вооруженный опытом своих предшественников, пытается придать ей наибольшую гибкость и производительность, на которую она только была способна. Опричнина отражает взгляд на служилое сословие, в силу которого оно должно являться в первую очередь орудием центра власти, зарождающей с 1547 г. самостоятельную централизованную государственную систему.

То обстоятельство, что реформа совершалась во время трудной войны, что она осложнилась столкновением с князьями, среди которых, вероятно, было не мало симулявантов, бурбонному, придало ей характер судорожно-реакции. Но не в террористических мерах Грозного заключалась сущность перемен. Работа над созданием нового военного строя, реформатор не имел покоя и простора. Преобразование было задумано, как орудие для устранения опасностей людей и для использования бездеятельных в интересах государства, а со-

противление недовольных превращало самую реформу в боевое средство для их уничтожения, и вследствие этого, преобразование становилось внутренней войной.

V.

В опричнине хотели видеть исключительно или главным образом орудие возникающего деспотизма. Конечно, верно, что в 1558—61 г. г. Иван IV сделал ряд очень разных усилий, чтобы сбросить сглазвущуюся вокруг него олигархию, но монизацию он учредил не только террором, а также теми средствами, которые рекомендовали демократы. Гурьевский и автор „Слова“ в с. 68, сближением с армией и с широкими кругами общества. Впечатление такого призыва к общественному мнению производит земский собор 1566 г., созванный почти следом за установлением опричнины и как бы предназначенный показать, какую важность придает правительство построениям армии.

Русские историки сходятся теперь в том, что собрание 1566 г. было первым настоящим земским собором; собор 1547 г. с его речами государя к народу относят согласно к области мифов. Установлены в паузе и предшествующие десятилетия асов земли: это—соединение разных разрядов воинства, образчик которого дал Иван III в 1471 г., и, с другой стороны, освященный собор, совет высшей иерархии. В эпоху опеки правительство связало оба вида собраний для обсуждения церковной реформы, и Стоглав 1551 г. был соединением „властей“ (духовенства) „снизилца“ (боярской думы) и представителей монастыря.

В 1566 г. Иван IV возобновляет форму совещания 1551 г. для светской цели, собирает духовенство, боярскую думу в ее полном составе с секретарями, приказными дьяками, и представителями главных разрядов служилых людей, но при этом он вводит новизну, добавляет к ним представителей торговых людей. Это прибавление, представляющее своеобразный характер организации, отвечает демократическому направлению, которое царь обнаружил уже в своем грамоте, присланной в 1565 г. населению Москвы. Что касается докладов к совету, то здесь Грозный повторяется в тридцатые годы царствования Ивана III спрашивая свое войство, идти ли походом на Новгород, так Иван IV оставляет собранию военно-служилых и торговых людей вопрос о том, согласны ли они продолжать войну за обладание всей Ливонией, между тем как Польша предлагала делить эту страну на два равных княжества, одно из которых должно было принадлежать к удельному князю Курляндии.

Позитиве участия торговых людей, впервые появляющихся в большом государственном совещании, есть еще другие оригинальные черты собора 1566 года. Среди низших разрядов

служилых людей в качестве особой группы упоминаются горожанские и купеческие представители. Помимо этого, эти были оказавшиеся в Москве во времена переговоров с Польшей мелкие дворяне, сидевшие на окраине наиболее угрожаемой, взятые из непосредственно действовавших на войне корпусов. Хотя их немного, но они занимают видное место в собрании: их мнение отбирается отдельно. Правительство вообще привело значение свободному обмену взглядами: мы узнаем, что среди отзавов на соборе было отпущено особое мнение пэв-твика Висковатого, руководителя иностранной политики, который предлагал допустить раздел Ливонии, но при этом потребовать от короля выкупа таризионов из занятых им городов.

В собрании 1566 г. своеобразно соединяются старина и новизна, предания и политическое изобретение. В. О. Ключевский обратил внимание на преобладание в земском соборе 1566 г. представителей двяментной тысячи набраниой в 1559 г. и испомешенной в окрестностях Москвы, чтобы быть готовыми на посылки и поручения правительства. С другой стороны, Н. Митлев показал, что выбранные дворяне 1550 г. занимали в последующие десятилетия большую часть важных должностей по военному командованию, внутренней администрации и дипломатии. Мы видим, что Грозный, несмотря на резкость кризиса 1564—5 г. г., на опата и гурни, все-таки держится старого испытанного состава управления и даже окружает себя его представителями в большом совещании по крупнейшему вопросу политики.

• Собор 1566 г. доставляет чрезвычайно искусный ход в политике Ивана IV. Удовлетворив самолюбие воинства, еще один раз укрепив за собой опору родового дворянства, укрепив аристократического боярства, Грозный выиграл вместе с тем блестящее положение в междупартидной политике. Отправная в Лазгу полномочившего посла Умнога Колычева с решительным отказом мириться без Ливонии, он выступал окруженный блестящим внутренним государем, который только что удостоверялся в единстве своей армии. Мог ли разверить, что-нибудь для очевидно положе его противник Сигизмунд II с таинством из подлым, расплатливым, много-разным ревом, избранным шломыством, которое в отличие от московского дворянства, перестало быть абнствами. Вот когда единичи монархии московского государя должна была существовать свое армянство над ваяетской республикой!

Если можно говорить об изобретениях в политике, Иван Грозный имеет право считаться изобретателем земского собора так же, как Симон де Морафор — изобретателем парламента, а Фридрих Кристиан — изобретателем штатов.

Одним из первых успехов Ивана IV в Ливонской войне было занятие Нарвы, благодаря чему открылись прямые сношения морем с западом. Какие расчеты и надежды связывало московское правительство с этим открытием морского пути, видно из договора, заключенного с Даниею в 1562 году. Царь выговаривает свободный проезд в Колонгова (Копенгаген) и во все города датского королевства для гостей наших царевых и великаго князя и купцовъ Великаго Новгорода и псковичей и (кушцовъ) великаго городоу московской земли, также и нѣмцевъ моеи купчины, Давинской земли городоу. Торговля должна быть свободная и пряма с купцами и потребителями Дании без участия каких-либо факторов и посредников (медляков и вероверков). Затем предусматриваются более отдаленные поездки русских, в которых Дания будет играть только роль страны транзита, и обратные поездки через Данию иностранных торговцев в русскую землю. За которые наши цариши и великаго князя купцы и гости, русь и нѣмцы, пойдутъ изъ Колонгова въ заморское государство съ товаромъ, и которые заморскихъ государствъ пойдутъ мимо королевства датскаго морскими воротами, проливомъ Зунтомъ, темъ должно предоставить свободный проезд.

У нас нет определенных сведений о действительных поездках русских купцов в „Колонгова“ и далее, но что касается приезда иностранных купцов в Нарву, об этом громко извествуют германские реляции.

По сведениям Любека от 1567 г. в Нарву приезжают иностранцы из Франции, Голландии, Англии и Шотландии, германские купцы из Гамбурга, Висмара, Динцига, Бреслауля, Лугсбурга, Нюрнберга и Лейпцига. Старшие иностранных купцов в Нарву по известиям Любека, покуда туда свозилась соль, привозил из Франции, но продавался на очень низкой цене. Старший ливонский архиепископ Наришкелда передает о великой радости царя, так как этим путем он надеялся всего скорее утвердиться в Ливонии. Иностранцы факторы в Нарве были в большом почете, их приглашали во двор царского заместителя, угощали их, как своих детей-любимцев.

В 1567 г. г. в Германии иная слава о успехе Москвы. Иные готовы были верить, что близится величайшая империя в мире: если московский царь овладеет Ревелем, он подворится скоро в середине Балтийского моря, на островах Готланде и Борнгольме и будет для Германии гораздо опаснее, чем турецкий султан. Многим представителям королевства казалось, напротив, выгодным заключить мирные сношения с Москвою и приобрести в ней союзника против Турции.

Тогда вся русская торговля, как неиссякаемый источник, будет находиться в руках немцев.

Баварец Фейт Зенг, один из торговцев, подолгу проживавших в Москве, старался увлечь своим соотечественником сообщениями о „могучем царе“ и склонить их к заключению союза с Москвой. Он указывал на громадную армию и великолепную артиллерию царя, на обилие его денежных средств, настаивал на устройстве почтовых сношений между Москвой и Германией, на облегчении москвитам возможности ездить за границу. Русские, по его словам, вообще чрезвычайно способны и восприимчивы; со времени занятия Царвы они приобрели большую опытность в торговом деле; необходимо открыть им средства обучения науке и технике.

Как бы в ответ на эти руссофильские предложения рейхстагу было в 1570 г. представлено рассуждение „о страшном вреде и великой опасности для всего христианства, а в особенности германской империи и всех прилежащих королевств и земель, как скоро москвит утвердится в Ливонии и на Балтийском море“. Отовсюду, говорит анонимный автор, с запада, из Франции, Англии, Шотландии и Нидерландов, несмотря на запрещения, везут в Нарву оружие и съестные припасы. Между прочим, для русских очень важен подвоз соли: не получая бы ее в таком количестве, они не могли бы продолжать войну и скоро запросили бы мира. Привозят в Москву много шелка, бархата, полотна. Русские, до этого не умевшие выделывать ткани, теперь сами научатся всему и, конечно, разбогатеют.

Много доставляют царю золотой и серебряной утвари, драгоценные металлы в Германии истощаются и сильно поднимаются в цене. Наконец, московский государь соберет скоро столько военных снарядов, что сделается сильнее всех других. Всего же опаснее то обстоятельство, что многие государства доставляют москвитам опытных кораблестроителей, знающих морское дело, искусных в сооружении галей, партов, бастионов и крепостей, затем оружейных мастеров, которых хорошо знают в Балтийском море его вельичи, Швеция и пр. Все эти сношения Карол с царем придадут ему мужество, теперь он стремится стать господином Балтики, достигнуть этого ему будет не трудно, во первых, ввиду изобилия корабельного леса в России, железа для якорей и различных других материалов для шестов и парусов, сала, дегтя и пр. Его страна изобилует населением, и он легко наберет людей для экипажа. Русские крепки, сильны, отважны, и, наверное, будут отличными мореходами. Много у царя также купеческих товаров, следовательно, он может путем обмена получить все нужное из других стран.

Замечательно, как сходится в своих суждениях о русских друг и враг Москвы. Оба предвидят быстрый рост будущего русского флота. Оба признают переимчивость русских, их промышленные и технические способности. Московская политика представляется им общим решительной, изстойчивой, последовательной. Сторонники и противники и правительство умеет направлять торговлю, привлекать нужные товары: оно ведет широкую империалистическую политику.

VII.

В странном противоречии со всеми отзывами и суждениями немцев о быстром и угрожающем росте русской торговли и мореплавания, о стремительном натиске и способностях русских, находятся факты поведения англичан в московском государстве и отношения к ним московского правительства.

Хотя появление в Москве Чанслора, спасшегося в 1553 г. от экспедиции Уиллоуби, составляло как будто счастливую случайность, заменившую английским мореходам поиски северного пути в Индию, но в сущности англичане поставили себе скоро большие самостоятельные задачи в самой Московии. За обещание возить через Архангельск мануфактуру и военные принадлежности, они добились исключительного права пользоваться северным путем, права беспощлиной торговли по всему московскому государству, свободного выезда и въезда; далее свободного проезда по волжскому пути в Персию и Среднюю Азию, при чем их не оставила мысль пробиться в Индию.

Привилегии англичан вовсе не кончились и даже не сократились с тех пор, как Иван IV приобрел опорный пункт в Балтике. Напротив, захват Изма в 1558 г. повел к новому расширению английских познаний. Помимо старого пути через Белое море, большую часть года закрытого, у них открылась совершенно новая, близкая дорога. Проникнув вместе с другими иностранцами в Изма, англичане проявили исключительную энергию. Их конкуренты, купеческие круги Любека сообщают, что в московском государстве всего успешнее идут торговые дела англичан; у них во всех больших городах свои складочные магазины, через Россию они добираются до Персии и Армении, о чем никто раньше не слышал, не понимал, на Белого моря надеются выйти пути в Голландию.

Англичане, повидимому, строили еще более широкие замыслы захватить всю торговлю в московском государстве. Правда, Иван IV отказал им в такой монополии, но все-таки предоставил им право исключительной торговли с Казанью и Астраханью. Грамотой 1569 г. царь разрешил английской

компания искать на р. Вычегде железную руду и для ее обработки построить завод, с каковой целью в ее распоряжение отвели большой участок леса. На русских монетных дворах англичанам было позволено чеканить свою английскую монету, разрешено пользоваться ямскими лошадьми и нанимать русских рабочих.

Как понять все эти уступки московского правительства? — Относительно англичан многое объясняется военными и политическими соображениями. Для борьбы с технически хорошо вооруженными западными соседями Иван IV нуждался в доставке шаржевой пороку, свинца, орудий, наконец, инструментов, военной материал в военных людей всего скорее можно было получить из Англии, которая наносила как раз в это время последние удары своей старой сопернице, немецкой Ганзе. Неудивительно, если мы слышим, что в 1540 г. в русском войске парадным из креплений Фортеля, если не ошибаюсь, строили

У Грозного вообще сложилось какое то странное влечение, род недуга к Англии. В тяжелые годы царствования оно превратилось в упорную мысль породниться с английской королевой и даже найти себе убежище в Англии на случай крушения династии. Поэтому никому, может быть, так много не слускал Грозный, как английским послам, выдававшимся своей грубостью и неучтивостью не даром он прослыл в своей ближайшей среде „английским царем“.

Но как бы ни были важны политические соображения и чувства, все таки удивительно, что им в угоду московское правительство, по видимому, готово было жертвовать интересами местного торгового класса, тогда как именно из за выгод последнего оно настойчиво добивалось доступа к Балтийскому морю. Ответы на наше недоумение приходится искать в своеобразном устройстве и положении промышленности в торговле московского государства. В отличие от западно-европейского купечества, московское не имело самостоятельности, не составляло корпораций, гильдий, компаний. Оно состояло из службы государства, очень характерно выражалось это таковое положение торговых людей в поручении таможенных сборов богатейшим купцам под ответственностью их капиталов, затем в обычае привлекать видящихся „гостей“ из провинции в Москву, обычае, подобном извещению местным дворян в столичные придворные чины, вконец, в частности, при дворе великого князя гостинцы гости, т. е. в различные купечества на отряды, на различные торговые группы.

Поэтому мы находим крупных торговцев в качестве специалистов-советников и исполнительных комиссаров. Во время второго приезда в Москву Чановора был учрежден особый совет для рассмотрения ярав и войничеств, которых

требовали англичане; в этот совет были привлечены английские купцы. В качестве государственного чиновника участвовали в политическом собрании 1700 года.

Промышленники привыкли к своей роли органов администрации. Когда образовалась биржевая палата в качестве государственного института управления, промышленники стремились к центру власти. Сторожили, как и раньше, восток своей пермской колонизацией и запад — освоения Сибири, поселились написаться в кадры нового государственного учреждения. Отношения Строгановых к правительству и их общее поведение очень показательны: они хорошо выполняли на окраине поручения правительства, наряду с разработкой представлений им доходных статей, строили крепости, охраняли прикамский край от нападения своярских татар и инородцев.

Под руководством правительства действовали также московские купцы и Балтика с открытием марской навигации. Воевода Заболоцкий в 1566 г. просит ревельскую Думу пропустить русских купцов, едущих в Висмар. И тут, и по другим подобным доводам, Грозный настойчиво повторял одно и то же требование, чтобы его подданным давали свободный пропуск за море в Европу.

Широкой программой, указанной московским правительством в границах, и большой энергией, с какой русский промышленный дом на окраине выполнял дело колонизации не соответствует деятельность людей того же класса в центре. Здесь, как видно, она слабо капитализирована, лишена инициативы, не имеет размаха. И тем, может быть, объясняется именно тем, что для важных отраслей торговли, напр., продажа мехов, главным и единственным предпринимателем оставалось государство, а купцы и заводчики служили только агентами.

В государственной торговле всегда с неизбежностью будут преобладать интересы казны; в ней нет обязанности риска и побуждения к широкой предпринимательской инициативе. Нельзя не отметить, что при таком строе торговли государство лишено инициативы иностранцам, то есть стимула промышленности и обмена, которые оно не может непосредственно использовать. Однако англичанам шведской железной руды была именно такая инициатива привлечения иностранцев, там, где государство не хотело или не могло приложить свои руки.

В указанных фактах мы наблюдаем еще одну важную черту для сравнительного изучения государства. Власти организуют для себя абстрактно для народа, собирают всю промышленную деятельность для государственных предприятий, чтобы они выполняли все задачи, для которых служила эта страна. Они берут на себя инициативу многого государственного, потому не оставляя самостоятельности обществу.

Для тогдашней Европы эти обязанности государства представлялись делом нежелательным и вредным, и государство в Европе

ление Купечество, как самостоятельная сила, выросло на Западе раньше, чем на Востоке, раньше, чем национальное государство. Поэтому западные наблюдатели усматривали в подчиненном, незаметном положении московских торговцев и промышленников, в направлении торговли путем приказов признаки варварства, а иностранные предприниматели обольщали себя надеждой добиться монополии в этой стране, столь слабой самостоятельным почином. Не один раз обращались англичане с такими предложениями к Ивану Грозному. Та же мысль не переставала занимать воображение купечества старой ганзейской столицы, Любека: на широком плане стать руководителем торговли во всем московском государстве основаны почти все представления Любека на рейхстагах и съездах германских князей, когда ганзейцы восторженно отъезжали со выгодах русской торговли.

Выросши на соперничестве торговых дружин, новоярочинцы забыли, что торговля не имела такого характера ни в византийской империи, ни в арабском халифате, который унаследовал формы старинного восточного государства. В этих больших державах государство было и кредитором, и заказчиком, и направителем торгового дела, а купечество выступало в качестве государственных чиновников. Такую же форму промышленности представляло и московское государство. И, может быть, в нем как нигде больше, распались вновь старинные формы, которые отразились так ярко в вавилонском судебанке 20-го века до Р. X.

Генеральная государственная предпринимательская власть в Московском государстве представляла великую индивидуальность московской державы, но в той же исключительности государственной власти, не знавшей общественного деления, заложен был источник его слабости; в ней заключалась главная опасность самой его жизни. За время войны общество молчало, и правительство не имело меры, чтобы судить о степени перенапряжения его сил и чтобы вовремя остановиться. Когда в центре произошла беда, оборвалось руководство, тогда разладился и весь организм. К Москве доходит применительное выражение, сказанное по другому поводу и о другом государстве: "здесь все научилось слушаться, никто не умеет распоряжаться".

VIII

Крупные успехи, одержанные Иваном IV в 60-х годах в Ливонии, развитие сношений с Западом, начало русской внешней торговли, — все это было достигнуто в значительной мере, благодаря выгодному международному положению Москвы. Между двумя скандинавскими державами, имевшими притязания на Балтику, Польшей и Шляцией, происходила в 1563

1570 г. г. ожесточенной борьба, которая отрывала ее от и внимание от Ливонии. В те же время удавалось оберегать Москву от фланговых ударов со стороны беспокойного южного соседа, крымцев. Внешняя политика польско-литовского государства была парализована предстоящим концом династии Ягеллонов, скрепившей три столь различные страны и народности, как Польша, Литва и западная Русь.

К концу 60-х годов это выгодное для Москвы положение прекратилось. В Швеции свершение Эрика XIV (1568 г.) и вступление его брата Юовина III, женатого на Ягеллонке, сестре Сигизмунда II, наметило союз скандинавского государства с Польшей. Вместе с тем окончилась семилетняя война, окончившая Швецию. С Юовина III начинается ряд предпринятых королей, которые сумели использовать воинственный пыл шведского дворянства и поднять незначительное государство на степень первоклассной европейской державы. Так на севере вырастает неожиданное противник, запирающий Москву морские выходы, противник стратегий, который не мог внять сам промышленной и торговой выгоды, ибо не имел индустрии и не занимался кредитами, но который с успехом исполнял роль тормоза в отношении Москвы, задерживая столь опасный в глазах Польши и Германии культурный рост многочисленного и способного народа русского.

Другой ряд неудач для Москвы наметился, благодаря искусной политике последнего Ягеллона Сигизмунда II удалось победить предубеждение литовского и западно-русского шляхетства против унии с Польшей, и решение люблянского сейма 1569 г. предотвратило опасность отторжения Литвы. Затем Сигизмунд сумел расстроить в Крыму московское влияние и направить хана на поход к Москве 1571 г., который, оказался полной неожиданностью для Ивана IV и закончился жестоким разорением замосковского края.

Эти удары судьбы отразились на внутренних делах московского государства в виде тяжелого кризиса 1570—71 года. Там над ним стоял мрак военного. Открыли изменников, которые подготавливали десант у Новгород и Пскова Литвы; открыли других изменников, которые помогли крымцам незаметно поплыть в Москве. Среди лиц, вызвавших опалу Ивана IV и подвергнутых жестокой казни, к недоумению нашему, выделяется Иван Грозный, который пользовался неограниченными дарами Грозного и чуть ли не единственной усадьбы при дворе при дворе Грозного. Судя по известным фактам, им на соборе 1570 г., он был против продолжения войны и может быть, работал в пользу заключения мира с Польшей. Война за Ливонию, ускользавшую, несмотря на отчаянные усилия, становилась для Грозного настолько большим вопросом, что всякое противодействие в этой области он уже сти-

таз изменой. С гибелью Висковатого уходит последний из советников ранней поры Ивана IV. Выдвигаются совершенно новые люди: братья Щелкаловы, Годунов, Богдан Бельский.

Но как ни велика была подозрительность и несправедливость Грозного, нельзя все «измены» свалить на ишу его воспаленного воображения. Если крымский хан был подкуплен подарками Польши, превращившими московские поминки, то можно предположить, что и московские бояре, допустившие известную ошибку, не остались чужды воздействию польской дипломатии. С тем большим основанием можем мы думать, что и в Новгороде, где еще не исцелили предания независимости, зарождался настоящая литовская партия.

У нас нет целого описания того тяжелого кризиса, который испытало московское государство в 1570—71 гг., но имеются чрезвычайно выразительные документы, рисующие душевные переживания людей того времени в свете глубоко трагического. Это рассказ о разгроме Новгорода, произведенном самим Грозным с опричниками, далее переписка Ивана IV с царем Деметрием, исполненная глубокого унижения для московского царя и наконец, изумительное по силе нравственно-волевого воздействия послание, адресованное в своем роде царю: 1572 г. (48).

Мал известен во всех трех крайне одностороннюю лирику о бедствии Новгорода рассказывает местный летописец, проникнутый глубокой симпатией к своей родине, считающий ее невинной жертвой, а царя илюбретателем ненужной жестокости. В своих собственных произведениях Грозный высказывается одиноко, не имея возражателя и критика, свободный в преувеличении или утаивании своих чувств. Но вместе они дополняют друг друга, как в драме, где загагающий действие автор скрыт за сценой и предоставляет нам являть заключенный из речей действующих лиц.

Нельзя и говорить, что в расправе над Новгородом (1570 г.) Грозный далеко превзошел меру сравнительных наказаний, ведь только воевода так били вужив. Но даже если допустить полную виновность новгородцев, характерно возникновение странного суда над ними. Оно показывает, каким проницательным наблюдателем над московским обществом эта война служила уже 17 лет, не обещавшая конца и выхода и все таки неизбежная для государства. Правительство направило все средства, требовало немалочисленных усилий от подданных. То, что оно считало изменой, может быть, составляло много тысяч человек, выходя в службу, но при даче показаний и этого было достаточно, чтобы вызвать гнев высшего **командования**.

Как ни жестока была расказуция над Новгородом, нельзя признать поход Ивана IV с большим отрядом верного войска только нарывом беспричинной ярости. Грозный не только

дал исход своему необузданному темпоризму, расправившись с действительными или мнимыми изменниками и мятежниками; он старался также исправить колебательное военное положение. К западной окраине он применил ряд мер в духе обычной московской политики: множество землевладельцев новгородского края было сдвинуто с мест и переведено на другую убранию, а земли переселенных отданы верным опричникам. Мало того: Иван IV занялся расширением опричнины, как военной системы.

Когда историку приходится описывать учреждения, он связывает в одну картину факты, принадлежащие разным годам и разным местам. Цельность его картины воображаема, искусственная; порядок его описания заключает в себе не строй самой вещи, а ход его мыслей. Он в сущности перебирает множество событий, вырезывает из них обрывки, обозначает их условными знаками, и из пометок такого рода составляет свой систематический чертёж. В действительности однако, описанные им учреждения были столкновениями живых людей, бурными действиями. Применяя эти замечания к объяснению опричнины, следует помнить, что путь ее развития, может быть, по временам судорожные и страшные, теснейшие связи с колебаниями внешней войны.

В 1564 г. бегство Курского послужило толчком к первым резким действиям Ивана IV в отношении княжат: военная реформа началась с раздробления княжеских гнезд и уничтожения остатков удельного строя. Под влиянием новгородской «измены» и крымского нашествия произошла новая реформа в виде расширения опричнины: преобразование началось также с разгрома старой силы, поскольку она еще сохраняла следы самостоятельности. Царь вступил в круг военного управления новой территории, отодвинул земцдачу на окраины. Вместо «земцдач» с 1572 г. употребляется название «двор». Действительное демократическое Поворье, северный зволжский, двинский и приозерский край, вызывавший особенное доверие Ивана IV, занял в расширенной опричнине дворе самое видное место. Недаром военно-административную систему, реформированную 8 лет спустя после ее возникновения, окрестили повсем именем. Напрягая военное право, уславив общо-податные повинности, правительство как бы хотело известить прогараху последней крайности: «все да в войну!»

IX.

Насколько именно в эту пору сильно работала правительственная мысль у Ивана IV, какой широкий горизонт захватывала она, показывает завещание, написанное в 1572 г. Тяжелый стон угнетения «умь оступился тѣло изнеможе, боазиуется дуаь» — слишком известен в частю приводился

даже в учебниках. Меньше обращали внимания на те практические советы, которые дает Грозный своим сыновьям, удивительные по отчетливой ясности и политической широте взгляда. „А сами живите въ любви, а воинству и о велику возможно навькните. А какъ людей держати и жаловати, и отъ нихъ беречися, и во всемъ ихъ умѣти въ себѣ присвоивати, и вы бѣ тому навькли же; а людей бы есте которые вамъ прямо служатъ, жаловали и любили иль, ото всѣхъ беречь, чтобы имъ изгода ни отъ кого не было, и отъ прямѣе служить, а которые лихи, и вы бѣ изъ тѣхъ спалы клати не вскорѣ, по разсужденію, не яростію. А всякому дѣлу навькните и божественному, и священническому, и иносческому, и судейскому, московскому, и житейскому всякому обиходу, и какъ которые чины недутся здѣсь и въ иныхъ государствахъ, и здѣшнее государство съ иными государствами что имѣеть, то есте бы сами знали. Также и во обиходѣхъ во всякихъ, какъ кто живетъ, и какъ кому пригоже быти и въ каковѣ мѣрѣ кто держится, тому бѣ есте всему научены были: ино вамъ люди не указываютъ, вы станете людямъ указывати, а чего сами не позволите вы не сами станете своими государствами владѣти, а людьми. А что во множеству беззаконій монахъ, Божію гнѣву распристершуся, изнанъ есмь отъ бояръ, самовольства ихъ ради, отъ своего достоянія и скитаюся по странамъ“...

Мы встречаем тут старую тему недоверия к прежним советникам и, как всегда у Грозного, в преувеличенном виде. Но она и завещании служит лишним доводом в пользу того, что правитель должен „сам знать“ все отделы администрации, или, как Грозный говорил, в письме к Курбскому „лучу быть самодержавцемъ и великихъ и сильныхъ въ послушаніи имѣти“. Сознавая в себе мастера и тилота правительственного дела, он силится передать своим наследникам острый интерес к политике, неотступное внимание ко всем ее отраслям.

Завещание 1572 г. интересно нам своим обстоятельным тщательным обдуманним обзорением провинцій державы, большую часть которой сложил своими руками сам завещатель. Любопытна выражения, которыми описывает Грозный свои личные завоеванія. Казанское и Астраханское царства он приобрел „Божією помощію“, Двинскую землю, тоже взятую „Божією помощію“, царь называет „своей отчиной“, поаробно перечисляет он 26 городов, между ними Юрьян, Рутылаз, Тараат, Толшебор, город Долговья и др. О завоеванні 1553 г. Иван IV говорит: „а что по Божіей воли казды есмь у брата своего Жигимонта Августа короля свою отчину городъ Полонкъ и т. д.“.

Таков Грозный всегда в политико-географических и хронологических определениях. Он дорожит всеми данными истории своего царствования, любит вспоминать величавые строения великой державы. Второе письмо Курбскому заканчивается словами: „писанъ въ нашей отчинѣ Лифляндскія земли, во градъ Вольмеръ, лѣта 7086 года, Государства нашего 43, а царствъ нашихъ: Россійскаго 31. Казахскаго 25, Астраханскаго 24“.

5. Дипломатия Грозного.

В одном из писем к английской королеве Сигизмунд II, считавший себя особенным мастером дипломатического дела, говорит об опасности проникновения в Москву инженеров, орудий и технических сведений: «ясно, что мы до сих пор побеждали царя только потому, что ему было неизвестно военное искусство, дипломатические приемы и уловки».

В этих словах заключалось большое незнание Москвы и сильное преувеличение ее некультурности.

I.

Европейские наблюдатели любят посмеяться над устаревшими, називно „восточными“ формами московского церемониала. Напр., Герберштейн описывает встречи иностранных послов с московскими уполномоченными, в которых вся суть заключалась в том, чтобы не поклониться раньше и не унизить этим достоинства своего государя. Не надо забывать, однако, что и на западе очень долго придавали значение подобным соизвращениям задорного этикета. Еще в 1697 году при заключении мира между Людовиком XIV и австро-английской коалицией, послы старались одновременно вскочить на мосты, ведущие с разных сторон к замку Рейсвейку для того, чтобы малейшим опозданием не признать своего поражения и не нанести ущерба достоинству своей страны и правительства.

На первый взгляд может казаться одной из „азиатских“ или „византийских“ вычурностей Москва таблица распределения держав на равные московскому царству и ниже его стоящие. Очень строго различали, кому царь может позволить считаться „братом“, и кому должен в этом почете отказывать. В середине XVII века государями-братьями считались турецкий султан, царь персидский, король польский и крымский хан. За шведским королем Москва не признает равного с собою положения, тем более, что до 1523 г. когда воцарилась династия Ваза, в Швеции, по московской терминологии, были не настоящие монархи, а „обдержатели“, (т. е.

регенты). При появлении в кругу силовиков Москвы какой-либо новой державы производилось внимательное исследование данного случая и особая оценка власти иностранного государя а меру его достоинства. Когда при Василии III пришло из Индии посольство от Бабуря, в Москве не решились приветствовать султана далекой земли „братом государя“, потому что неизвестно, кто он, государь или „урядник“.

Мы будем, однако, неправы, если скажем, что все эти дипломатические действия представляли собой нечто вроде „приветствия“ перед царем и государями, так как на конгрессах XVI и XVII веков державы первоклассных и второстепенных держав XV века лишь отсылали эту рутинную своеобразными терминами эпохи.

Московские дипломаты во всяком случае не чувствовали смущения перед европейцами, напротив, любили брать на себя роль критиков по отношению к иностранным державам, забивать приезжающих в Москву послов текстами договоров и ссылками на исторические хроники, наконец, прикидывать иронический тон в ловить противника на противоречиях.

В этом отношении характерны речи и выступления Висковатого, дьяка-печатника (канцлера, как его зовут иностранцы), получившего широкую популярность за границей. Рюссов, составитель ливонской хроники, вообще очень враждебный русским, говорит о нем: „Иван Михайлович Висковатый—отличнейший человек, подобного которому не было в то время в Москве: его уму и искусству, как московита, ничему не учились, очень удивлялись иностранные послы“. В 1559 г. Висковатый поучает датское посольство, заявившее Москве ряд предложений по делу ливонского права: Дания не должна была принимать жалбы эвонцев, подданных московского государя; обратившись к иностранным державам, ливонцы уподобились неверным слугам, которые, укравши пелью у своего господина, часть его имущества продают на дороге. Московские государы—говорит далее дьяк—не признают уступать кому бы то ни было покоренные ими земли, они платят за себя, но терпят во два года, чтобы жертвовать оными приобретениями.

Не менее своеобразно высказываются в 1582 г. московские бояре литовским послам, ссылаясь на единство русской земли и право московских государей на всю страну с участием ей на иностранным власти: „Только великий старшину, какъ герцога литовские Рогволодовичей, Давида да Монколы, на литовские князство дали и какъ великому князю Мстиславу Владимировичу, сыну Мономаха, къ Киеву данъ давали, то не только что русская земля вся, но и литовская земля вся вѣчная государя нашего, потому что, начиная отъ великаго государя Владимира просвѣтлѣнаго рускую землю святыи крещенемъ во им-

нешняго великаго государя нашего, наши государи — самодержцы, никто не посажен на своих государствях: а наши государи — посаженные государи; такъ который крѣоче — потчинный ли государь, или посаженный — сами разсудите”.

Бюкре не ограничиваются летописной справкой о старинных русских князьях; они предлагают литовским посланцам взглянуть в литовские хроники и приводят оттуда очень подробные и мало почетные для литовцев сведения о сеорах Ягайла и Витовта, о том, как эти князья в своих усобицах обращались ко вмешательству немцев.

При Иване IV, опять еще во времена его деда, основателя империи, Москва поражает иностранные дворы своим дипломатическим мастерством, своими несокрушимо-настойчивыми, наблюдательными, изворотливыми дельцами. Первый из послов, отправленных в Англию для заключения договора, Иванъ Неплюев до известной степени показался англичанам типом хитрого, неуловимого, себе не уме русского человека. Члены торговой компании, образовавшейся после возвращения Чанслора, для промышленных сношений с нью-открытым краем, предупреждали агентов, отправлявшихся в Россию, что московский посол крайне недоверчив, все время на стороже, ожидая от всех обмана, а потому они советуют быть осторожными в обращении с ним и другими русскими. „устанавливать точно торги и делать писанные документы, ибо они — тонкий народ, не всегда говорят правду и думают, что другие люди им подобны”.

Большую гибкость и ловкость проявляли те послы Москвы, которым приходилось вести дела при мусульманских дворах. Таков Афанасий Нагой, находившийся в Крыму в 60-х годах, когда так важно было среди разгара Ливонской войны сдерживать воинственный пыл татар, готовых то поддаться подкупу со стороны Литвы и броситься на Москву, то идти вместе с войсками султана на Астрахань. Таковы послы, отпривавшиеся в Константинополь. Новосильцев, посланный в 1571 г. чтобы под предлогом поздравления Селима II с восшествием на престол, уверить султана в том, что московский царь не притеснит мусульман в своем государстве и чтобы таким образом удержать Турок от совместных действий с крымскими татарами на Нижней Волге, Кузьмичевский, преемник Новосильцева, за долю которого выпала еще более трудная миссия предложить султану дружбу и тесный союз с московским государем для того, чтобы идти заодно против цесаря римского, короля польского и чешского и французского и всех государей италійских (т.е. вообще западно-европейских).

II.

Среди московской дипломатической школы в качестве первоклассного таланта выделяется сам Иван IV. Международные дела он считал своей настоящей сферой, в этой области он чувствовал себя выше всех соперников. Недаром Грозный любил выступать лично в дипломатических переговорах, давать иностранным послам длинейшие аудиенции, засыпать их учеными ссылками, завязывать с ними споры, задавать им трудные или неожиданные вопросы, он чувствовал себя в таких случаях настоящим артистом по призванию. В смысле непосредственного ведения иностранной политики вплоть до выступления в качестве оратора и полемиста Иван IV занимает единственное место среди государей того времени.

В политическом таланте Грозного замечаются однако те самые шероховатости и излишества, которые видны и в его литературной манере, в развлечениях его повседневной жизни. Неуравновешенная натура легко увлечет его к резкостям, к заносчивости. Он никогда не может отказать себе в удовольствии посмеяться над корреспондентом, отметить злым словечком какую-нибудь слабую сторону его. Ирония московских дипломатов обращается у него в дерзкие нападки. Отсюда совсем уже не дипломатичные, иногда бестактные его выходки по отношению к государям второстепенным или пользовавшимся ограниченной властью.

Ему представляется удивительным, что Сигизмунд назвал шведского короля „братом“ разве не известно польскому государю, что дом Ваза, правящий в Швеции, происходит от водозоза? Обращаясь непосредственно к королю Иоанну III, он выискивает все возможные доводы для умаления шведской короны, между прочим, упирает в одно место, вычитанное им из договорной грамоты Густава Вазы, отца Иоаннова: „архиепископу upsальскому въ томъ руку дати за все королевство шведское“. По этому поводу Грозный пишет: „если бы у насъ совершенное королевство было, то отцу твоему архиепископу и совѣтнику и вся земля въ товарищяхъ не были бы; землю въ великимъ государяхъ не приписываютъ послѣ не отъ одного отца твоего, но отъ всего королевства шведскаго, а обеща твой въ головахъ, точно староста въ волости“.

Этот беспокойно изобильный тон выдерживается не только в отношении Швеции, которую и Москве вообще не приято было щадить. К дружественным дворам Грозный нередко применял те же приемы насмешливого пренебрежения. Уловив ограниченный характер английской монархии, Иван IV пишет королеве Елизавете бесцеремонно: „мимо тебя люди владѣютъ... мужики торговые о государскихъ головахъ не смотря, ищутъ своимъ торговымъ прибытковъ“.

Заносчивость и капризы Грозного стали отражаться в официальных нотах, посылавшихся иностранным державам, как только он сам начал заправлять политикой. В дипломатической переписке с Данией личное появление Ивана IV во главе дела ознаменовалось поразительным случаем. Со времени Ивана III московские государи называли датского короля „братом своим“: и вдруг в 1558 г. Шуйский и бояре находят нужным упрекнуть короля за то, что он именует „такого православного царя всея Руси самодержавия“ братом; а „прежь сего такой ссыланки не бывало“. Тому, кто будет читать подряд переписки Москвы с Данией, не трудно заметить, что московские бояре заведомо говорят неправду конечно. В Москве ничего не запомнили, ни в чем не сбились, а просто царь решил переменить тон с Данией и застыл себя с ней более высокомерно.

Но тот же Грозный мог легко превратиться в очаровательного собеседника, таскового шутника, друга свободы и вольностей, мог развернуть широкое понимание привычек и потребностей народа или государства, с которым приходил в соприкосновение. В его богато одаренной натуре уживались, вернее сказать, бурно сталкивались очень противоречивые качества, чувства и понятия.

III

Как ни тяжел был кризис 1570—71 г. г. для Москвы, Грозный не отказался от обшей цели западной политики, но и не ослабил своего натиска. Вслед за разгромом Новгорода, весной того же 1570 года он уже готовит новый оригинальный план овладения Ливонией, вырабатывает своего рода политическое изобретение, аэропланские на почве столь трудной для Москвы — национальной войны.

Непосредственное управление русским Ливонией, сопряженное с водворением православия, ставило противоречиво всем приятным местным населению и автономии. Надо почитать современную войну против Рюрика, чтобы видеть, в какой мере раздражали ливонских горожан московские порядки, насколько раздражили им были сведения о не безразличном отношении к административной с другой стороны, Москве принадлежать принадлежать войну за прибалтийские города, Ревель, Ригу и др. славянские, когда были расклевывать свободой для пережитков ливонской войны. Грозный решил, что выходом из затруднений будет создание в Ливонии особого государства, зависящего от Москвы, при котором, имея в виду образование которого послужит гарантией сохранения всех вольностей.

Воспользовавшись давнишней дружбой с Данией, Грозный послал в Ливонию в качестве посла своего амальгоской

терминологии „годовника“) датского принца Магнуса. С внош назначенным королем был заключен обстоятельный договор, в силу которого Иван IV отступался от прямого управления Ливонией, за Магнусом, его наследниками и теми жителями страны были признаны прежние права и привилегии, суды и обычаи, а также свобода исповедания лютеранства. Далее ливонцам открывались свободная и безграничная торговля в московском государстве, за что, в свою очередь, они обязывались свободно пропускать в Москву иностранных купцов со всякого рода товарами, а также художников, ремесленников и техников.

Для царя самыми важными статьями договора были военные условия. Новый ливонский правитель должен был помочь овладению Ревелем и Ригой; в договоре предусматривалось, что если эти города не признают Магнуса королем добровольно, царь их к тому принудит. Во исполнение этого обещания московский государь брал на свое содержание все военные силы, которые Магнус приведет ему на помощь и подчинят его командованию московских воевод, в случае совместного с русскими ведения войны.)

Свой военно-политический план Грозный обставил большой торжественностью и блеском: пышные празднества сопровождали объявление Магнуса королем Ливонии и женихом царской племянницы. Чтобы показать свое расположение к Ливонии и ее новому правителю, Грозный отпустил с ним на родину множество пленных немцев, сидевших по тюрьмам и сосланных на поселение во внутренние области Москвы. Всеми этими мерами царь действительно достиг впечатления. Руссов говорят: „очень многие тогда радовались и яковали в Ливонии, будучи вполне уверены, что москвит уступит и передаст Магнусу все взятое им в Ливонии. Немецкая свита Магнуса признала его наилучшим и христианским господином, который возведет их до великих почестей и своим возвратит им отечество. Тогда многие во всей Ливонии стали относиться благосклонно к герцогу Магнусу и не знали лучшего утешения и помощи на земле для Ливонии“.

Грозный спешил использовать военное оружие борьбы за Ливонию. Не успели в Москве провозгласить Магнуса королем, как уже царь послал его на осаду Ревеля с 25 тысячной армией: позднее положение, как выражается Руссов, „еще одна главная война русских, называвшихся опричниками“. Магнус воевал под Ревелем почти 7 месяцев, громил крепостные стены русской земной артиллерией, но не мог взять город, которому шведские корабли подвозили припасы и снаряжение.

Отступление от Ревеля не остановило энергии Грозного. В 1571 г., тотчас же за вшествием Давлет-Гирсы мы опять видим в Новгороде, полкам пришлому, добираться

в Орешке, у Лядожского озера и у Дерпта, чтобы вести войну со шведами в Финляндии и Эстонии. В следующем 1572 году он снова как в 1563 под Полоцком, становится во главе командования и бросает в бой лучшие отряды своих опричников. К этому времени относится своеобразный план вербовки для Москвы военных наемников, обученных европейскому бою.

Материал для наемнических отрядов могла теперь доставить сама Ливония, где благодаря непрерывному военному положению разоренные люди и отвыкшая от работы молодежь охотно принимались за солдатское ремесло. Типичную фигуру того времени представляет и первый в Москве предводитель наемников, которому Грозный поручил вербовку. Юрген Фаренсбах (или Юрий Францбек, как его перекрестили русские): ливонский дворянин, совсем еще молодой, но успевший побывать на службе чуть ли не во всех европейских странах, в Швеции, Франции, Нидерландах, Австрии, Фаренсбах попался в плен к русским и прямо из тюрьмы получил свое новое назначение; он набрал семитысячный отряд ливонских и чужеземных так наз. офлейтов и впервые показал свое искусство против татар на Оке, где под начальством Воротынского удалось отразить новое нападение Девлета-Гирея.

Рюсов замечает с огорчением по поводу успеха вербовки Фаренсбаха: „во веки веков прежде не слышно было, чтобы ливонцы и чужеземцы так приставали к москвитю, как в эти годы. Добрые старые ливонцы открещивались от москвитя, но много молодых, а также и старых ливонцев перешли на его сторону, несмотря на то, что москвит без устали домогался их отечества и публично говорил, что не оставит Ливонии в покое до тех пор, пока не вырвет с корнем всю сорную траву, т. е. всех ливонских дворян и помещ. Несмотря на то, многие ливонцы по своей слепоте и неразумию всеми силами старались, чтобы москвит как можно скорее и легче уничтожил их“.

Успехи Ивана IV в Ливонии в 1571—82 гг. получились благодаря полному бездействию Польши и Литвы, где со смертью Сигизмунда II должна была прекратиться династия Ягеллонов. С 1571 г. царь готовится к нападению на самое Литву, восстанавливает разрушенную врагом крепость Таурус, стоящую против Вильны — старый молниеносный Московский способ подготовки кампании, применявшийся со времени Ивана III к Нарве, Казани и Полоцку. Между тем, кончина Сигизмунда II в 1572 г. поставила на очередь вопрос об избрании короля. Для польско-литовской аристократии явился удобный момент, чтобы предложить Ивану IV остановку враждебных действий, царю ставили на вид возможность объединения обеих великих стран под одной династией. В

свою очередь для Грозного открылся повод развить большую дипломатическую кампанию с целью окончательного закрепления за собою Ливонии.

IV.

Два раза возобновлялись переговоры между Речью Посполитой и Москвой в 177 г., по смерти Сигизмунда, и в 1571, когда вследствие бегства французского принца Генриха Валуа, вновь наступило безкоролевье.

Оба раза партии в Польше и Литве разделялись очень определенно на сторонников и противников царя московского. За него была большая часть шляхты, затем все население венцяхетское и особенности крестьяне, как сообщает внимательный и острый венецианский наблюдатель. Тяготение к московскому царю среди низших классов общества не имевших участия в выборах и в сеймах, конечно, не имело политического значения. Но оно для нас крайне важно, как показатель народного характера московской восточной монархии, причем видно, что внутренняя политика московского правительства была хорошо известна за границей и производила сильное впечатление. Против кандидатуры царя была высшая аристократия, но так как в ее руках находилось ведение переговоров, она легко могла расстраивать все надежды и расчеты сторонников Ивана IV.

В переговорах Московского двора с правительством польско-литовского безкоролевья выступает во всем блеске дипломатический и ораторский талант Грозного. Литовским посланцам он любит давать личные аудиенции, во время которых произносит длинные речи, делает интересные признания, придумывает оправдания своей политике.

Послу Воронаю, явившемуся по смерти Сигизмунда, он говорил с большим подъемом: «Ваши ваны польские и литовские теперь без главы; потому что хотя в Европе польской и великой княжестве литовском и много голов, однако одной доброй головы нет, которая бы всем управляла, и которой бы все вы могли прибегать, как потоки к воде и морю стекают. Если ваши ваны, будути теперь без государя, захотят меня узять в государя, то увидят, какого им мне получат защитника и доброго правителя; сила поганских тогда выскити не будет: да не только поганство, Рим и ни одно королевство против нас не устоит, когда земля наша будет за одно с нашими».

Грозный старается обстоятельно объяснить причины неудачи своей борьбы с татарами: он бегится, что разгром Москвы в 1571 г. принизил ее значение за границей, и оправдывается тем, что на измену воевод. Отсюда новый выговор царю: «Давно я слышал про твою страну, в которой так много те-

ворят, но пусть эту строгость не принимают за жестокость, он зол лишь на тех, кто зол против него. Ему, впрочем хорошо известно по недавним примерам, что и в Литве изменников не милуют. Если Богу будет угодно, чтобы я был государем польских и литовских панов, наперед обещаю Богу и им, что сохраню все их права и вольности и смотря по надобности, дам еще больше. Я о своей доброте и злости говорить не хочу: если бы паны польские и литовские ко мне или к детям моим своим сыновей на службу прислали, то узнали бы, как я зол и как я добр».

Между прочим, Грозный нашел важным объяснить польским и литовским панам свое отношение к Курбскому, и не думая его казнить, хотел только пославить у него чинов, уряды отобрать и потом помиловать, а он, испугавшись, отъехал в Литву». Искусным оборотом речи царь предостерегает аристократическое правительство от личности ~~свое~~ ненадежной. «Пусть паны ваши отнимут у него уряды и смотрят, чтобы он куда-нибудь не ушел».

В той же самой речи, где затронута столько тем, Грозный высказывает свое главное побуждение к занятию польско-литовского престола: для него все дело в прочном приобретении Ливонии. «Когда буду вашим государем, Ливония, Москва, Новгород и Псков одни будут». Совершенно неожиданно оказывается, что Полоцк в глазах московского царя ничто иное, как залог для получения Ливонии. «Я за Полоцк не стою и со всеми его пригородами уступлю и свое московское, пусть только мне уступят Ливонию по Двину, и заключим вечный мир с Литвою и на детей своих наложу клятву, чтобы они не вели войны с Литвою, пока род наш не прекратится».

В Литве у царя было больше сторонников, чем в Польше. Среди литовцев было много недовольных отторжением ряда земель в Польшу в силу Люблинской унии; соединение же с Москвою обещало Литве в противовес угнетению над Польшей. В Литве к тому же считали, что московский государь может дать настоящую и прочную защиту им от татар, так и от германской империи. Польские дворяне же спешили присылать послов в Москву, и когда в 1573 г. отправили Гарбуру с рядом предложений. Они просили в король самого Ивана IV или его наследника сына Федора от московской династии, они хотели получить обязательство и том, что не будут нарушаться права и вольности шляхетские; Литве будет уступлен Смоленск и Полоцк.

Царь так понял Гарбуру, необычайно обстоятельный, придуманный в то время. Прежде всего он ставил на вид, что не ему или кто кому будет почет от избрания в король, а Литве и Польше, если они на таком избрании согласятся. «Знаем, что царь и король французский прислали к нам:

но нам это не в пример, потому что, кроме нас, да и турецкого султана, ни в одном государстве нет государя, которого бы род царствовал непрерывно через двести лет; потому они и выпрашивают себе почести, а вы из государства госнодари, начавши от Августа кесаря из начала веков, и всем людям это известно"

Все это высокомерное поведение должно служить к тому, чтобы с самого начала поставить литовцев в положение просящих и отсюда сделать вывод о невозможности каких-либо территориальных уступок Литве. Лишь после этих заявлений Грозный высказывал обещание, что не будет нарушать право и вольности литовцев и поляков, но тотчас же прибавил требование о почитании своего титула. Очень интересен полный титул, который гонимый вынужден Грозный: „Божией милости госнодарь, царь и великий князь Ивану Васильевич всея Руси, Киевский, Владимирский, Московский, король Польский и великий князь Литовский и великий князь Русский великого Новгорода, царь Казанский, царь Астраханский" — а потом должно было расписать „области русския, польския, литовския по старшинству". Не упустил Грозный прибавить о сохранении прав своей державы и своей собственной власти. „Вѣрь нашей быть въ почетѣ, перья въ нашихъ замкахъ, волостяхъ и дворахъ, каменные и деревянные вольно намъ ставити; митрополитомъ и владыкѣ почитати намъ по нашему обычаю... Еще надобно уговорити о дворовыхъ людяхъ, безъ которыхъ я не могу ѣхать въ Польшу и Литву; этихъ людей немного" (опричинна в это время уже преобразилась во „двор").

Совершенно определенно ставит Грозный цель расторжения Люблинской унии, сам он тотчас отказывается от польской короны и ищет одной литовской. Литве обещает он возвратить земли, отнятые у нее Польшей, только если Киев также отойти к Москве. „Хотим держати государство московское и великое княжество литовское за одно, какъ была граница Польши и Литвы". Мысль Ивана IV, высказанная в личной аудиенции, еще раз подтвердилась литовскому послу — верные лица царя, окольные бояре Буяновы, дружина дворян: Платовъ, князь Андрей и Василий Шуйские, они еще добавили о уступках: „Польша не боится возвращать территорию съ себя Литву".

Всего существенного в уговорах для Ивана IV было обещание себе при помощи раздела и земель Польши и Литвы. Иван хотел избежать какой-либо уступки, не достигнуть объединения в одной руке трех государств, вернуть одному из них тот, что отнял от Литвы самостоятельность, свою вольность и двукратное государство, вынужденным и самозваным стать, и с застрахованной территорией. Но Иван и тот же Грозный литовской мысли, ему представлялись очень рационально при-

бинации, но при всех переменных остается одна постоянная величина.

«Что прежде наша отчина была по рѣку Березиню, того мы для покоя христіанского отступаемся; но Полоцкъ со всеми пригородами и вся земля Ливонская и нашу сторону, къ государству московскому, и безъ этихъ условий сына нашего Федора отпустить къ вамъ на государство нельзя». Что же касается вѣчного мира, то для него условия другие: «Полоцкъ со всеми пригородами и Курляндія къ Литвѣ, а Ливонія къ Москвѣ. Двина будетъ границей, а Полоцку и пригородамъ съ нашими землями граница будетъ по старымъ межамъ; и быть бы всемъ тремъ государствамъ на всѣхъ испрытеляхъ за одного; а въ король выбрать цесарского сына, который долженъ быть съ нами въ братствѣ и подтвердить вѣчный миръ».

Вся беда для Грозного состояла в том, что Польша в такой же мере, как Москва, тинулась к Ливонии, так же, как Москва, не могла обойтись без выхода к морю. На этом строил свои расчеты очень искусный французский агент, Монлюк, дипломатичнй за Генриха Валуа. По его словам, Генрих заведет флот, посредством которого всего скорѣе воспрепятствуетъ Варшавской торговле, далее он привезет в цветущее состояние Краковскую Академію, снабдивши ее учеными людьми; отправит на свой счет в Париж сто польскихъ шляхтичей для изученія наукъ. Видно, что Польшу в такой же мере, как Москву, заботила выписка с запада ученых, а также возможность обучения своей молодежи заграничной науке.

V.

Неудача переговоров с Генрихом Валуа, бежавшим через несколько месяцев после изгнанія назад во Францію, открыла Мшау IV бездѣльную возможность избрания на польско-литовскій престолъ. Польскій посланнй в 1575 г. с беспокойствомъ доносилъ в Римъ, что только вельможи не хотятъ московскаго царя, народъ же показываетъ в немъ расположеніе московскаго государя желаетъ все московское дворянство, как польское, так и литовское, в надеждѣ через его избраніе выскоблотиться изъ подъ власти вельможъ.

Однако, избирательная кампанія 1575 г. прошла для него неудачно. Вот где плохую службу послужила ему монархическая самоуверенность, вот где крупный талант его пострадал от мелкихъ досадныхъ недостатковъ, от неумѣнья сдерживать себя во время, от увлеченія своимъ остроуміемъ, от вѣнебреженія къ противникамъ.

С самого начала он затропуилъ политическое самолюбіе павлов, составлявшихъ высшую рабу. Те висали ему, по отъ-

Генриха, известия царя и о восшествии на престол и о его „временном“ отбытии, причем упоминали, что им, на нам-радным поручено сноситься с иностранными государями. Иван IV ответил, что посланный уже им гонец Ельчанинов будет дожидаться возвращения короля, а у панов радных не будет: государь ссылается только с государем, а паны с боярами; раз у них есть король, с панами ссылаются непригоже.

Не исполнив необходимых публичных церемоний, к которым привыкла польская и литовская аристократия, не сказавши ни слова о привилегиях, которые она готова предоставить высшему правящему слою, только что получившему золотую грамоту вольностей от Генриха, Иван IV мало занялся обработкой ее членов в отдельности и в тайне. Некоторые из них определенно о том намекали русскому посланнику и даже давали образцы тех писем, с которыми царю следовало обратиться к таким-то и таким-то аристократам. На избирательный сейм, собравшийся в Варшаве в ноябре 1575 г., Иван IV не прислал „большого“, т. е. полномочного посла. Приверженцы Москвы, ожидавшие нетерпеливо вассалений царя, были разочарованы его кратким, сухим и бессодержательным посланием.

В конце концов Иван IV, помимо своих ошибок, был побежден неожиданной международной коалицией, которая не только разбила его кандидатуру, но и выдвинула убийственного для Грозного противника. Первый удар нанес новый враг Москвы, столь презираемый царем—шведы.

Шведский посол на сейме выдвинул сразу самый острый вопрос внешней политики—вопрос о войне против Москвы за Ливонию. Он предлагал бороться общими силами, пусть поляки отдадут шведам свою часть Ливонии, шведы откажутся от денежных сумм, которые они ссудили Польше. Но Ливонии может быть составлено особое владение, в котором править будет шведский королевич Сигизмунд, по матери потомок Ягеллонов. Затем шведский посол предлагал избрать на польский престол королевну Аину, сестру умершего Сигизмунда II Августа. По его мнению, благодаря этим способам уладится дела польские и шведские, ливонские и московские: будет крепкий союз между соседними государствами, будет мир с турками, татарами и Германией, московиты будут изгнаны из Ливонии, Нарвская торговля, столь вредная для Польши и выгодная для Москвы прекратится.

У шведов оказался своеобразный союзник и лице тульского султана. Опасаясь избрания на польский престол сына императора Максимилиана, т. е. представителя враждебного Турции австрийского дома, султан выдвигал своего кандидата, зависимого от турок Седмиградского воеводу

Стефана Батория. Послы Батория дали на сейме блестящие обещания сохранить все вольности панов и шляхты, сообразоваться во всем с их желаниями, образно завоевать все отнятое Москвою, для чего он приведет свое войско; сохранять мир с турками и татарами; лично предводительствовать войсками, прислать 800 000 злотых на военные издержки, выкупить пленную шляхту из земель русских, захваченную в последнее татарское нашествие. Эта кандидатура потом сошлась с предложением шведов. Батория стали прочить и супруги королевы Аниы.

Сближение Швеции и Турции, северного и южного соседа Польши, заставило Грозного искать союза с Австрией, которая выставила своего претендента на польский престол и была в то же время крайне обеспокоена кандидатурой турецкого ставленника. Но этот союзник никогда не приносил добра России. Ивану IV пришлось впервые узнать все отрицательные стороны тяжеловесной, вечно опаздывавшей, лишенной гибкости и такта австрийской дипломатии.

Цесарское правительство не умело подойти к Москве. Началось с мелочных обид, нанесенных московскому гонцу Скобелецкому, когда он прибыл в Вену. Потом цари рассердились послы императора, приехавшие в Москву: вместо ответа о Польше, они привезли только извинения; и это было в его глазах не настоящие послы, а скорее торговцы, искавшие выгод. В одном важном пункте предложения Австрии сходились с намерениями Ивана IV, именно в вопросе о разделе: чтобы польская корона отошла к цесарю, а литовское великое княжество к московскому государству. Но то время как для царя вся суть этого дела состояла в том, чтобы обеспечить за собой Ливонию, император, неспособный забыть, что Ливония когда-то составляла часть германской империи, предлагал Ивану IV оставить Прибалтику в покое. Зато он думал увидеть московского царя перспективной овладевшим Цариградом.

Австрийские послы говорили: избрание Эрнеста (сына императора) в король будет очень выгодно твоему величеству: ты, Эрнест, цесарь, король испанский, папа римский и другие христианские государи вместе на сухом пути и на море нападете на твоего недруга великого, султана турецкого и в короткое время выгоните неверных из Азии, тогда по воле цесаря, папы, короля испанского, императора Эрнеста, князей имперских и всех орденов все царство греческое восточное будет уступлено твоему величеству, и ваша пресветлость будет провозглашена восточным царем.

Но Иван IV не склонен был поддаваться на призраки, подобные тем, которые улакали политических авантюристов, стоявших у власти в XVIII в. На союз христианских государей он смотрел с большим сомнением. Из истории восточ-

ного вопроса он вспомнил и предшественников австрийцам, со свойственной ему иронией, Владислава венгерского, который в свое время заключил союз с цесарем и многими немецкими государствами но был ими покинут и предан туркам, вследствие чего и погиб. Для того, чтобы в такой союз поверить мало обещающий императора, нужен обмен всех государей, и Грозный упоминает датского короля, о котором забыл император. Что же касается Ливонии, он отводит предложение.

Ливонская земля наша вотчина ливонские нѣдцы намъ даны дяди; ливонской землѣ и курской (Курляндии) асей быть къ нашему государству. У насъ тамъ посажены голдовники; такъ ты бы, братъ нашъ, дражайшій, Максимилианъ цесарь, въ Ливонскую землю не вступался и этимъ бы намъ, дяди, свою показалъ, а мы ливонской землѣ достаемъ и вырѣдъ хотимъ искать*. Ему бы хотелось, чтобы поляки выбрали Эрнста, а литовцы московского государя; но если даже Литва не согласится отстать от Польши, пусть и она выбирает Эрнста.

По всему видно, что Иван IV охладил к мысли о заимании польско-литовского или даже только литовского престола; он готов уступить это опасное положение целиком своему новому союзнику; тем легче надеялся он при воцарении австрийца удержать за собою Ливонию.

Большой дипломатический поход 1573—75 гл., на который Иван IV потратил столько энергии, изобретательности, ораторского и диалектического искусства, оканчился неудачно. Почему бросил он предприятие, в котором, казалось, столько благоприятных данных было на его стороне?

Здесь могли действовать лишь реальные соображения. Вступить в управление двумя шляхетскими республиками значило не только навязывать себе новые громадные трудности, но также подвергать опасности всю налаженную военно-монархическую систему московской державы. Могли, впрочем, сказаться также причины иного свойства. Приближался страшный кризис, который так рано толкнул организм Грозного. В громадных усилиях, в напряженной борьбе с внешними и внутренними врагами, в трагических столкновениях жизни быстро истощивались его таланты, спорили запасы умственной и моральной энергии. У него одуслабели руки. Одну за другой покидал он свои политические и военные цели. И только еще раз в какой-то отчаянной решимости, не дожидаясь провала своей кандидатуры в Литву, он схватился за план новой истребительной беспощадной войны в Ливонии.

6. Иван IV и Стефан Баторий

История полна драматизма, но в действительной жизни не все так складно и резко выражено, как в театральной пьесе: „герои“ и „злодеи“ не всегда встречаются непосредственно, развязка наступает не мгновенно, а разворачивается медленно и не в том порядке событий, как это нужно драматическому автору для его искусственно построенных эффектов.

Судьба Ивана IV — настоящая трагедия завоевателя, который сорвался на слишком крупной игре, потому что бросил на весы счастья все свое достояние и вместе с потерей новой колониальной добычи глубоко расстроил основы старой империи. Но главный деятель драмы не погиб внезапно вслед за величайшими успехами своими. Он еще пережил период медленного угасания сил, он беспомощно сдался врагу, несравненно ему уступавшему и в дарованиях, и в средствах борьбы.

I

В 1575 г. не дожидаясь окончания переговоров об избрании на польско-литовский престол, Иван IV возобновит наступление в Ливонии. Опять все направлено на Ревель, опять впереди идет Магнус. Зимой 1575—76 г. г. русские отряды перешли по льду на острова Дани, Моон, берут Гансаль, Перноп и Гельмет. В 1576 г. русско-татарская армия три раза подступала к Ревелю. Эти походы обнаружили громадность военных запасов царя. К началу осады у русских было 2000 бочек пороха. Они выпустили по городу по 1000 ядер в зажигательных снарядах. Отбивши два приступа, ревельцы в ужасе обратились к германским городам с мольбой о помощи, указывая на свое положение как передового поста всех европейских государей и городов на Балтийском море: русские придут еще и еще раз, если Ревель перейдет под власть московитов, падет вся Ливония; трудно выдерживать напор дикого яростного врага, особенно после

неудач он „подобен дикому медведю, который, будучи ранен, телается еще отважнее и страшнее“.

Избрание Батория и крушение плана раздела Польши между Москвой и Габсбургем привело Ивана IV на последний, как ему казалось, решительный „великий“ поход 1577 г. В январе этого года 50 000 русских сынов появились под Ревелем с крупными орудиями. Летом, после больших приготовлений в Новгороде и Пскове выступил сам царь. На этот раз ему все как будто благоприятствовало. Даже крымские татары были на его стороне и одновременно с его нападением на прибалтийские владения Польши, произвели набег на Волынь и Подолье. В самой Литве нашлись люди, которые готовы были вступить в изменнические сношения с Москвой.

Иван IV был так уверен в предстоящем успехе, что теперь изменил свою политику относительно Магнуса. В течение 7 лет применял он своего „годовника“ в качестве промежуточного звена между основными русскими землями и прибалтийским берегом; по новому договору Магнусу были отданы земли к северу от реки Аа, тогда как область между Аа и Двиной царь оставил за собой; высела отодвинули и тыл на вторые роли, а царь выступил опять непосредственным завоевателем. Когда недовольный этим Магнус попытался действовать самостоятельно и стал захватывать города на свой страх, Грозный написал ему откровению: „если ты недоволенъ Кесью (Венденомъ) и другими городками, которые тебе даны, и ты поиди на свою землю Езелъ, да и въ Латскую землю за море, а намъ тебя имати нечего для, да и въ Казань тебя намъ ссылати; то лутчи только поидеши за море, а мы съ Божией волею очистиимъ свою отчину Виляньскую землю и бережемъ“.

Завоеватели не знали теперь никакой пощады стране жли и разоряли немилосердно, убивали стариков, молодых уводили в плен. Шел двадцатый год воеской, неслаженной длинной войны. Забываю тогда все средства привлечь население туземного населения. Осталась только одна мысль о завладении территориями, тогда ты оставатками воевал. Переселенчеством увасним палатом все вышло, все бежало и отчаянием страдал.

Передовой отряд князя Трубецкого при своем первом изходе дошел до Крейцбурга на Двине. Следом за ним сам царь берет один замок за другим, Мариенбург, Люциу, Режицу, причем немецкие наемники переходят на службу в Москву. Далее были взяты Крейцбург, Зесистен, Кокенгаузен отпавший Венден, где отчаявшиеся защитники сами взорвали себя на воздух, Роненбург. Все эти крепости сдавались без сопротивления. Только под Кокенгаузенем Радзивил с небольшим отрядом кавалерии пытался дать отпор. Ходяковская дер-

жал свой 4-тысячный корпус вне Лифляндии, не решаясь встретиться с 30.000 царского войска.

К концу 1577 г. сдалась Ивану IV вся Лифляндия, кроме Риги, Трейдена, Динамюнде. В письме, отправленном Курбскому из Вольмара, Грозный называет себя наследственным владельцем лифляндской земли немецкой речи. Международное положение Москвы тоже не оставило желать ничего лучшего и в 1578 г. Иван IV заключил соглашение с Крымом, императором и Данией, последняя принося за даром Лифляндию, а также права на будущее приобретение Курляндии.

Правда, в торжестве Грозного чувствовалась непрочность. Свои последние победы он выиграл из бессилия противника, особенно Польши, совершенно расстроенной продолжительным бескорольем 1572—76 г. г. Между тем, московское государство дошло до последней степени истощения. У него, как показан ближайшим событием, едва хватало сил для обороны собственной территории, несмотря на все успехи в Лифляндии, царь не решился идти за Двину и покорять Курляндию. Не успев он удалиться в Александровскую слободу и распустить свое войско, как поляки, осмелившись, вернулись в Ливонию и стали брать назад одну крепость за другой.

II.

С 1578 г. мы имеем рассказ о войне на западном фронте Рейнгольда Гейденштейна, польского шляхтича, принадлежавшего к партии Батория, и его правой руки Замойского.

Гейденштейн далеко выдается среди других наших источников, повествующих о Ливонской войне. Он, правда, преклоняется перед своими германскими сверстниками, исполнен увлечения блестящею польскою шляхтой, ненавидит московитов, но при всем том он хороший наблюдатель и отдает должное врагу. Гейденштейн видимо, ознакомился с русскими летописями, знает историю Царства, судьбы князей и столиц городов, начиная с Рюрика. Он пишет, что Иван III первый положил основание могуществу Москвы, а Иван IV еще более увеличил при помощи своего счастья и искусства обширную державу. Грозный же царствованием Казанское и Астраханское он приобрел доблестью, новым в то время способом, а именно, выкопав и порохом. Московское государство дошло до пределов Персии, благодаря внутренним раздорам ливонцев. Иван IV занял их страну, часто нанося поражения шведам. «Быстро образовалось могущество московского царя стало внушать страх не только соседним народам, но даже и более отдаленным, а высокомерие его при таких обширных границах и великих удачах дошло до того, что он презирает в сравнении с собою всех других го-

сударей и полагал, что нет ни одного народа, который бы мог поспорить с ним богатством и могуществом⁴.

Гейденштейн отмечает безграничную власть царя и беспрекословное повиновение ему подданных. „То обстоятельство, что он один сохраняет во всем высшую власть, и что от него одного исходят все распоряжения, что он волен принимать те или другие решения и властен над всеми средствами для выполнения оных, что он может в короткое время собрать самое большое войско и пользоваться имуществом граждан, как своим для установления своей власти — все это имеет чрезвычайно важное значение для приобретения могущества и успешного ведения войн.

Крайне интересны отзывы Гейденштейна о личности царности Грозного в своей стране. „Тому, кто знает историю его царствования, тем более должно казаться удивительным, что при такой жестокости могла существовать такая сильная к нему любовь народа, любовь, с трудом приобретаемая прочими государями только посредством снисходительности и ласки, и как могла сохраниться необычайная верность его к своим государям. Причем должно заметить, что народ не только не возбуждал против него никаких возмущений, но даже выказывал во время войны невероятную твердость при защите и охранении крепостей, а перебежчиков было вообще очень мало. Много, напротив, нашлось и во время этой самой войны таких, которые предпочли верность к князю, даже с опасностью для себя, величайшим наградам“.

Стойкость и послушание русских Гейденштейн объясняет их религиозными убеждениями: „они считают варварами или басурманами всех, кто отступает от них и деле веры, по установлениям своей религии, считая верность к государю в такой степени обязательной, как и верность к Богу, они превозносят похвалами твердость тех, которые до последнего вздоха сохранили присягу своему князю, и говорят, что души их, расставшись с телом, тотчас переселяются на небо“.

III.

Гейденштейн много благоприятно верит для характеристики знаменитого противника Грозного, Стефана Батория, которому удалось на долгие разгромить создание двух великих Увалов. Перед нами выступает крупный военный, дипломатический и административный талант, по своей гибкости пригодный действовать как раз в трудной обстановке шестнадцатых республик и в то же время способный развернуться только в беспокойный военный век, когда вся Европа составляла громадный рынок вербовки, когда уже не войны

вызывала солдат, а единственные взысканные и неспособные заняться мирным трудом люди создавали войны и до бесконечности тянули их.

Стефан Баторий — один из предводителей пестрых наемных отрядов, начиная от Колиньи, Александра Фарнезе и Мориса Оранского и кончая Валленштейном, мастеров военной техники, державших армию верой в свою счастливую звезду и на своем деле бесконечно изобретательных и изворотливых. В войске Батория встречаются чуть ли не все нации Европы: помимо поляков, литовцев, русских и венгерцев, которых он набрал в своих старых и новых владениях, под его знамена стекаются немцы, бельгийцы, шотландцы, французы, итальянцы. Очень трудно было держать дисциплину среди этих искателей счастья и добычи, выходцев всех стран Европы, составлявших собственно организованные массы мелких предпринимателей и торговцев. При взятии Полоцка в 1580 году в войске Батория действительно заняты жадной заботой, как бы не потерять свою долю добычи, выстраиваются в боевом порядке и бросаются друг на друга. Перед срачей Великих Лук в 1580 г. венгерцы, рассчитывая при штурме получить город на разграбление, убивают русских парламентариев, спустившихся со стены осажденной крепости.

Не менее трудно было политическое положение Батория. Шляхта не хотела ни служить в войске, ни платить налоги; в автономных сеймиках менее всего находилось охотников выдвигать в интересы государства. Как тут было осуществить план нового короля, состоявший в снаряжении хорошей ударной армии, которую следовало быстрым натиском понести в центральные области московского государства, чтобы отрезать Ливонию и вырвать ее у Грозного!

Оригинальный проект Батория создать постоянное войско из крестьян королевских имений, не прошел. Шляхетские сеймы предлагали королю вместо того внушить непопулярное поспешное русение, т. е. поголовное ополчение, вместо денежной повинности натуральную.

Король должен был не только бороться с изданным сеймом в 1580 г. не для обеспечения отдельных воеводств и заключать частные соглашения с особенно непокорными сеймиками, но также стараться возбудить шляхетские корпорации областей, бывшей отдаленной от театра войны, что отвоенные Ливонии имеет общегосударственное значение, что земледельческая страна должна иметь свои вывозные порты и т. д. Каждый год возобновлялась борьба с сеймами, ставшими под угрозу полного крушения раз избранную королем систему. Во время самих походов Баторию приходилось сталкиваться с бесконечными взаимными перекурами павов, у которых были свои понятия относительно распределения иерархических должностей

стей эти притязания гораздо более стесняли короля, чем местнические счеты, составлявшие особенность Москвы.

Баторий сумел удержаться в этих щитких условиях, имея того, искусно использовать таланты шляхты, увидев в ней ее часть к войне, начертавши перспективы польского патриархализма. После его смерти это дело попадает в слабые руки безталанного Сигизмунда III, но все, что смог осуществить жалкий преемник — завоевание Смоленска, Северской области и временное занятие Москвы — исполнено силами и личностями, которые набрал и вдохновил Баторий. У него был перлый глаз на способных людей и обаяние, привлекавшее их. Из военной школы Батория вышел его неизменный спутник, сначала канцлер, потом гетман Замойский, завоеватель городов, дипломат и политический оратор. Учеником Батория был и молодой Жолкенский, восходящая звезда короткого, рано оборвавшегося империалистического периода Польши, уже не наследший настоящего применения своих разнообразных дарований.

Шляхту пришлось привлекать обходными путями, записью в отряды добровольцев, наймом на частные средства короля и магнатов; это были иврейские люди, как во времена Алой и Белой Розы в Англии. Частиче войска создавали новые затруднения верховному командованию. Когда при виде грабежа Полоцка испьяливый Баторий хватил саблей солдат, тащившего добычу, оказалось, что это был наемник, состоявший на службе гетмана Мелецкого; важный сановник очень обиделся на короля.

В карьере Батория не малую роль сыграло счастье. Трансильванский восстаа занял престол Ягеллонов и взял в свои руки войну, тянувшуюся уже 20 лет, когда его великий противник успел дойти до полного истощения. С уверенностью можно сказать, что борьба носила бы совершенно иной характер, если бы Грозный и Баторий истретились в 1566 г., в эпоху первого земского собора, когда организация военной монархии была в цвете сил, когда все чини отозвалось с готовностью и энергией продолжать вленные действия. Правда, Баторий, вонтель по присвоению, командир популярный среди солдат, представлял именно тип того государя, какого жадно выискала в своем воображении Пересветов. Это Иван IV своими качествами техника и военного администратора мог по своему уравновесить блестящие таланты Батория, как стратега и тактика. Вся беда состояла в том, что его военное устройство находилось в полном распаде, что изобретательность, гибкость и приспособляемость Грозного кончили. Московская военная держава представляла обломки прежней системы, поражавшие теперь своей устарелостью.

В Поволжорский, исследователь борьбы за Ливонию в 1570—82 гг., объясняет неудачи Москвы в последние три

года войны исключительно подавленным состоянием Ивана IV, у царя было громадное войско — до 300.000, которое он не решился пускать в дело, вследствие полной своей растерянности; вот почему Баторий со своими сравнительно незначительными силами мог беспрепятственно делать одно завоевание за другим. Новодворский вполне прав, когда говорит об упадке личности Грозного: перестали намгуть те же качества, которые в 50-х и 60-х годах развернули такую мощь военного и торгового империализма. Но бессилие, бездеятельность, утрата веры в свое счастье, обнаруженные царем, находятся в тесной связи с действительным крушением его дела.

На чем основано представление Новодворского о громадной армии Ивана IV, мы не знаем. Цифры в 300.000, кажется, никогда не было в Москве. В эту же пору после стольких походов, надо думать, было трудно собрать и 50.000. Однако имея Грозный даже и такое войско, он мог бы, если не прямо нападать на корпус Батория, занятые осадой, то по крайней мере исполнять опасные для польского короля диверсии во фланги, в Ливонию, на Оршу и на Киев. Но, очевидно, таких сил не было, и отсюда новое основание его страшного бездействия.

Очень характерно, что вожди наемников, служившие Ивану IV, Магнус и Фаренсбах, покинули его и перешли к Баторию: они правильно почували, что дело царя проиграно.

IV.

До решительного столкновения с Баторием Иван IV относился к своему противнику с необычайным презрением. В 1577 г. Баторий был занят осадой отпавшего от Польши Данинга и не мог воспрепятствовать походу Грозного на Лифляндию. Когда польский король жаловался, что царь, без объявления войны, захватывает у него ливонские города, Иван IV отвечал: нечего беспокоиться в Ливонии, старой московской вотчине, когда это самого вяжак с невозможного Седмиградского доведется только для занятия польской короны и ливонского великого княжества.

При переделках в вечном мире, Иван IV ставит невозможные требования, между прочим, выдать ему Киев, Камен и Витебск. Он выдвигает по этому поводу новую дипломатическую теорию: литовские Гедиминовичи происходят от полчан. Владельцами, эти князья были, главные великие князья, великие братья, но все же всею силой включены и по княжеству (родству) сами братья, поэтому корона польская и великое княжество литовское — наши вещи: либо нам, либо княжескому роду не останется ничего, в сестра коронавская (ставшая женой Батория) государству не поможет. Когда литовские послы, оскорбившись, отказались от войны, царь, ос-

стались на избранис Давида, происходившего из аиакого пле-
мня. Грозный ответил с обычной самоуверенностью: „ты на-
бранныкъ Божий, а здѣсь выбранный мятежомъ человеческииъ“.

Гейденштейнъ рассказываетъ характерный эпизодъ кампаньи
1575 г., который рисуетъ Грозный въ виду какого-то армян-
азиатскаго Ксеркса, недопускающего въ мысли о непоправимыхъ
ущербахъ своего могущества. У московитовъ пушки были все
с особыми именами (волкъ, ястребъ, девушка, и пр.) и с изоб-
раженіями соколовъ. Когда эти пушки личности были отняты
шведами, „московскій царь тотже приказалъ выдать другіе
с теми же названіями и знаками, а притомъ в еще большемъ
противъ прежняго количествѣ для поддержанія должнаго пред-
ставленія о своей мощи онъ считалъ нужнымъ показать, что
сульба не можетъ у него вѣять ничего такого, чего бы онъ при
своихъ средствахъ не могъ в короткое время выполнить еще со
знатнымъ прибавленіемъ“.

Эти приемы достигали, видимо, цели и создавали пред-
ставленіе о бесконечной власти московскаго царя. Польскій
писатель приводитъ мнѣніе турецкаго министра Магомета „ум-
нейшаго советника вселеннатыиъ предъ восточными сул-
танами“, который заметилъ посламъ Баторія: „король беретъ на
себя трудное дело, велика сила московитовъ, и за исключе-
ннѣемъ моего повелителя, нетъ на землѣ болѣе могущественнаго
государя“.

В своемъ рассказѣ Гейденштейнъ несколько разъ возвра-
щается къ замечательному устройству крепостной системы,
возведенной со стороны Москвы вдоль длинной литовской
границы. Особенно укрепленъ была полоса между Двиной и
Днепромъ, где поднимались зѣмки, угрожавшіе Витебску и
самой Вильнѣ (особенно замечательна Суша выстроенная на
литовской территоріи). Эти крепости были окружены тро-
мащными пустырями, непроходимыми дебрями, которыми мо-
сковиты даже разрастались, чтобы затруднить литовскіе пе-
рехваты. Все укрепленные пункты обильно снабжены про-
виантомъ и вышками снарядами. Когда в 1589 г. Замоискій
взялъ крепость Велика, „провантату, фуража, дорогу и воиныхъ
снарядовъ было найдено в этомъ городѣ такъ много, что не
только издѣлили все для воиска, но еще остается всего
столько, сколько нужно было для гарнизона“.

Несмотря на исключительныя трудности борьбы в этомъ
районѣ, Баторій решаетъ напасть именно здѣсь. Прежде всего
онъ руководится стратегическими соображеніями: отрезать отъ
Москвы Литовину и угрожать одновременно Смоленску, Пскову
и Новгороду. Другое побужденіе состояло в томъ, чтобы раз-
рушить крепостное звѣно, влѣвшееся в литовскую тер-
риторію, освободить движеніе торговыхъ каравановъ, направ-
лявшихся по главнѣйшимъ артеріямъ торговыхъ сношеній Литвы,
Днепру, Двинѣ и ближайшимъ къ притокамъ.

Первый удар Батория был направлен на Полоцк, за 16 лет до того отнятый у Литвы. Грозный не предвидел нападения. На выручку крепости двинулись воеводы Шейн и Шереметев, но не решаясь сразиться в открытом поле с войсками Батория, они заняли ближнюю к Полоцку крепость Сокол и старались препятствовать подвозу провианта у противника. Баторий применил под Полоцком свое новейшее изобретение — раскаленные ядра, которые вызвали пожары в стенах и внутри города. Осажденные оборонялись с необыкновенным упорством в течение трех недель, выдержали ряд ожесточенных штурмов, но вынуждены были сдать город, когда спелась почти все укрепления города.

Король представил москвитянам на выбор, идти ли к нему на службу или возвратиться на родину. По рассказу Гейденштейна, большая часть, побуждаемая любовью к своему дому и признательностью царю, предпочла службу своему государю, хотя каждый из них мог думать, что идет на верную смерть и страшные мучения. Однако, царь пощадил их или потому, что, по мнению его, они были вынуждены сдать последнюю крайностью, или потому, что он сам, вследствие неудач, упал духом и ослабел в своей жестокости.

Все, что мы слышим о Грозном в эту пору, сходится на одном впечатлении: царь глубоко подавлен и смирился, нет его прежней беспощадной требовательности. Вот еще одна подробность из рассказа польского историка. Вслед за Полоцком, Баторий взял крепость Сокол. Царь в это время находился недалеко, во Пскове, но не тронулся с места, чтобы оказать помощь стесненному гарнизону. Удаляясь в глубины государства, Грозный посылает отряду Суши, крепости, характерной среди нагнуса врагов, характерную грамоту. Гарнизону покинутой крепости он позволяет, испортив пушки и в особенности порох и остальные военные орудия, которые нельзя увести с собою, закопать в землю образа и священные вещи, чтобы они не послужили предметом насмешки для неверных, спасаясь таким бы то ни было способом, не потому, чтобы он сомневался в их верности, а потому, что он не желает подвергать их доблесть, которую он хотел бы сохранить для более важных подвигов, неизбежному испытанию и жестокости неприятелей.

В начале 1580 г. Иван IV созвал в Москве духовный собор для того, чтобы изыскать средства на продолжение войны. Характерно, что царь не решился на этот раз так, как за 14 лет до того, пригласить на совещание военных людей, вернувшихся в этих кругах господствовавшей больше уныние, а может быть, Грозный опасался оппозиции. Собору он заявил, что бесчисленные враги восстали на его державу, что он с своим войском, с пельмажами и воеводами борзствует день и ночь для спасения государства, что духовенство обя-

звно помочь ему в этом великом подвиге; войско скудеет и нуждается, а монастыри богатеют. Собор приговорил отдать в государеву казну земли и села княжеские, пожалованные духовенству или духовенством купленные, равно, как имения, заложенные духовенству.

Правительство принимает меры против уклонения от военной службы—первый знак, что начинает расшатываться дисциплина: детей боярских, находящихся в бегах, отсылают особые чиновники, разъезжающие по областям. Быют кнутом и после предварительного заключения, отправляют на государеву службу во Псков.

В дипломатических сношениях Иван IV сразу переменил тон. Когда Баторий вышел во второй поход весной 1580 г., царь отправил к нему грамоту, согласно которой „смирясь перед Богомъ и передъ нимъ, королемъ, велѣлъ къ нему своимъ посламъ ити“. Для того, чтобы в достаточной мере оценить эту уступку Грошного, надо вспомнить, что до тех пор никогда московские послы не ездили в Литву, и переговоры с польско-литовским государством велись исключительно в Москве.

В предшествующие годы оба они всячески старались обидеть друг друга, например, не спрашивали о здоровье государя, не вставали на аудиенции при поклоне, передаваемом посланцами от имени государя, из за такого нарушения этикета обрывались переговоры. Теперь Иван IV предписал своим гонцам: „если король о царскомъ здоровьи не спроситъ и противъ царского поклона не встанетъ, то пропустить это безъ вниманья если стануть безчестить, тѣснить, досаждать, бранить, то жаловаться на это приставу слегка, а прятко объ этомъ не говорить, терпѣть“.

Но так как пока еще ни слова не было сказано о возможных уступках, Баторий двигался без остановки вперед. Он назначил сбор войскам в крепости Чашиньи, откуда дорога разветвлялась на Смоленск и Великие Луки. Чтобы держать царя как можно дольше в неизвестности относительно цели похода, Баторий устраивал в своем лагере совещание, — нападать ли на Смоленск, Псков или Великие Луки, хотя уже давно уже решено было последнее... Московские силы пришлось раздробить, отдельные отряды были посланы к Новгороду, Пскову, Копельну, Смоленску, Смоленску, сильные полки должны были остаться на юге, где мог появиться хан.

Под Великими Луками повторилось то, что уже раз было под Полоцком. Отборному войску Батория, состоявшему из 35 000, крепость могла противопоставить лишь в самое большее 7 тысяч гарнизона. Иван IV не нашел возможным прислать войско на освобождение города от осады: точно также близкие к Великим Лукам крепости Озерного края, Невель, Озернице, Заволожье не могли выдѣлить помощи из своих

территорию. Все укрепления защищаются врозь и перешли одно за другим в руки неприятеля.

V.

Положение Ивана IV становилось все хуже и хуже. Зимой 1580 - 81 г. польско-литовские войска остались на московской территории, им удалось еще взять Холм и Сичев Старую Русу; другие отряды при участии Магнуса, поступившего теперь на польскую службу, продвигаясь вперед по Ливонии, опустошили область Дерпта, где всего прочнее утвердился русский полковник. Одновременно начались успехи шведов на побережье Финского залива под начальством французского выходца Повтюс Делатарри, в короткий срок русские потеряли Кексгольм, Паадя под Ревелем, Изенберг, почти вся Эстония перешла в руки шведов. Баторий стал хлопотать о третьем походе, которому он намерен был придать решающий характер.

На сейме, созванном в феврале 1581 года, король объявил, что нельзя класть оружия, пока не обеспечено обладание всей Ливонией, пока царь получает из балтийских гаваней все нужное для усиления своего могущества; надо нанести врагу такой удар, чтобы у него не только не выросли снова крылья, но и плеч больше не было, надо отодвинуть его подальше от моря. Он ставил на вид невыгодность существующего порядка, в силу которого приходится каждый раз отрываться от поля военных действий, чтобы добыть соизволение сейма на сбор налогов. После долгих пререканий депутаты согласились дать вперед налог за два года, пол условием, чтобы этот поход был последним: они указывали на изнурение шляхты и крестьян поборами, на их крайнее бедственное положение.

Настроение в польско-литовском государстве далеко не отвечало энергии Батория и его штаба. Иван IV учитывал те внутренние затруднения, с которыми приходилось бороться его противникам, через своих агентов он поддерживал сношения с архаическими враждающей Баторию шляхтой, а в то же время, продолжая настаивать на переговорах, стал своим уполномоченным инструкцией из инструкциями.

Интересно наблюдать как в нем борются искусный, гибкий дипломат, умеющий во время уступки, с задорным полемистом, для которого величайшее наслаждение пустить в зрительника едкое слово. Хорошо, пускай московские послы не придрываются, чтобы целиком писалось царское имя, но они должны говорить: государю нашему царское имя Богъ дати, и кто у него отниметь? Государю нашему не соиче-ряшиши в то дикъ, извѣчные государи". Но тут же слышится, что сказал лишнее и спешит обеспечить послам при-

личное отступление. „Если же станут спрашивать: кто же со вчерашнего дня государь?—отвѣчать: мы говорили про то, что нашъ государь не со вчерашнего дня государь, а кто со вчерашнего дня государь, тотъ самъ себя знаетъ“.

Чем более уповалъ царь на свое дипломатическое искусство, тем упорнее отстаивали его уполномоченные уже потерявшие в двухъ кампаніяхъ владѣнія. В лагере Баторія под Невлем московскіе послы предлагали разделить Ливонію и ~~Лифляндію~~ государямъ именоваться Ливонскими. Переговоры продолжались в Варшавѣ передъ глазами еще нераспущеннаго сейма. Всехъ поражала цѣлкость и хитрость царскихъ пословъ, вращавшихся такъ свободно и чулкой имъ обетанкѣ. Баторій былъ однако неумолимъ, требовалъ всей Ливоніи, кроме тѣхъ ~~уѣздовъ~~ Себежа и уѣзды 100.000 золотыхъ за военныя издержки.

„Вся Ливонія“ означала потерю Нарвы, т. е. выхода к морю, она в Европу. На это последовалъ новый вырывъ гнева, так долго сдерживаемого Грознымъ. Он отправилъ Баторію знаменитую грамоту, ласкающуюся словами: „мы смиренный Іоаннъ, царь и великій князь и всея Руси, по Божьему изволенію, а не по многоятежному человѣческому хотѣнію“ Грозный обвинялъ противника в кровожадности. „Мы ищемъ тѣхъ какъ бы крахъ христианскую унѣту, а ты ищешь насъ какъ бы похватить; такъ захѣмъ же намъ съ тобой мириться?—и безъ миру то же самое будетъ“. Царь развѣрстываетъ свою ученость, сравниваетъ Баторія с Амалікомъ, Синахеримомъ и с носоводой Хозроя Сарпаромъ. Нарушеніемъ всехъ преданій и международнаго права ему кажется притязаніе короля на выкупъ: ведь в Ливоніи он, царь,—наследственный государь, Баторій—пришлецъ, который осмеливается требовать выхода по басурманскому, татарскому обычаю.

Эта полемика, остатокъ старыхъ счастливыхъ временъ, приводитъ грустное, досадное впечатленіе Баторій поднимаетъ перчатку и отвѣчаетъ в задорномъ стилѣ пѣка. Называя царя Каиномъ, фараономъ московскимъ, Иродомъ, Фаларисомъ, волкомъ вторгнувшимся к овцамъ, ядовитымъ клеветникомъ дужкой совѣсти и плохимъ стражемъ своей собственности, он не забилъ колѣнуть. Иванъ IV в своемъ уязвимомъ мѣстѣ „почему ты не пришелъ к намъ со своими войсками, почему спонтъ подделалъ не оборонялъ и бедная курица передъ вѣтробомъ и орломъ птенцовъ своихъ крыльями покрываетъ, а ты, прелъ двуглазый (иба гакъова твоя печать) прятываешь“. Идѣваясь надъ грустностью Івана IV, король высылалъ царя на лѣтній поединокъ.

VI.

Поход 1581 г. былъ направленъ на Псковъ, сильнейшую крепость окраины московскаго государства, давнишній пунктъ противъ западныхъ враговъ, представлявшая борьбу съ ливонскими

ордевом. В совещаниях с военными начальниками под стенами крепости, король объяснил, что Псков — ворота в Ливонскую землю; если принудить его к сдаче, вся эта страна останется в руки завоевателя без пролития крови.

Могло казаться, что Псков будет взят штурмом или падет под давлением артиллерийского огня, как Полоцк и Великие Луки. Но Баторий встретился с целым рядом трудностей. В Пскове находился многочисленный гарнизон; воевода князь Иван Петрович Шуйский обнаружил себя человеком исключительной энергии. Снаряжение в крепости было обильное, своими громадными ядрами нековичи наносили немалый вред осаждавшим. На первом приступе венгерцы и поляки, лучшие из солдат Батория, пробрали брешь в стене и взяли две большие башни, Покровскую и Свинусскую. Но осажденные выбили штурмующих из занятых ими позиций.

Эта неудача до тех пор неподобидимого врага произвела огромное нравственное впечатление на обе воюющие стороны. Осажденные начали пробовать вылазки, подводить подкопы к вражеской линии, и Шуйский даже сделал попытку напасть на польский лагерь. Баторий и Замонский, вынужденные перейти к правильной осаде города, встретились с ярытом и неповиновением своей пестрой армии. Литовцы определенно заявили, что на зиму не останутся. На собраниях солдата, не слушая ротмистров, требовали хороших зимних квартир, другие грозили уехать домой, третьи кричали, что не двинутся с места, пока им не будет уплачено жалованье. Немецки шумели, что ведь они сражаются с опасностью жизни ради чужих выгод и за провинцию, от которой не достанется ни им самим, ни государству никакой пользы.

Успокоить войско удалось только обещанием короля, что скоро будут начаты переговоры и следовательно близится окончание военных действий. Могилу мог быть решающим в пользу Москвы, если бы у Грозного оставались какие-нибудь силы для наступления. Но царь делал до полной беспомощности. Особенно резко это делало впечатление его, когда Радзивил с летучим отрядом беспринятельно дошел до Ржева и чуть не взял самого Грозного и пленил его стариком лагерем.

Под Псковом продолжалась великая зима, которую в своем победоносном движении осмысливал назначить себе Баторий, когда разбитый окончательно разграбить Могилу. Он даже не мог обеспечить за Польшей Ливонию, пока в руках Грозного оставалась Нарва, в возможности сношений с Европой. Здесь окончательный удар нанес враг, к которому с пренебрежением отнеслись обе воюющие стороны, — шведы. Из Нарвы русские уведя часть гарнизона, отразили ее на подкрепление Пскова. Делегаты успели изведать положение вещей, перешел со смешанным немецким войском, в котором были, между прочим, итальянцы и немцы, по ялу

Финский залив, взял Тольсбург, Гапсаль, Вейсенштейн и Нарву у Грозного не осталось больше владений у моря. Но все же бедам присоединилась еще опасность восстания казанских и астраханских татар; изменил Мюльче и старый союзник, Дания.

Среди этих исключительно тяжелых военных обстоятельств, у царя физически и нравственно разбитого старика в 50 лет, назрела энергия генеральным дипломатическим ходом спасти глубоко истощенную империю. Вспомнив прежнее мечту папы о сближении православной Москвы с католической церковью, Грозный решил использовать римского первосвященника в качестве защитника против страшного завоевателя, призвать его быть посредником в великой международной распре. Еще во время великолукской кампании московский посол Истомин Швейцария был отправлен в Италию через Любек и Прагу.

VII.

Валишевский, сфрануженный поляк, автор блестящей, остроумной и легкомысленной книги об Иване Грозном, изображает в юмористическом виде миссию Швейцарина. Этот невежественный москвитин не знал, что Венеция самостоятельное государство, а вовсе не часть папских владений; он не интересовался чудесами искусства, которыми папский двор готов был одарить царя и его посольство, говоря лишнее о неудачах своего государя. Привезенное им письмо царя Валишевский находит странным и бестактным; московский владетели выражал желание, чтобы „папа призывал Баторию бросить союз с неверными, прекратить войну против христиан“.

Однако, уместно ли вообще ссылаться над незнакомством Швейцарина с политической картой Италии! Ну, а при папском дворе многие ли ясно представляли себе, где находится Псков, на какой реке санит Москва, в какое море впадает Волга? Историк тут же на другой странице сообщает об ответном послании папы Григория XIII, в котором выражен приветствие Анастасии, умершей за 20 лет до того, судя по этим мелочам и осведомленности, и тактичности папском канцелярии стояла невысоко!

В том же чудесном стиле рассказывается, как „визитер“ и „диспут“ — дарскому гонимому пришлося не только содействовать сближению между Москвой и Римом, которому так старательно и упорно в течение века сопротивлялись. Пользаясь, по-как больше того, он добился прямого заявления со стороны Рима на арага Москвы. Швейцарин кажется Валишевскому почти Иванушкой дурачком в сложной дипломатической игре, которая привела к отправке в Москву иезуита Поссевино и заключению почетного для Ивана IV мира. Он и самого Грозного готов считать случайной фигурой в этом свалившемся с него счастье. Но тогда вообще ничего нельзя понять во всей изумительной

истории Императорства папы и заключения мира! Ведь московская миссия увенчалась успехом, тогда как вызванный ее появлением проект, которым вдохновился папский двор и его искуснейший эмиссар — привлечение Москвы в унию с католичеством — оказался сплошным заблуждением западной дипломатии. Кто же тут был иллобретателем, кому удалось провести до конца весь задуманный план?

Самый прием папского посла к московскому двору перед началом осады Пскова показывал Ивану IV, что положение его далеко не безнадежно. В Старице Поссевино был встречен с восторгом, как устроитель желанного мира. Но в то же время Грозный проявил необычайную сдержанность: в Москве не допускались ни католические церкви, ни какие-либо учреждения иезуитов, московский двор лишь выразил свое согласие на дипломатический обмен с Римом и на свободный проезд папских миссий в Персию. Папский престол не получил никаких привилегий; возможность привлечения Москвы в лоно католической церкви осталась столь же туманной и неясной как и раньше, а между тем посол папы должен был приступать к своей посреднической роли.

С другой стороны, ему приходилось склонять к миру несчастного победителя. Поссевино попытался оказать давление на Ивана IV отправкой письма, в котором изображал отчаянное положение Пскова, подход подкреплений к осажденному и неминуемо предстоящее падение крепости. Для московского царя письмо послужило побуждением выставить очень определенный проект, выработанный им вместе с наследником престола и боярами; он предлагал Баторию удерживать за собой завоеванные литовцами ливонские города, но уступить Москве назад Великие Луки, Непель, Заволочье, Коли и псковские пригороды, забранные королем; на этой основе он готов отпустить послов при обязательном условии, чтобы посредником был «длинный нос» Антоней*.

Положение послов было необычайно трудно. Обе стороны не допускали друг, не соглашались открывать ему свои условия и каждая, рассчитывая на стеснительные обстоятельства прототипа, долго была категорично непреклонна. Первое время занимал квартира Поссевино в Замойском Яме, представляла собственную кухню и кабю, служила только местом, где послы двух воюющих держав общими силами и со скандалом раскладывались.

Иван IV дал своим удалившимся, князю Свистикову, боярскому дьячку Свистикову, дьяку Васильку Верещагину и подьячку Свизеву очень подробные инструкции, предусматривая целый ряд частных и случайных возможностей. Они усердно выпрашивали свою службу, отстаивая до последней крайности остатки ливонских владений так, что был момент, когда Замойский под влиянием их упорства готов был отказать

ся от нескольких крепостей в Ливонии. Московский царь был, однако, в такой мере стеснен войной, что сам предусмотрел в инструкции на крайний случай уступку всей Ливонии.

Искусство московских послов направилось на формальности, которым дипломатия восточно-русского двора всегда придавала большое значение. Они цепко отстаивали обозначение Ливонии отчиной царя, которую он добровольно уступает чужому властителю; они пытались ввести в договор уступку Риги и Курляндии, которые никогда не находились в обладании Москвы; они горко настаивали на том, чтобы Польша не заявила потом своих притязаний на территории и города, захваченные шведами. Упорно спорили они также из-за двинских крепостей, захваченных неприятелем: о Полоцке впрочем и речи не поднималось, ибо Иван IV уступал молчаливо, но в переговорах послы сумели добиться отдачи назад взятых Баторием Себежа, крепости, господствовавшей над входом в долину р. Великой и в свое время выстроившейся в качестве передового поста для наступления на Вильну.

Наивно выразилась дисциплина, в которой Иван IV держал подчиненных чиновников, в следующем эпизоде. За возвращение Себежа Баторию нужно было отдать Велаж. Посевино говорил московским послам, что если они боятся за эту уступку гнева царя, он готов отдать за них свою голову. На это они заявили, что если бы каждый из них имел десять голов, царь приказал бы снять все эти головы за такое попустительство.

Послы проявили обычные черты московской дипломатии, долго упирались в вопросах этикета, доказывали историко-архивными ссылками необходимость присудить им государский титул царя. Но вся эта когда-то блестящая стройно налаженная ученость Посольского приказа была теперь в упадке и даже с табунами уважения, которое вообще вынужден был претерпеть московский двор. После отчаянных прениятельств, сопровождавшихся угрозами московских послов оборвать переговоры, Ивана IV прописали в договорной грамоте великим князем: опять обнаружилось, что в инструкции на крайний случай стояло согласие Грозного и на это умаление своего достоинства. В историческом споре, затеянном послами, согласно московским обычаям, они оказались не на высоте запутавшись в примерах, которые, может быть, внушены были самим царем: они ссылались на передачу царского титула князю Владимиру императорами Гойбрием и Аркадием, а когда Посевино указал им на хронологическую ошибку в 500 лет, несколько не смутясь, стали уверять, что то были другие Гонорий и Аркадий, жившие позже (Новгородский летописец, что москвитин смешал их с другой парой братьев-императоров, Василием и Константином византийскими, современниками Владимира).

Чрезвычайский мир 1582 г. составляет трагическое завершение ливонской войны. Главной целью было открыть доступ к морю, вступить в общеевропейский обмен, занять положение в европейском мире. Но промежуточная страна, Ливония и сама по себе представляла ценное владение, в котором за 20 лет москвитяне сумели довольно прочно утвердиться: искусство в деле обрусения и колонизации западных областей стояло в XVI в. во всяком случае не ниже, чем в XIX, а вернее даже выше. Во время мирных переговоров московские уполномоченные отдали большое внимание вопросу о возвращении церковных имущества, помещенных в Ливония; православных церквей было немало построено в восточной части края.

Уступка Ливонии означала для множества русских, в ней прижившихся, выселение. Гейденштейн рассказывает, что русские оставляли Дерпт с большим сожалением, так как с ним связаны были для них весьма хорошие воспоминания: женщины сбегаясь на могилы мужей и детей, отцов и родственников, испускали страшные рыдания, покидая родное гнездышко. Другой современник, польский монах Пиотровский, обращает внимание на следы замечательной военной организации, которую развил побежденный враг в ливонской окрестности: нас всех изумляло, что во всякой крепости мы находили множество пушек, изобилие пороха и ядер, больше чем мы сами могли набрать в нашей собственной стране... мы точно приобрели маленькое королевство: не знаю, сумеем ли мы чтонибудь сделать с ним".

VIII.

Московское царство спаслось от угрожающей ему гибели, спаслась и династия, сохранилась в неприкосновенности власть царя, остались спокойны классы общества. Иван IV умирал в полном обладании громадной империи и всей стройной системы службы и повинностей, которую он еще усовершенствовал своими реформами. Последствия войны стали обнаруживаться только при его преемниках, уже не имеющих его авторитета и обаяния: пришлось делать уступки козному сословию, слуху выражающему свое недовольство, стали обозначаться признаки Смуты.

Что же избавило московскую монархию от немедленной катастрофы, отчего за войной не последовала по пятам гибель династии? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, придется на некоторое время отойти от главного очерка, вспомнить о политическом разуме и слаженности учрежденной об искусстве династии, умевшей стать над классами и держать их в строгом повиновении и порядке, о громадности военных средств Москвы. Все это приходит в упадок к концу войны: в 70—80-х годах нет прежних талантливых дипломатов и воен-

ных. Ивана Грозного окружают посредственности, а иногда усердные и второстепенные. Но еще работает великолепная старинная школа, правящие круги не растерялись, не утратили самообладания и уважения к себе, не подавлены еще слепой верой в торжество своего дела, как потом в XVII в.

Москва, ввиду государственной нужды ввиду быстрого разгрома живет еще старыми запасами сил, накопившимися за целое столетие. Не успел также изгнаться и разладиться и тот изумительный человеческий материал, который занесен русским народом, та крепкая, бедная потребностями, долготерпеливая, привязанная к родному краю руса, которая составляла основу и оборону империи.

Давно сказано, что лучшую похвалу услышишь от врага. В хронике Рюссова, яркого ненавистника вторжения московитов в Ливонию, есть удивительное признание великих пассивных добродетелей русских, которое еще больше оттеняется беспощадным суждением автора о своих „культурных“ соотечественниках. Русские, говорит Рюссов, в крепостях являются сильными боевыми людьми. Происходит это от следующих причин. Во первых, русские — работящий народ; русский в случае надобности, неутомим во всякой опасной и тяжелой работе, днем и ночью, и молится Богу о том, чтобы праведно умереть за своего государя. Во вторых, русский с юности привык поститься и обходиться скудной пищей, если только у него есть вода, мука, соль и водка, то он долго может прожить или а немец не может. В третьих, если русские добровольно сдадут крепость, как бы ничтожна она ни была, то не смеют показаться в своей земле, так как их умерщвляют с позором; в чужих же землях они не могут, да и не хотят оставаться. Поэтому они держатся в крепости до последнего человека, скорее согласятся погибнуть до единого, чем идти под конвоем в чужую землю. Немец же решительно все равно где бы ни жить, был бы только возможность вдоволь наедаться и выпиваться. В четвертых, у русских считалось не только позором, но и смертным грехом сдать крепость.

Ивану Грозному достался по наследству этот клад, невиданный по внешности. Его самого судьба издала исключительными дарами выдающегося правителя и воителя. Его вина или несчастье состояло в том, что поставивши громадную цель преобразования полуазиатской Москвы в Европу, он не мог во время опасности, стоявшей перед возрастающим врагом, что он растратил и бросил в бездну истребления одну из величайших империй мировой истории. Опять таки оправдание или объяснение этой невольной трагедии может служить его личная судьба: так же как он быстро исчерпал средства державы, он вымотал своей могучей организмом, истратил свои таланты, свою нервную энергию.

7. Посмертный суд над Грозным.

Если бы Иван IV умер в 1556 году, историческая память приспоила бы ему имя великого завоевателя, подобного Александру Македонскому. Вина утраты покоренного им Прибалтийского края пала бы тогда на его преемников; весть и Александра только преждевременная смерть избавила от прямой встречи с неминуемой гибелью и распадом созданной им империи. Грозному также простили бы его опрочину и казни, как прощаются Александру влде убийства сподвижников, причуды и бред илличия. Несчастье Ивана IV в том, что ему пришлось пережить слишком ранние свои успехи: слава его, как завоевателя, померкла, дипломатические и организаторские таланты его забылись, он попал в другую историческую рубрику, под титул „тиранов“, присоединился к обществу Калигулы, Нерона, Людовика XI и Христиана II, а проблеме его личности психиатрические мотивы выступили чуть ли не на первое место.

Как могла получиться такая пренебрежительная оценка этой во всяком случае очень крупной исторической личности?

1.

В самом начале XVII века вышла во Франции написанная по латыни и тотчас же переведенная на французский язык монументальная Всеобщая история де Ту (de Thou или Thuanus, жил 1533—1617). В этой книге, быстро получившей популярность и много раз переиздававшейся потом еще в XVIII в., подробно рассказаны судьбы европейских государств, в том числе Москвы за вторую половину XVI века. Мы получаем здесь ряд характерных данных, для того, чтобы судить, какое представлялисе об Иване IV сложилось в Западной Европе в среде ближайших к нему поколений.

Приступая к рассказу о Ливонской войне, де Ту дает очерк истории возмущения Москвы. О самом Иване IV он говорит: „Государь столь же счастливый и храбрый, как его отцы, который влюбавок, соединяя хитрость и тонкий расчет с суровой дисциплиной в военном деле, не только сохра-

ния обширное государство, оставленное Василием, во сумел далеко раздвинуть его границы. Запоедания Ивана IV дошли до Каспийского моря и царства персидского. Этот царь знаменит великими делами, блеск которых иногда омрачала его жестокость". Затем историк передает об изумительной военной системе московской державы, о необычайном послушании воинства и прибавляет: "нет государя, которого бы более любил, которому бы служили более ревностно и верно. Добрые государи, которые обращаются со своими народами мягко и человечно, не встречаются более чистой привычки, чем он".

Подробно излагает де Ту ход Ливонской войны, переговоры между Польшей и Литвой и особенно борьбу Ивана IV с Баторием. Заключение войны мрачно для Москвы и заставляет историка высказать новое суждение о царе, которое отчасти расходитя с вышеприведенным. Так кончилась Московская война, в которой царь Иван много поддержал репутацию своих предков и свою собственную. Иностранцы по Днепру до Чернигова и по Двине до Старшины, край Новгородский и Ладожский были в конец разорены. Царь потерял более трехсот тысяч человек, около 40.000 были отведены в плен. Эти потери обратили области (Великих) Дук, Заволочья, Новгорода и Пскова в пустыню, потому что вся молодежь (этого края) погибла во время войны, а старшие не оставили по себе потомства".

Де Ту, видимо, писал на основании сведений главным образом польских и ливонских авторов, а также известий дипломатических миссий, посещавших Россию. Некоторые частности его рассказа, напр. объяснение верности русских царю их исторической религиозности, или картина великого плача русских при исходе их из Дерпта — почти прямое повторение современных Грозному иностранных авторов. Но как раз по вопросу о тиранстве Ивана IV де Ту готов критиковать их свидетельства. "государь, оправданный своими ужасными жестокостями, если верить сообщением Павла Одерборста и Александра Гвиздини, у которых может быть, больше развлекательный, чем истинный".

Судя по изложению де Ту Московская (т. е. Ливонская) война оставила сильное впечатление в Западной Европе. Историк описывает вкратце и законодательные выступления царя в Прибалтике, манифесты его, договоры с ливонскими городами и селениями, колонизационные попытки русских. Последнее трехлетие войны, успехи Батория и разгром московской державы привлекают острое внимание повествователя; катастрофа Москвы кажется ему самым выдающимся явлением европейской истории XVI века. В то же время опалы, казни, война со своими подданными совершенно неизвестны западно-европейскому историку, жестокость Ивана IV не ка-

жется чем то из ряда вон выходящим. Нет еще того изображения московского царя в виде злого, до безумия распяющегося тирана, которое нам так знакомо со школьной скамьи, и которое позволило историкам более нового времени передать многозначительное, строго величественное прозвище „Грозного“ такими обыкновенными словами, как Jean le Terrible, Jwan der Schreckliche.

II.

Усиленное внимание и жестокостям Грозного, суровый уничтожающий нравственный приговор над его личностью, склонность судить о нем, как о чуждом, аномальном и ненормальном, все это привнесло в науку сентиментального просветительства и петербургского придворного либерализма. Поэтому едва ли у кого найдешь более беспощадную оценку Грозного, чем это сделал Карамзин, самый яркий в России историк и публицист эпохи просвещенного абсолютизма, который пишет отрицательную характеристику Ивана IV как бы для того только, чтобы оттенить сияющей всеми добродетелями образ Александра I и его „великой бабки“, монархов гуманных и справедливых, исключительно преданных народному благу.

Карамзин в своем изображении дал, можно сказать, классическую схему для личной и правительственной истории Грозного, от которой до сих пор мы не можем отделиться: до 1560 года это государь прекрасный, добрый и разумный, поскольку он весь под влиянием мурзы руководителей; после 1560 г. прорывается натура порочная, злобно безумная, свирепствующая на просторе, извращающая здравые государственные начала. Русские историки последующего времени, хотя и чуждые идеализации просвещенной монархии, удержали однако неблагоприятную оценку Грозного. Отчасти это случилось потому, что осуждение тирана служило одним из благотворных мотивов оппозиционно-либеральной риторики. С другой стороны здесь сказывалась последствия почти всеобщего увлечения „внутренней“ историей в ущерб „внешней“. Согласно Карамзинскому распределению света и тени, на 40—50-тые годы приходились реформы, а в 60—70-е ливонская война и ооричина; войны вообще представлялись либеральной массой позавидным, осужденным на исчезновение остатком царства, война на Прибалтике казалась еще особенно неприглядной, потому что совпадала с периодом безумств Грозного.

Все эти уклоны воззрения понятны и неминуемы. Историк зависит в своих взглядах и приемах от сменяющихся политических увлечений и философских настроений. Вель и наше неотступное желание найти связь между собы-

тиями внешней истории и усложнениями внутренней жизни — результат могущественного влияния современной общественной мысли. Воздействие на исследователя того, что мы называем мировоззрением, настолько сильно, что в литературных источниках, в исторических памятниках он как будто чкхает и видит то, что хочет прочесть и увидеть, выделяет и оценивает то, что совпадает с его вкусами и направлениями интересов. Однако надо признать, что в свою очередь, и памятники оказывают свое давление на ученого, вдохновляет и направляет мысль историка. В историческом документе есть скрытая энергия, обаянию которой мы все невольно поддаемся.

III.

Грозному не посчастливилось на литературных защитников Пересветов был только отдаленным пророком его политики, рано и бесследно исчезнувшим со сцены. За ним в качестве русских свидетелей идут представители консервативной оппозиции, Курбский, автор „Беседы Балаамскихъ чудотворцевъ“ и более поздние писатели эпохи смуты, длякъ Иван Тимофеев и князь Катырев-Ростовский.

Все они разделяют один недостаток, наличие которого сыграла роковую роль для памяти Грозного. Они совершенно равнодушны к росту московской державы, ее великим завоевательным задачам, к широким замыслам Ивана IV, его военным изобретениям, его гениальной дипломатии. В этом смысле они удивительно подошли ко вкусам нашей недавней исторической школы, выросшей на идеях пацифизма. Бези угодно эти судьи Грозного похожи на Тацита, Светония, Ювенала, которые, в резких нападках на римское самодержавие, сосредоточивали свое внимание на явлениях придворных в столичных, оставаясь безразличными к громадной стране, к окраинам, к внешней безопасности и славе знаменитой империи. У них только один тема, бесчисленно развращенная на все ладно, осуждение бесчеловечной жестокости московского царя. Они более всего напирзют на раскол, который Иван IV внес в жизнь московского общества, разделив его на опричнину и земщину. „И царство свое, порученное ему от Бога, раздели на двѣ части: часть ему собѣ отъ Бога, другую же часть царю Семюну Казанскому поручи, и заповѣда своей части оную часть людей изсилovati и смерти предавати, домы ихъ разграбляти и боеводѣ, данныхъ отъ Бога ему, безъ вины убивати, и грады краснѣйшия разрушати, а въ нихъ православныхъ крестьянъ, немилостиво убивати даже до сущихъ младенцевъ.“ (Повѣсть кн. Ив. Мих. Катырева Ростовского)

Никому из них не приходит и в голову сказать хотя бы одно слово о военном значении опричнины. Эти старинные

московские критики удивительно склонны к моральной отвлеченности. Автор Балажиской Беседы, монах сторонник партии нестяжателей, возмущенный более всего преобладанием светских интересов в среде высшего духовенства, нападает на самое понятие самодержавия: оно кажется этому мирному анархисту страшным звуком, чрезмерной гордыней через Богом. У него также, как у Курбского, жажда возврата к патриархальной монархии, когда царь правит в тесном согласии с лучшими постоянными своими советниками.

Курбский не ждет ничего хорошего от нововств и непрерывных перемен, совершаемых беспокойным духом властителя; он предсказует конец московского государства, которое разрушится вследствие обилия „трудовых decretов и неудобь подъяваемых ношю казнопочи“. С Курбским совпадает автор „Временника“, издательского собрания Смутного времени, Иван Тимофеев. Стремясь дать объяснение причин жданной разрухи, он находит первую вину в тех политическх переменах, которые были затеяны самим правительством. Пока государи держались поведенни, даиних Богом, и свято хранили благочестивую старину, московские люди соблюдали полное послушание. Когда же „предержатели... начаша древняя благоустановка законная и отцы преданая превращати и добрая обычаи и новосопротивная измѣнати“, стал исчезать „естественный страх“ подданных. Летописец Смуты хочет сказать, что корни пагубной революции заключаются в поведении самих правителей; их реформы послужили первым полярным существующего порядка.

Собственно говоря, жалебы консерваторов из изменения старины руками самих посетителей власти вовсе не представляют чего-либо нового. За четыре десятилетия до Курбского их высказывал опальный боярин Березин, возмущаясь тем, что Василий III стал решать дела в спешке, запершись с третьей с какими-нибудь любимцами. Березин прибавлял мрачное предсказание в том самом духе, как потом Курбский: „государство, древнее державшее законные обычаи, не долговечно“.

И мало того, что славянские самодержавия в крайности и нарушении меры деструктивны на поколения и поколение, критике откликается всякий раз целый политическх бедствий даже далеко от своего времени. Если Березин наложил корень „замышляемости“ вины в пагубной величии“ и призывал пресечь ее довод Ивана III, вместе с царевичем Софией Палеолог, у которого произошло роковое событие к 70-м годам XV века, то Иван Тимофеев, главный виновник начала бедствий с царичиной Грозной, думает очевидно о 60—70-х годах XVI столетия. Однако, как ни существенно различаются они в хронологии, в их тактике разумно одно и то же явление, и мы с некоторым удивлением замечаем, что дело идет об

основном факте московской политики, который шаг за шагом сопровождает образование великорусской державы. Получается странное противоречие: великие организаторы Москвы Иван III и Иван IV оказываются в то же время виновниками гибели империи.

Русским историкам новейшего времени, поскольку они доверяли идеям оппозиционеров XVI века, приходилось приписать суровые суждения опричников с обидой быть принятым объектом государственной политики милитаристского правительства. Кажется, выход из противоречия состоит в том, что осторожная система основателей державы была испорчена личным произволом последнего самодержца из династии Рюриковичей. Поэтому, бесчестия опричницы Грозного, это странная беспоконная администрация должны служить объектом осуждения последующей разрухи. Все крупное, что было создано в его молодости, как бы заглохает и опровергается его местными и безумными капризами В. О. Ключевский видит в опричнине борьбу не с порядками, а с лицами, в самом Иване IV признает лишь талантливого дилетанта С. Ф. Платонов, хотя допускает в опричнине широкий, а во многих отношениях целесообразный военно-административный план, все-таки находит в деятельности Грозного невероятную небрежку людей и служебных поручений, непрерывный разгром и разгром, который не давал никому осесть на месте и заниматься делом, а потому в конце концов разрушал основы созданного в ранние годы Ивана IV порядка и таким образом приближал Смуту.

Не решаясь обобщить эти глубоко противоречивые и противящиеся характеристики Ивана IV, мы хотели бы только напомнить о том, что забывалось в эпоху увлечения историков проблемами внутренней истории, а именно что борьба с князьями, возвышение и падение старого боярства неродовых людей, усиление военной мощности и лютый террор происходило не в мирную пору, а среди величайших военных потрясений. В сущности, все царствование Ивана IV было почти сплошной непрерывающейся войной. В 1551—56 гг. идет борьба за Поволжье. С 1558 г. в течение 24 лет при постоянной угрозе крымского нашествия тянется крупнейшая из войн русской истории, борьба за Ливонию, за выход к морю, столкновения местными столкновениями с Польшей и Швецией. Положение весьма похоже на то, в каком находился Петр I, в петербургской войне которого была приобретена та же самая планка в Европу.

Исторический приговор об Иване Грозном во всяком случае не должен быть строже, чем о Петре I, принимая во внимание, что условия, окружавшие московского царя XVI в., были несравненно более тяжелыми. И уж если осуждать Грозного, то придется поставить ему в вину или самую и

онны, или по крайней мере то, что он не смог во время бросить неудавшееся предприятие, что он сокрушал в Ливонии лучшие силы своей державы. Но чем больше мы будем настаивать на обвинениях такого рода, тем дальше мы уйдем от характеристики Ивана IV, как капризного тирана. Если Грозный заблуждался относительно возможности приобретения Балтийского побережья, то во всяком случае не легкомыслим и не прихотлив веет от железной настойчивости, с какой он ведет борьбу, отправляет год за годом в бой свои военные громады и запасы, пускает в ход свое административное и торговое-политическое искусство, действует угрозой и лаской, неотступно и на десятки ладов из население вновь приобретенной колонии старается привлечь иностранцев, усилить энергию русских промышленников.

Когда речь идет о Петре I, все готовы признать, что его реформы находятся в тесной зависимости от тяжелой всепоглощающей войны. Странным образом под этим углом зрения об Иване Грозном почти не судили: историки пока не осветили нам связи между внешней и внутренней его политикой.

IV.

Московская оппозиция XVI века, обвиняя Грозного в неистовых зверствах, относит их происхождение к его пороковой натуре, видит в них особенное несчастье, неисполнимое наказанье за грехи. Никому из судей не приходит в голову видеть в казнях и погромах Ивана IV цельную обдуманную систему политики. Честь изобретения сложного обвинительного акта в этом последнем смысле принадлежит иностранному наблюдателю, и притом представителю „дружественной нации“, которая извлекала всего больше выгод от Москвы и неизменно платила ей самым черствым равнодушием.

Мы разумею Флетчера и его знаменитое сочинение о русском государстве, появившееся в результате его миссии в Москву 1589 г.

У Флетчера были предшественники, и все они так или иначе отражали английскую картину обращения к Москве, как страной богатой, но не дающей скрывать в ней богатства и существующей на свете как бы ради того, чтобы сделаться предметом эксплуатации для культурнейшей нации мира. Нет ничего характернее наивно-дерзкого предложения англичан передать в их руки все сношения Москвы со Швецией и Ливонией, тогда как с этими двумя странами существовала из давня прямой дипломатический и торговый обмен. Так было во всем. У английских колонизаторов замечалась в отношении Москвы та самая политика, которая потом отдала в их руки судьбу Индии и сделала громадой колониальский

мир безыханным трупом, слепым орудием в распоряжении европейских завоевателей.

Англичан мало интересует прошлое русского народа, его сложная драматическая история, его красноречивые полные лирики летописи. Они почти не упоминают о громадных усилиях русских пробиться к морю, о колебаниях судьбы русского империализма. Все это в их глазах факты неинтересные, потому что они ненужны и даже неудобны англичанам. Бичуя и осмивля косность, техническую и литературную отсталость русских, обвиняя их в непонимании европейской культуры, англичане в сущности довольны таким положением вещей, потому что оно обуславливает рыхлость и неподвижность громадного государства и открывает простор промышленным предприятиям переловой английской нации.

У Флетчера это общее пренебрежение к русским obviously под влиянием неудачи его миссии, а также в результате слабостей его характера и его политической карьеры. Флетчер приехал в Москву через пять лет после смерти Грозного поправлять расстроенное дело английской торговой компании, пострадавшей от своих же агентов, и хлопотать о дальнейшем расширении ее прав и монополии в пределах московского государства. В числе развязных пренебрегавших вежливостью английских послов, он повел себя по преимуществу дерзко и безтактно при церемониальном московском дворе, отказавшись прочитать весть царский титул, за что был лишен личного аудиенции у царя, вынужден вести переговоры с чиновником, дьяком Шкватковым, и там в самом начале поставить себя в невыгодное положение.

Надо было оправдаться в своей неудаче перед королевой, а Флетчер рассчитывал занять место придворного историографа Елизаветы. Он решил, что достигнет той и другой цели, если даст описание московского царства с характерными подробностями, совершенно непохожих на правление Царя-Немощного, как он пишет в предисловии, если изобразит Москву в качестве страны варварской, управляемой жестокими азиатскими приемами, невежественной погубляющей от нечестия и нечестивости с просвещенной Европой, из этого мрачного фона тем ярче должно выделиться законосообразное, основанное на договоре правление английской королевы.

По Флетчеру, в России народ и правители стоят друг против друга, перекликаясь с другой стороны взаимно обуславливая. Русские лживы, недобросовестны, склонны к насильию, исповеданы недоверия друг к другу; русский народ расколот на двое: высшие и низшие классы ненавидят друг друга. А происходит это от жестокого и злонамеренного управления, от самозаточной политики правительства, поддерживаемого

застрою своекорыстного духовенства, которое старается держать народ в невежестве.

Грбный для Флетчера „человек высокого ума и толлки политик в своем роде — чистейший представитель адски макиавелистической политики. Он разгромил родовую аристократию, истребил ненавистных ему „дворян“, выгнал из гряди и нечестности новых людей вовсе не по народническим побуждениям, а для того, чтобы разжечь вражду классов и тем безнаказаннее господствовать над ними. С той же целью он позволяет своим чиновникам притеснять и грабить народ. Флетчер постоянно возвращается к теме о невероятном утеснении простого народа, хотя не может привести в пользу этого утверждения никаких фактов.

С. М. Середонин в превосходной работе повелел, как достоверности и часто неверны у Флетчера данные, относящиеся к строю московских учреждений, как подчиняется его картина русской администрации предвзятым его идеям. Одним из разительных примеров такого легкомыслия и недобросовестности Флетчера может служить его объяснение роли губных старост, которых он считает помощниками и подчиненными присылаемых из центра наместников и чиновников: он совершенно не вни в характерное для Москвы XVI в. местное самоуправление. Легковесность наблюдений Флетчера лишила его, между прочим, очень для него важной иллюстрации деспотизма Грбного: он ничего не говорит об обривине, хотя многое в этом учреждении очень подходит для лишнего обвинения царя в узком эгоизме.

Флетчер пишет в эпоху расцвета политического либерализма, представленного в XVI в. талантливой школой „миллархомахов“. Их красивые, звучные и смелые фразы о преде неограниченной монархии, о защите народных прав представителями общественного мнения, о разумности парламентаризма, закрывают часто бессодержательность их собственной программы, аристократическую узость и своекорыстие этого класса, к которому принадлежали ораторы и писатели, провозглашавшие свободу. В XIX в. историки, уважавшие все виды оппозиции государственной власти, легко поманили и колею ранних обвинений деспотизма и потому охотно приципали суждения отцов либерализма, публицистов XVI века. Флетчер, не имевший большого успеха в свое время, преедуемый английской торговой компанией, которая боялась, чтобы его резкая критика не испортила его отношений с Москвой, был очень силен в XIX в., когда в России настало время сдвое увлечение английскими порядками и английскими модами. Его резкие приговоры, его ятые обличения пришлись по душе тем поколениям, которые отворачивались от русского „варварства“ и жили всеми своими домочадцами и желаниями в Западной Европе.

Так завершился суд новейшего времени над Грозным. Своеобразно обошлась судьба с этим богато одаренным дегизмом умирающей полуазиатской Москвы: полный увлечением европейской культурой, жадно гянувшийся к Западу, готовый бежать туда, чтобы окончить свои дни в прекрасной стране своего идеала, Грозный был разбит самым типичным воителем беспощадного к русским Запада, Баторием: англофил, он получил еще посмертный удар, как бы напутственное проклятие от Флетчера, представителя той самой нации, которой он более всего поклонялся.